

Олег Волков

ОГОНЬ С НЕБЕС

Олег Волков

Огонь с небес

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70106797

SelfPub; 2023

Аннотация

Только, только закончилась Великая Отечественная война, Александр Асеев, бывший боец Внутренних войск НКВД, возвращается домой. Тяжёлое ранение, повреждение позвоночника, сделало его инвалидом. Однако капитан Давыдов, начальник районной милиции, всё же назначает Александра участковым в его родной посёлок Четвёрочка. До возвращения домой Александр был уверен, что вся его семья, которая осталась в оккупации, стала жертвой оккупантов, как и миллионы других советских людей. Однако выясняется, что всё далеко не так просто и однозначно. Как участковый милиционер Александр начинает собственное расследование гибели своей семьи. К собственному удивлению он раскапывает такое!

Содержание

Глава 1. Огонь с небес	4
Глава 2. Представитель власти	15
Глава 3. Четвёрочка	39
Глава 4. Первый свидетель	62
Глава 5. Цирк с конями	97
Глава 6. Что-то здесь не так	118
Глава 7. Как три копейки	142
Глава 8. Зелёное светопреставление	159
Глава 9. Сказка и научная фантастика	220
Глава 10. Летающий тазик	237
Глава 11. Аварийная посадка	248
Глава 12. Что-то под водой	267
Глава 13. Смелость обречённого	280
Глава 14. Товарищ из органов	301
Глава 15. Вопросы без ответов	313

Олег Волков

Огонь с небес

Глава 1. Огонь с небес

Как же скучно и грустно бродить в одиночестве по так называемому боевому посту, перед крыльцом комендатуры в подступающих сумерках. И, одновременно, страшно бродить. Полицай Афанасий Суслов, гораздо более известный среди прочих полицаев и оккупационных властей Кондопоги под кличкой Суслик, в очередной раз нервно оглянулся по сторонам. Так-то оно да: трофейная винтовка «Мосина» давит на плечо, широкий ремень давно протёр на чёрной ткани некогда важного пиджака белесую проплешину. В каждом магазине пять патронов. Каждая пуля способна пробить на вылет партизана, комиссара или иного нарушителя комендантского часа. Не говоря уже о том, что грохот выстрела прокатится взрывной волной по Пролетарской улице. Если это произойдёт, то из сурового здания комендатуры тот час выскочит дежурный отряд полицаев во главе с фельдфебелем Тюко Кукконен. А там и пулемёт застрочит, и тревога проскочит по городу, и поднимется гарнизон. И тогда мало не покажется даже самому большому отряду партизан. Но всё равно страшно, Суслик с тоской глянул вдаль по тёмной

улице. Ведь его всё равно убьют в первую очередь. Ведь часовых всегда и везде убивают в первую очередь.

Некогда важный и солидный пиджак запылится и растрепался от постоянной носки и многочисленных стирок. Суслик машинально поправил на левом рукаве белую повязку с надписью «Polizei». Не солидно как-то представителю властей разгуливать по городу в поношенных гражданских шмотках. А что делать? От жадности финны скорей удавятся, нежели выдадут вспомогательной полиции хоть какую-нибудь форму, хотя бы старую и ношеную армейскую. Вот и приходится постоянно ходить в штатском.

Суслик поднял глаза. Вот-вот окончательно стемнеет. Погода для начала июня выдалась так себе: днём ещё было тепло, а сейчас прохладный ветерок с озёр, которые стиснули Кондопогу с севера и с юга, холодит всё сильнее и сильнее. Солнце уже давно скрылось за горизонтом. Синее небо с редкими тучками прямо на глазах наливается чернотой. Город затих словно испуганная мышь под веником. Хотя, Суслик презрительно скривился, если разобраться, то Кондопога едва-едва тянет на гордое звание «город». Если бы не железная дорога, что идёт из Ленинграда на север через Медвежьегорск и дальше на Мурманск, то Кондопога так бы и осталась деревней, где обыватели от скуки и безысходности воют на Луну.

За углом комендатуры что-то хрустнуло. Суслик тут же замер на месте. Ужас ледяным обручем стиснул сердце,

пальцы левой руки судорожно обхватили приклад «мосинки». Что? Что это было? Медленно и очень осторожно Суслик развернулся. Аж гора с плеч! Ничего и никого. Такое бывает, нередко, даже часто, когда в подступающих сумерках что-то хрустит, гудит и щёлкает. Как объяснил господин фельдфебель, если ты жив, значит, ничего страшного не произошло. А всё остальное это нервы. Наверно, так оно и есть на самом деле.

Суслик вразвалочку переступил с ноги на ногу. Приклад «мосинки» мягко хлопнул по спине. Кирпичное здание комендатуры в сгущающейся темноте всё больше и больше напоминает зловещую скалу. Здесь же сидит оккупационная администрация города. Суслик с опаской покосился на тёмные окна на втором этаже. Хорошо, что там никого нет. Больше всего пугает единственное ярко освещённое окно на первом этаже возле крыльца.

Шаг влево, разворот, два шага вправо. Пролетарская улица, где находится здание комендатуры, пуста. По обочинам притаились дома обывателей. Лишь в редком окне можно заметить отблеск свечи, лучины или керосинки. Ну и правильно! Суслик бойко щёлкнул каблуками. Нужно быть полным идиотом, чтобы в разгар комендантского часа высунуть нос на улицу.

И всё равно как же скучно и грустно бродить в подступающей темноте по боевому посту, будь он не ладен. Но тут комендатура, ближайшие дома, да и вся Пролетарская улица

в целом, осветились мрачным жёлтым светом. Будто кто-то рядом развёл огромный костёр. Следом с небес упал жуткий грохот, словно злой шутник прямо над ухом принялся долбить кувалдой по гулкому железному листу. С перепугу Суслик крутанулся на месте юлой. Пиджак пронзительно треснул, когда руки сорвали в сплеча «мосинку». Палец едва не вдавил до упора курок. Что? Что случилось? От ужаса Суслик глубоко и часто задышал.

Между тем грохот только набирает обороты. Суслик развернулся всем телом, да так и замер на месте. Винтовка едва не вывалилась из враз ослабевших пальцев, дуло ткнулось в землю. Ни хрена себе! От удивления глаза едва не выскочили из орбит. Скажи кто другой, в жизнь бы не поверил!

Плотный жёлтый сгусток огня, словно маленькое Солнце, стремительно прорезает тёмное небо. От грохота уши едва не свернулись в трубочки. Кажется, будто плотный сгусток огня вот-вот упадёт прямо на голову. От ужаса Суслик натужно прохрипел. Но нет, пронесло... Плотный сгусток огня непременно упадёт, но только не ему на голову.

Маленькое Солнце, от которого на Пролетарской улице стало светло едва ли не как днём, торопливо перечеркнуло небо с юго-запада на северо-восток. Кажется? Суслик мучительно сощурился. Или за сгустком и в самом деле тянется дымный шлейф? Небеса пропитались темнотой, ни хрена не понять. Но нет, точно, тянется, Суслик кивнул. На фоне более светлых облаков всё же можно заметить сильно размы-

тую дымку.

Сгусток огня пролетел над головой, Суслик развернулся за ним следом, приклад винтовки шаркнул по земле. Вот-вот оно рухнет в воды Нигозера, озера, к южному берегу которого примкнула Кондопога. Будет большой плюх и, непременно, много-много пара.

Ещё немного! Суслик непроизвольно втянул голову в плечи. Скоро совсем! Огненный сгусток вот-вот скроется за крышами домов на дальнем конце Пролетарской улицы. И-и-и... Как бы не так!

Сухая ладонь, словно наждачка, прошлась по вспотевшему лбу, Суслик судорожно сглотнул. С ума сойти и не встать! Сгусток огня резко затормозил. Как ему это удалось – хрен его знает, однако он так и не скрылся за крышами домов на дальнем конце Пролетарской улицы. Даже больше – сгусток огня буквально завис над землёй, небесный грохот заметно стих. Хотя... Суслик приподнялся на носках, он, всё же, продолжает падать, пусть и не так стремительно. Пусть и с трудом, но можно заметить, как сгусток огня, будто нехотя, теряет высоту. И-и-и... Суслик пригнул голову. Кажется? Нет, точно, он несколько подвернул в правую сторону. Как говорят лётчики и моряки, изменил курс. Если он и дальше так полетит, то непременно перелетит Нигозеро и даже озеро Сандал, что находится ещё дальше на север от Кондопоги. А после упадёт в лес где-то там на северо-востоке.

Сгусток огня заметно поплёк, будто растерял былой жар.

Маленькое солнышко как будто закатилось за горизонт, скрылось-таки за крышами дальних домов на Пролетарской улице. И-и-и... Суслик превратился в слух. Ничего. Вообще ничего. Секунда стремительно утекает за секундой. Кажется, сейчас, вот-вот, ка-а-ак рванёт! Однако взрыва так и не последовало, отчего тишина в испуганном городе враз показала ещё более зловещей. Хотя нет, Суслик завертел головой, в разных концах Кондопоги, словно по команде, взвыли собаки.

– Су-у-усслик!!!

Лающий окрик будто огрел прикладом по башке. Суслик встрепенулся всем телом и стремительно развернулся. Руки тут же подхватили «мосинку» и водрузили её на плечо строго по уставу караульной службы. Суслик вытянулся по стойке «смирно». А всё потому, что на крыльце комендатуры, в ярко освещённом дверном проёме, появился дежурный фельдфебель Тюко Кукконен.

– Суслик!!! – фельдфебель Кукконен, словно паром, изошёл праведным гневом. – Я требую знать, что это был громкий звук?

Господину фельдфебелю больше пятидесяти лет. Среди полицаев ходят упорные слухи, что ему довелось служить ещё до революции в царской армии, когда Финляндия входила в состав Российской империи. Скорей всего, так оно и было на самом деле, ибо где ещё господин фельдфебель, тупой солдафон, мог так хорошо выучить русский язык?

Если не знаешь, то можно подумать, будто на левую кисть господин фельдфебель натянул чёрную перчатку. На самом деле это протез. Опять же болтают, будто Тюко Кукконен потерял руку во время Финской войны. Ну, в смысле, ещё до того, как на СССР напали немцы. К счастью или нет, однако из-за хорошего знания русского языка фельдфебеля Кукконена вместо фронта отправили служить в комендатуру Кондопоги. За протез вместо левой руки господина фельдфебеля прозвали Недобитком. За глаза, конечно же, ибо ни у кого из полицаев не хватит мужества назвать его так прямо в лицо. Да и как такое скажешь? Суслик пугливо поёжился. Господин фельдфебель стоит на крыльце комендатуры в до блеска начищенных сапогах, в чистой и выглаженной форме, тощий и злой как тысяча чертей.

Молчать опасно для здоровья, а то и для жизни. С господина фельдфебеля станется и кулаком в морду заехать.

– Осмелюсь доложить, – Суслик попытался лихо щёлкнуть каблуками, – имело место быть непонятное природное явление.

– Что!!! – господин фельдфебель взревел как недорезанный бык. – Ты что говорить! Олух!!!

– Огненный шар жёлтого цвета, – упорно продолжил Суслик, – сей момент изволил пролететь с юго-западной стороны горизонта в северо-восточном направлении. Вышеуказанное природное явление произвело сильный шум, а так же сумело осветить Пролетарскую улицу словно очень сильный

уличный фонарь.

Для большей убедительности Суслик махнул свободной рукой в северном направлении. Господин фельдфебель так и замер на крыльце комендатуры с выпученными от удивления глазами. Хороший признак, Суслик с трудом подавил столь неуместную в присутствии начальства улыбку.

– Осмелюсь предположить, – с напускным энтузиазмом продолжил Суслик, – что вышеуказанный огненный шар жёлтого цвета совершил мягкую посадку за пределами озера Сандал. Вероятность падения в указанное озеро является маловероятной, ибо огненный шар жёлтого цвета проявил разумную активность. А именно недалеко от поверхности земли сбросил скорость и сменил направление полёта.

– Ты что несёшь? Олух! – едва ли не на чистом русском языке выдохнул фельдфебель Кукконен.

– Осмелюсь доложить, господин фельдфебель, – Суслик аж затрясся от напускного энтузиазма, – что непонятное природное явление имело место быть именно так, как я имел честь вам доложить. Какие будут приказания? – закончил Суслик, будто всадил пулю в лоб «любимому начальнику».

Словно физическое воплощение служебного рвения Суслик замер с «мосинкой» на плече. Да, он только что произнёс околонаучный бред с серьёзной миной на лице, но с господином фельдфебелем только так и можно разговаривать, изо всех сил изображать вконец усердного, но тупого, служаку, который, больше воздуха, нуждается в руководящей и

направляющей длани мудрого начальника. Сработало в очередной раз, фельдфебель Кукконен так и остался стоять на крыльце комендатуры с распахнутым от удивления ртом.

Между тем Суслик бойко развернулся на месте. Грохот с небес привлёк внимание не только господина фельдфебеля. Не смотря на комендантский час и более серьёзную угрозу загреметь в кутузку, обыватели Кондопоги высыпали на Пролетарскую улицу. Где по одному, чаще небольшими группами, люди принялись напряжённо оглядываться по сторонам и спрашивать друг друга. Вопрос один и тот же: что это было? Как и следовало ожидать, лишь редкие счастливики сумели заметить, как над Кондопогой пролетел сгусток огня и пропал где-то на северо-востоке. Зато все без исключения услышали адский грохот с небес.

– Что за безобразие? Почему обыватель смеет выйти улица? Кто нарушить запрет комендантский час? – господин фельдфебель наконец-то пришёл в себя и опять взорвался праведным гневом.

Господин фельдфебель так и не сообразил, что сказать по существу, а потому очень быстро нашёл другую точку приложения для благородного гнева – обыватели Кондопоги, что посмели в массовом порядке нарушить комендантский час.

– Прикажете арестовать обывателей, что посмели нарушить комендантский час и без письменного разрешения смели покинуть свои дома? – Суслик торопливо поддакнул господину фельдфебелю.

Фельдфебель Кукконен опять завис в недоумении, но ненадолго.

– Обывателей с улица загнать! Ленивый и тупой арестовать! – громогласно скомандовал господин фельдфебель.

– Будет исполнено! – Суслик едва не треснул от напускного энтузиазма, развернулся на месте и тронулся было скорым шагом.

Но, не успел Суслик сделать и пары шагов, как окрик господина фельдфебеля будто треснул кулаком по затылку:

– Стоять!!!

Суслик послушно замер на месте и повернулся к крыльцу комендатуры.

– Я оставляю мой приказ, – почти спокойно и почти тихо произнёс господин фельдфебель. – Ты стоять пост и смотреть. Я – доложить команду. Выполнять.

– Есть выполнять! – бойко отозвался Суслик.

Господин фельдфебель удалился с крыльца с гордым видом. Суслик тут же опустил «мосинку» прикладом на землю и расслаблено перевёл дух. Недобиток до конца жизни так и останется фельдфебелем с луженой глоткой, ибо ни умом, ни сообразительностью он не отличается. Он едва успел сообразить, что разогнать обывателей по домам это задача патрулей. Да и арестовать наиболее ленивых и тупых горожан должны они же. Главная задача часового возле комендатуры – стеречь саму комендатуру. Суслик оглянулся. Впрочем, обыватели и сами не дураки, наиболее сообразительные и

шустрые уже разбежались по домам. Минута, от силы две, и Пролетарская улица опустеет вновь.

В ярко освещённом окне на первом этаже комендатуры задёргался и закрутился тёмный силуэт. Понятно, Суслик машинально кивнул, господин фельдфебель принялся накручивать телефон. Сперва он вытащит из койки коменданта Кондопоги майора Корпела. Потом господин майор накрутит господину фельдфебелю хвост, прикажет разобраться по существу, а уже после доложить. А дальше? Суслик равнодушно зевнул. А хрен его знает, что будет дальше. Ему-то какая разница? У господина Недобитка голова большая, у господина коменданта ещё больше. Вот пусть они на пару и думают.

Глава 2. Представитель власти

Кладбище в Кондопоге ни по внешнему виду, ни по сути своей ничем не отличается от сотен и тысяч погостов сотен и тысяч других городов, сёл и деревень огромной страны. Проходы между рядами могил похожи на широкие проспекты, от которых во все стороны разбегаются более узкие тропинки-улицы. Прямоугольные холмики могил где с крестами, а где с простенькими памятниками словно отдельные жилые дома. Александр, комиссованный солдат внутренних войск НКВД, печально улыбнулся собственным мыслям. Правильней дома-могилы будет назвать постоянным жилищем для мёртвых.

С того самого момента, когда Александр был здесь в последний раз, городское кладбище сильно изменилось, причём в худшую сторону. Вот уж где ярче и печальней всего проявились горькие последствия Великой Отечественной войны. Начать можно с того, что кладбище стало значительно больше. Самое печальное то, что здесь появились братские могилы.

Александр неторопливо прошёлся по широкому проходу между могил. В старой части кладбища много ещё довоенных захоронений, некоторые даже с железными оградками. Но то редкая роскошь прежней мирной жизни. Ближе к южному краю появилось много новых могил, прямое напоми-

вание о трёхлетней оккупации. В прямоугольные плоские холмики воткнуты деревянные столбики с неширокими дощечками. Имена и даты изрядно потёрты ветром, дождём и Солнцем.

Братская могила. От обычных она отличается большими размерами. Вдоль края насыпи широкой лентой лежат простые полевые цветы, одуванчики, ромашки. Кое-где лепестки и листья полностью засохли, где-то только начали увядать. Посетители кладбища постоянно приносят всё новые и новые букетики и самодельные венки. Александр склонил голову. Широкая надпись на доске сообщает, что здесь похоронены солдаты и офицеры Красной армии, которые освободили Кондопогу от финских оккупантов в прошлом году. Всего 318 человек.

Маленький букетик скромных полевых цветов опустился рядом с остальными. Александр медленно выпрямился. Проклятая поясница в очередной раз выстрелила острой болью. Последняя почесть, Александр отдал честь боевым товарищам, кончики пальцев коснулись края солдатской пилотки. Не всем довелось вернуться с великой и страшной войны. Далеко не всем. А вот ему повезло дожить до победы. Пусть и с проклятой инвалидностью, но всё равно повезло. И точка!

Несколько в стороне ещё одна братская могила гораздо крупнее этой. Три долгих года Кондопога находилась под пятой проклятых оккупантов. И не имеет значения, что это бы-

ли финны, а не немцы. Как говорят в подобных случаях, хрен редьки не слаще. В этой братской могиле похоронены жертвы оккупантов, мирные жители, узники концлагерей для военнопленных и так называемых «неродственных народов Восточной Карелии». Все те, кто умер от голода и болезней, кого расстреляли и замучили в гестапо. Или как там на самом деле у финнов называлась тайная полиция.

– Мама, папа, я вернулся, – тихо произнёс Александр.

На край братской могилы опустился ещё один маленький букетик скромных полевых цветов.

– Простите, что так и не сумел защитить вас, – Александр медленно выпрямился.

На бесконечный миг боль утраты сковала сердце ледяным холодом. В этой братской могиле нашли свой последний приют его родители, а так же младшие брат и обе сестрёнки. Как же горько осознавать, что теперь он круглая сирота. Конечно, где-то там, возможно, у него ещё остались родственники. Обязательно кто-нибудь да остался. Да их ещё поискать надо.

Нехотя, будто через силу, печаль, ледяная печаль, отпустила. Александр машинально поправил на плече лямку солдатского вещмешка. Да, вся его семья погибла в оккупации. Да, теперь он круглая сирота. Однако его личная трагедия потонула и растворилась в глубине одной огромной трагедии всего советского народа. Военные годы не прошли для Александра бесследно. Он много раз терял боевых товарищей. А

уж сколько смертей прошло мимо него и на его глазах, так вообще сосчитать невозможно. Надо просто жить дальше. Жить за отца, за мать, за брата, за сестёр.

Солнце будто только сейчас вспомнило о своём главном предназначении и вылило на плечи ушат зноя. Александр расстегнул верхние пуговицы гимнастёрки. Армейская привычка одеваться строго по уставу въелась в подкорку, но теперь он не солдат. Да, на нём самая обычная гимнастёрка, пилотка, сапоги и галифе. К вещмешку привязана плотно скатанная шинель. Но ещё в госпитале Александр лично спорол с формы все знаки различия. Единственное, что оставил, так это зелённую звёздочку на пилотке.

Такая знакомая, такая родная Кондопога ещё толком не успела оправиться от уличных боёв лета сорок четвёртого года. Стены зданий во многих местах обезображены сколами и язвинами от пуль. По дороге Александр несколько раз прошёлся по засыпанным воронкам то ли от снарядов, то ли от бомб. Опытный глаз следопыта легко срисовал разницу в цвете песка и глины, что привезли из карьера за городом.

На Пролетарской улице Александр без труда нашёл нужный дом. Солидное двухэтажное здание, над крыльцом на длинном флагштоке развивается красное знамя. Слева от двухстворчатых дверей большая самодельная табличка с надписью: «Милиция». Чуть ниже ещё одна поменьше: «РКМ НКВД СССР».

Дежурный милиционер, усатый дядька в синей милицей-

ской форме с двумя белыми полосками младшего сержанта на погонах, проводил Александра до кабинета начальника районной милиции.

– Садитесь, – капитан Давыдов показал на стул возле письменного стола.

Не без опасения Александр опустился на предложенный стул с прямой спинкой. Глаза с интересом разбежались по сторонам. Да и было с чего разбегаться. Кабинет начальника районной милиции поразил напускной роскошью. Стены обклеены цветастыми обоями, высокий платяной шкаф и ряд тёмных резных стульев с высокими спинками. Четыре подвесные полки выделяются вычурной резьбой и пыльной пустотой. И стол, письменный стол с дубовой столешницей, словно самый большой бриллиант в короне Российской империи. И ещё сейф. По левую руку от капитана Давыдова возвышается солидный сейф на квадратных стальных ножках с непонятными надписями то ли на немецком, то ли на финском языке.

Столь откровенно пялиться по сторонам неприлично. Не без труда Александр перевёл взгляд на хозяина кабинета. Капитану Давыдову Сидору Никитичу лет сорок с небольшим, невысокого роста и коренастый. Лицо заметно опалено, давний ожог, возможно, капитан получил его на фронте.

– Ты, это, не думай чего плохого, – капитан Давыдов обвёл рукой кабинет. – Всё это, так сказать, наследство от майора Корпела, финского коменданта Кондопоги. Оккупанты здесь

три года сидели. Вот майор и решил, будто будет сидеть в этом кабинете вечно. А потом так поспешно рванул прочь, что вон, – левая рука капитана Давыдова указала на стальное чудовище в углу, – даже ключ от сейфа в замочной скважине забыл.

– Понимаю, товарищ капитан, – Александр улыбнулся в ответ. – Я ведь до проклятой Германии дошёл. Успел увидеть, как зажравшиеся буржуи живут. Но, скажите, пожалуйста, зачем вы меня... Э-э-э... Вызвали?

Найти правильное слово получилось далеко не сразу. Строго говоря, в своём последнем письме капитан Давыдов попросил зайти к нему в отделение, когда Александр вернётся в Кондопогу. Другое дело, что шутить с подобными просьбами как тушить огонь керосином. Но, с другой стороны, просьба всё равно остаётся просьбой, а не официальным вызовом на допрос.

– Об этом чуть позже, – капитан Давыдов нетерпеливо отмахнулся. – Лучше расскажи, тебя и в самом деле комиссовали вчистую?

Александр отвёл глаза в сторону и склонил голову, не самая приятная тема для разговора.

– Вчистую, – нехотя признал Александр. – Полковник Жгунов, главврач госпиталя, мне прямо в лицо так и заявил, что надежды на выздоровление нет. Я пытался было возразить, – Александр криво усмехнулся, – что, дескать, руки, ноги на месте, голова на месте, а потому готов и дальше мо-

читать фашистского гада в его логове. Но легче быка убедить, что он корова и научить его давать молоко, нежели переубедить главврача.

– И полковник Жгунов оказался прав? – как бы ненавязчиво уточнил капитан Давыдов.

– Да, – едва ли не через силу просипел Александр. – Я не силён в медицинских терминах. У меня что-то там с позвоночником. То ли сколы, то ли трещины, то ли вмятины. Время от времени поясница болит так, что хоть с воем на стену лезь. Поначалу, когда меня в госпиталь привезли, так вообще ходить не мог. Но полковник Жгунов пообещал, что со временем легче будет. А тут и война закончилась. Дескать, незачем мне больше воевать, страну восстанавливать надо. Вот тебе солдатская форма, другой нет, и марш на дембель.

Если вы не в курсе, товарищ капитан, меня в тридцать восьмом призвали. Как рядовому и младшему начальствующему составу сухопутных частей погранвойск, мне полагалось отслужить три года. А тут война с фашистами началась. Четыре военных года в срок срочной службы не вошли, поэтому мне ещё один год остался. Но тут ранение, комиссия и на гражданку по инвалидности.

– И где тебя так угораздило? – поинтересовался капитан Давыдов.

– В Везенштайне, это от Дрездена недалеко. Мы недобитков преследовали. Они в барском доме засели и, гады такие, входную дверь заминировали. На моё счастье дверь доброт-

ной оказалась, старинной, дубовой. Взрыв её с петель сорвал, но не расколол. Меня с крыльца на землю швырнул, и сверху этой же дверью припечатал, – Александр махнул ладонью, будто шлёпнул ей по столешнице. – В себя уже в санбате пришёл. Спасибо боевым товарищам, вынесли. Ноги целые, а ходить никак не могу.

– Понятно, – задумчиво протянул капитан Давыдов. – А дальше что делать думаешь? Чем будешь заниматься?

– А чего ещё тут думать? – Александр глянул на капитана Давыдова. – Домой вернусь, в родную Четвёрочку. Это, в смысле, в Леспромхоз №4. Как я уже успел узнать, его восстановили уже. Я там до призыва учеником механика на лесопилке работал. Опять механиком пойду, возьмут, надеюсь. А дальше, – Александр пожал плечами, – всё как положено: дом, жена, дети. Как сказал полковник Жгунов, страну восстанавливать надо, причём, каждый должен это делать на своём рабочем месте.

– Правильно полковник сказал, – капитан Давыдов кивнул. – А учиться думаешь? Только без обид, но простым механиком может стать каждый, у кого руки не из жопы растут. А вот инженером-механиком? Тут, понимаешь, не только ум и сноровка нужны, а ещё образование с корочками.

– Думал я об этом, – Александр не стал отпираться. – Ещё до войны думал, до того, как меня в пограничники призывали. Думал, отслужу, вернусь домой, снова в леспромхозе работать буду, а там и на заочное поступлю куда-нибудь. У от-

да моего из образования два класса всего, но грамотность он уважал, крепко уважал. Всё мечтал меня, брата и обоих сестёр выучить. И не просто читать и писать, а непременно в инженеры, врачи, агрономы. Иришка, самая младшая сестрёнка, лётчиком стать хотела, как Валентина Гризодубова или Полина Осипенко.

Но инвалидность проклятая всю жизнь перечеркнула, – зло просипел Александр. – Как оно там дальше получится, то даже полковник Жгунов предсказать не взялся. Может, и в самом деле со временем на поправку пойду, а может и нет. Товарищ полковник посоветовал мне хотя бы год подождать, а там видно будет. Если поясница и в самом деле болеть перестанет, то можно будет и на инженера-механика заочно выучиться. Умом господь не обидел. В любом случае, страну восстанавливать надо.

– Это правильные мысли, – охотно согласился капитан Давыдов, – но у меня к тебе другое предложение будет.

Александр недоверчиво глянул на капитана Давыдова. Какое ещё другое предложение будет? Освед? Шпик? Стукач? В голову полезли предположения каждое новое грязней предыдущего. Так-то оно да, Александр смутился, давить врагов народа тоже надо. Но-о-о...

– Да не хмурься ты так, – капитан Давыдов слегка рассмеялся. – Это не то, о чём ты сейчас так выразительно подумал. Осведов у меня и без тебя хватает.

Александр вымученно улыбнулся, аж на сердце отлегло.

– А вот толковых участковых инспекторов не хватает, – между тем продолжил капитан Давыдов.

– Э-э-э... – задумчиво протянул Александр. – Это, участковых, что ли?

– Они самые, – капитан Давыдов кивнул. – Если хочешь официально, то я предлагаю тебе занять должность участкового инспектора милиции в Леспромхозе №4. В твоей родной Четвёрочке. Ведь именно оттуда тебя призвали в погранвойска?

– Так точно, – Александр кивнул.

Отец и мать Александра оба уроженцы Кондопоги. Однако в 1928 году, когда для нужд строящейся Кондопожской ГЭС был основан Леспромхоз №4, они перебрались туда. В том же году леспромхоз получил второе неофициальное название Четвёрочка. Именно из Четвёрочки в 1938 году призвали в Красную армию. Точнее, в пограничные войска, которые являются частью Наркомата внутренних дел СССР.

– И хорошо знаешь как местных жителей, так и местные условия, – между тем продолжил капитан Давыдов.

– Я хорошо знал местных жителей и местные условия до войны, – поправил Александр. – А что сейчас происходит в Четвёрочке, кто там живёт и прочее – не имею ни малейшего понятия. Меня шесть лет дома не было.

– Неважно, – отмахнулся капитан Давыдов. – Никуда Четвёрочка не делась. Ты, наверное, ещё не в курсе. В Кондопоге финны три года сидели. До линии фронта достаточно

далеко было. Вот они и попытались восстановить леспромхоз. Место больно удобное: автомобильная дорога с железной пересекаются. Финны новое оборудование завезли, лесопилку наладили. У них там гражданские работали. А когда Красная армия в наступление перешла, финны так поспешно драпанули, что бросили всё практически в целости и сохранности. Вот почему ещё в сорок четвёртом было принято решение возродить леспромхоз, ну и рабочий посёлок при нём соответственно.

Четвёрочка с начала сорок пятого работает. Шпалы, дрова, брус. В ближайшие месяцы должны запустить завод по перегонке смолы, дёгтя. Посёлок заметно обновиться успел, три новых общежития построили. Прежние работники с семьями вернулись, новые приехали. А вот участкового инспектора милиции у меня там нет. Это же, сам понимать должен, – капитан Давыдов доверительно наклонился ближе, – как советской власти нет. Круглов Аркадий, председатель леспромхоза, по факту, обязанности участкового исполняет. Да только у него своих забот полон рот. Нужен, кровь из носа нужен, участковый.

Александр удивлённо уставился на капитана милиции. Предложение более чем неожиданное.

– Но почему именно я? – Александр едва сумел выдать из себя пару слов. – Я же инвалид, меня комиссовали, вчистую. Ну да, я вам честно скажу, товарищ капитан: мне товарищ подполковник Негожин, это зам нашего командира,

прямо предлагал после Победы в органах остаться, на офицера выучиться. Дескать, у меня все задатки для этого имеются.

– Вот видишь? – тут же вставил капитан Давыдов. – Не только я в тебе хороший потенциал разглядел.

– Так инвалидность проклятая всё враз перечеркнула, – Александр едва сдержался, чтобы не сорваться на писклявый визг. – Мне товарищ подполковник на прощанье так и сказал, дескать, не судьба мне в органах служить. Не судьба. Да и победили мы уже фашистов, – Александр разом сдулся и отвёл глаза в сторону. – Всеобщую демобилизацию вот-вот объявят, с фронта настоящие боевые офицеры вернутся. Здоровые, в отличие от меня.

Былая обида на судьбу чуть было не вылетела из гортани писклявым визгом. Однако, к собственному удивлению, Александр даже немного успокоился. Вот что значит выговориться, спустить пар, и в самом деле помогает.

– Всё так, товарищ Асеев, но на должность участкового инспектора милиции абы кто не подойдёт, даже заслуженный боевой офицер, даже здоровый, как ты говоришь. Я ведь успел о тебе справки навести. Ну-ка, поведай, где и как тебе довелось служить? Начни с самого начала.

– Так, это, – Александр на миг замялся, – с самого что ни на есть начала?

– С самого что ни на есть, – капитан Давыдов кивнул. – Начти со своего призыва в тридцать восьмом году. Куда тебя

направили?

– На границу, ещё в тридцать восьмом. На Дальний Восток, рубежи с Китаем стеречь. Ещё там, на заставе, мне ефрейтора дали.

А когда в сорок первом фашисты напали, мы всей заставой рапорты о переводе на фронт написали. И я написал. Только никто из нас непосредственно на передок так и не попал. Как я позже узнал, нас всех в Войска НКВД по охране тыла определили. Меня, например, в 25-ый пограничный полк войск НКВД по охране тыла направили.

– И чем именно у себя в полку ты занимался? – с улыбкой поинтересовался капитан Давыдов.

– Это, – Александр собрался с мыслями. – Сперва, в сорок первом, на подступах к Москве в тылу Красной армии мы диверсантов ловили, шпионов, мародёров разных, дезертиров. Несколько позже, когда Красная армия фрицев от Москвы турнула, трофейное оружие собирали.

Собственно, так всю войну и прошёл, – Александр пожал плечами. – Когда Красная армия фашистов на запад погнала, к шпионам и диверсантам недобитки добавились. В смысле, кто в окружение попал, но в плен не сдался, а решил к своим на запад пробиваться. Уж сколько мы их по лесам и болотам переловили. Простые солдаты – ещё ладно. Такие же рабочие и крестьяне, только Гитлер им мозги запудрил. А вот эсэсовцы – черти настоящие. До последнего патрона не сдавались.

– Оперативно-розыскной работой заниматься приходилось? – спросил капитан Давыдов, и тут же уточнил: -допросы, ставки, протоколы, обыски, опознания?

– А то как же, – Александр гордо выпрямился на стуле. – Правда, непосредственной работой капитан Агапов занимался, это ротный мой. Это он допросы вёл, протоколы заполнял и прочее, что полагается. Я при нём на подхвате был: кого догнать, кому руки заломить, память освежить. Не говоря уже о том, чтобы по лесу как собака по следу пройти, схрон найти или место, где парашют закопан. Бывало мины с растяжками снимал, или, там, шашку тротилтовую на снаряд неразорвавшийся ставил.

– А тебе самому, лично, приходилось допросы вести и протоколы писать? – настойчиво уточнил капитан Давыдов.

– Приходилось, конечно же, – легко признался Александр. – В начале войны немцы нам в тыл диверсантов и шпионов табунами забрасывали. Некоторые из них сразу сдаваться приходили, но многие по округе словно тараканы разбегались. Вот мне, как ефрейтору, как старшему в группе солдат, приходилось и дворы обходить, и местных жителей допрашивать, и протоколы писать. Правда, черновики в основном. Капитан Агапов после сам все документы в нужный порядок приводил. У нас с этим строго было.

– Вот видишь! – капитан Давыдов с победным видом поднял указательный палец. – Ты же идеально подходишь для должности участкового инспектора. Все эти четыре года ты,

по факту, служил в органах НКВД. Хорошо знаком с основами оперативно-розыскной деятельности. Местный житель, боевой офицер.

– Старший сержант, вообще-то, – поправил Александр и тут же добавил, – был старшим сержантом.

– Пусть старший сержант, это не менее почётно, – тут же согласился капитан Давыдов и продолжил. – Звание тебе я прежнее оставляю, будешь старшим сержантом милиции. Местный житель, боевой старший сержант, родину с оружием в руках защищал. Ты станешь лицом советской власти, ее физическим воплощение. И при этом останешься для сельчан своим, родным, а не пришлым из города.

Форму получишь, всё как полагается, летнюю и зимнюю. В правлении леспромхоза для тебя уже кабинет подготовлен. Я лично распорядился и проследил. Там даже камера предварительного заключения имеется.

– Это «обезьянник», что ли? – уточнил Александр.

– Он самый, – капитан Давыдов усмехнулся. – Специально для тебя в общежитии леспромхоза отдельная комната зарезервирована. А там и невесту себе присмотришь, – капитан Давыдов хитро прищурился. – Я когда в Четвёрочке в последний раз был, так таких невест углядел. А ты, как представитель власти, станешь очень завидным женихом.

– Но я же..., – начал было опять Александр.

– А через год, – капитан Давыдов грубо перебил Александра, – когда освоишься и выздоровеешь, я тебе в юриди-

ческий институт поступить помогу. Заочно, конечно же. Выучишься, диплом получишь, лейтенантом милиции станешь. Ну чего ещё тебе надо?

Вопрос начальника районной милиции повис в воздухе. От волнения Александр стиснул губы. Предложение капитана Давыдова, чего уж врать самому себе, очень даже заманчивое. Вновь вернуться в органы, чего он и сам очень хотел до ранения и о чём очень сожалел, когда услышал вердикт главврача.

– Я тебе так скажу, товарищ Асеев: – продолжил капитан Давыдов, – соглашайся и даже не думай отказываться. Участковый инспектор милиции – это тебе не боец НКВД по охране тыла. Тебе больше не придётся бегать с полной выкладкой по лесам и болотам в грязь и в снег. Будешь ходить в милицейской форме при полном параде и одним своим видом показывать, что советская власть здесь, бдит и не допустит нарушения социалистической законности. Ну и, конечно же, поддерживать порядок на вверенной территории: слишком буйных урезонивать и в «обезьяннике» охлаждать, разбирать конфликты между гражданами и расследовать мелкоуголовные дела. Ну и бюрократия, конечно же: отчёты, запросы всякие. Без неё никак.

В ответ Александр хмуро промолчал. Работа участкового и в самом деле чем-то похожа на охрану тыла Красной армии, только на этот раз тыла трудового фронта всей страны. Да и-и-и...

– Согласен, товарищ капитан, – на едином дыхании выпал Александр. – Я согласен. Клянусь приложить все силы для поддержания закона и порядка на вверенной мне территории.

Будто гора с плеч свалилась, Александр шумно вдохнул полной грудью.

– Ну вот и отлично, – капитан Давыдов самодовольно улыбнулся и не подумал это скрыть. – В Четвёрочку завтра поедешь. Сегодня все документы оформим. Форму и личное оружие получишь.

– А где же мне тогда..., – начал было Александр.

– В нашем ведомственном общежитии переночуешь, – перебил капитан Давыдов. – А сейчас вот, держи.

Из выдвижного ящика стола капитан Давыдов извлёк большой металлический ключ.

– Свой старый сейф я тебе в кабинет свёз, это ключ от него, – металлическое чудовище с грохотом опустилось на столешницу. – Специально для тебя я в нём папку с должностными инструкциями оставил. Заодно кое-какую литературу. Почитаешь, подучишь, знать будешь. Зарекомендуешь себя с лучшей стороны, здоровье поправишь на свежем лесном воздухе, и тогда у меня не будет оснований менять тебя на офицера-фронтовика.

Это радует, Александр подхватил со столешницы тяжёлый даже на вид ключ.

– А если, – Александр выразительно качнул в руке желез-

ное чудовище, – я его потеряю? Мало ли что?

От собственной наглости Александр тут же смутился.

– Постарайся не терять. Но если что, у меня имеется дубликат, – капитан Давыдов даже не стал сердиться. – Ещё вопросы будут?

От подступившего волнения Александра прошиб холодный пот. Спросить? Или не стоит? Хотя... Чего бояться? В глаз не дадут, за порог не выгонят.

– Товарищ капитан, – осторожно начал Александр, – прежде, чем прийти к вам в управление, я зашёл на городское кладбище.

– Братскую могилу видел? – тут же спросил капитан Давыдов.

– Да, – Александр кивнул.

– Уже принято решение построить на её месте мемориал в честь солдат и офицеров Красной армии, что отдали свои жизни за освобождение Кондопоги от финских захватчиков.

Какие солдаты и офицеры? Александр в удивлении уставился на капитана Давыдова. Ах, да.

– Да, я уже был там, цветы возложил, – произнёс Александр. – Но я о другой братской могиле, где похоронены жертвы оккупантов. Скажите, – горький ком подступил к горлу, – моя семья..., точно..., там похоронена?

В начале ноября сорок первого года Кондопога, а так же две трети Карело-Финской ССР, оккупировали финны. До конца сорок четвёртого года у Александра не было ника-

кой возможности узнать о судьбе близких. Уже в госпитале у него, наконец, появилась возможность послать запрос. На удивление, он получил ответ. Именно капитан Давыдов, начальник районной милиции, сообщил, что семья Александра полностью погибла. В том же послании капитан Давыдов попросил его зайти в районное отделение НКВД, когда он вернётся домой. Пока письма ходили туда-сюда, Александр успел узнать, что его комиссуют, что даже не придётся дослуживать на китайской границе оставшийся год.

– Поймите мои сомнения, товарищ капитан, – торопливо заговорил Александр. – Мой отец коммунист, в Гражданскую воевал, в леспромхозе бригадиром работал. Ему с семьёй нужно было либо в тыл эвакуироваться, либо в лес убежать. Переселяться в Кондопогу ему было просто опасно. Вот меня и грызёт червяк сомнения: точно мои близкие похоронены в той братской могиле?

Да, я знаю, миллионы советских людей отдали свои жизни ради Победы над фашизмом. Но мне нужно место, куда я смогу прийти и проведать моих близких. Мне..., – Александр вновь замялся, – мне точно надо знать, где именно они похоронены. А то, признаться, сомнения, проклятые, совесть мутят, спать не дают.

Щёки запылали жаром, стыд-то какой. Ведь сам капитан Давыдов лично отписал ему ещё в госпиталь. Однако и сам товарищ капитан заметно смутился, будто скукожился. С чего это?

– Ладно, – капитан Давыдов рубанул ребром ладони воздух перед собой, – раз ты теперь мой подчинённый, то расскажу всё, как есть. Правда, она такая, всё равно рано или поздно вылезет. Тем более ты теперь участковый инспектор милиции и возможностей у тебя по более будет.

Что за...? Грязное ругательство едва не сорвалось с губ. Александр напрягся всем телом, словно перед атакой.

– Твой запрос из госпиталя мне на стол попал, – ладонь капитана Давыдова мягко хлопнула по столешнице. – Я как только понял, где ты служил и скоро домой вернёшься, так сразу на тебя глаз положил. А потому и решил разобрать твой запрос более тщательно. Ты же ведь далеко не единственный, кто родственников искал. Ко мне каждую неделю подобные запросы приходят. И вот что мне удалось выяснить.

Во-первых, твоя семья никуда не уехала, так и попала в оккупацию. Почему они не эвакуировались в тыл, то мне выяснить не удалось. Однако твой отец вывез семью из Четвёрочки в маленькую деревушку Дубуяна. Знаешь такую?

– Э-э-э..., – Александр на миг скосил глаза в сторону. – Это в пятнадцати километрах от Четвёрочки на север, северо-запад будет.

– Так точно, – капитан Давыдов кивнул. – Во-вторых, твой отец никак и ни коем образом не запятнал себя сотрудничеством с оккупантами.

Александр недовольно засопел.

– И не сопи тут у меня, – сурово одёрнул капитан Давыдов. – В нашей работе необходимо проверять все возможные версии, в том числе далеко не самые приятные. Так вот, твой отец никак и ни коем образом не запятнал себя сотрудничеством с оккупантами. Насколько мне удалось выяснить, до деревеньки Дубуяна финны просто не дошли. По крайней мере, там никогда не было ни назначенного старосты, ни трёх-четырёх полицаев ему в помощь. Ну как это обычно было в прочих деревнях.

Однако, после освобождения Кондопоги, твой отец так и не вернулся в Четвёрочку. Хотя у него там остался добротный дом и рабочее место бригадира в леспромхозе. Но и это ещё не всё. Как мне удалось выяснить, на момент изгнания оккупантов деревня Дубуяна оказалась нежилой.

– Как это понять «нежилой»? – Александр откровенно удивился.

– А вот именно, что не жилой, – повторил капитан Давыдов. – Местные жители, а это пять дворов и от двадцати до тридцати человек, покинули её непонятно когда и непонятно по каким причинам. Избы остались целы, трупы местных жителей, или хотя бы место захоронения, обнаружить не удалось. Они просто исчезли. Отследить судьбу хоть кого-нибудь мне так и не удалось.

Ничего себе! От таких новостей Александр просто растерялся. И как это всё понимать? Александр вопросительно уставился на капитана Давыдова.

– Короче говоря, твоих родителей, а так же младших брата и двух сестёр, не оказалось среди живых, – произнёс капитан Давыдов так, будто ударил прикладом ППШ по голове. – С другой стороны, оккупационные власти строгой отчётности по арестованным, умершим и казнённым не вели. А если такая документация и была, то обнаружить её не удалось. В Кондопоге был лагерь для так называемых «неродственных народов». Знаешь, что это такое?

– Успел узнать, – хмуро ответил Александр. – Во время оккупации Карело-Финской ССР финны разделили всех жителей на так называемые «родственные народы», карелы, финны, ингерманланцы, вепсы и даже эстонцы; и на так называемые «неродственные народы» – русские, украинцы и все прочие.

– Верно, – капитан Давыдов кивнул. – Твои близкие вполне могли угодить в концлагерь для «неродственных народов» и сгинуть в нём без следа.

– Вы хотите сказать, – медленно произнёс Александр, – что в той братской могиле на городском кладбище моих родных может и не быть?

– Может да, может нет, – капитан Давыдов виновато пожал плечами. – Ещё раз повторю: у твоего отца не было никаких причин скрываться от советской власти. Тем более у него на попечении были жена и трое несовершеннолетних детей. Но раз твоих родных не оказалось среди живых, значит, они среди мёртвых. Не мне объяснять тебе, какую вой-

ну мы вынесли.

Это точно, сухой ладонью Александр провёл по горячей щеке. В СССР не осталось ни одной семьи, которая не потеряла бы родных и близких на фронтах Великой войны, в оккупации или в тылу под снарядами и бомбами фашистов.

– Да, кстати, – капитан Давыдов первым нарушил неловкую паузу. – Раз ты теперь участковый инспектор милиции, то у тебя появилась отличная возможность выяснить судьбу своих родных. Походи, поспрашивай, в тут же деревню Дубуяна загляни. Как знать, может сумеешь найти если не живых, то хотя бы могилы, настоящие могилы, а не предполагаемые.

Дознание рекомендую начать с Раи Малюковой, она как раз в леспромхозе работает, комендант общежития. Это она по большей части рассказала мне о судьбе твоих родных. Рае Малюковой довелось пережить оккупацию, сперва в Четвёрочке, а потом и в Кондопоге. Уже здесь она встретила Красную армию.

– А, может..., – неуверенно было начал Александр.

– Нет, не может, и в ближайшие десять лет тоже не может, – сказал, как отрезал, капитан Давыдов. – Эксгумация тел и опознания займут очень много времени. Нельзя раскопать братскую могилу, быстренько проверить, нет ли среди погибших твоих родных и, как ни в чём не бывало, закопать её обратно.

– Тоже верно, – нехотя согласился Александр.

Глава районной милиции прав как никогда. Не по-людски думать только о себе. Если уж тревожить мёртвых, то нужно будет опознать всех, или хотя бы попытаться это сделать. А это и в самом деле долгая и кропотливая работа. Во время войны Александру неоднократно приходилось раскапывать могилы. По собственному опыту он прекрасно знает, как быстро разлагается тело погребённого, как сильно оно изменяется и как сложно опознать умершего.

– Ещё вопросы будут?

– Никак нет, товарищ капитан, – Александр встрепенулся, будто очнулся от сна.

– Тогда вот тебе лист, перо и пиши заявление.

На столе перед Александром появился желтоватый лист писчей бумаги. Рядом капитан Давыдов поставит стеклянную чернильницу. Александр подхватил с подставки стальное перо.

Глава 3. Четвёрочка

И в лучшие довоенные времена Четвёрочка не была худо-бедно большим населённым пунктом. По сравнению с ней Кондопога огромный и густо заселённый город, хотя на самом деле она всего лишь рядовой районный центр. Едва пыхтящая «полуторка», знаменитый Газ-АА ещё военной сборки без бампера и простыми крыльями в виде согнутых металлических пластин, выкатила на улицу Ленина, она же центральная и единственная в рабочем посёлке, как сердце сжалось от волнения. Среди ряда невзрачных деревенских домов глаза сами зацепились за самую обычную деревенскую избу в четыре окна за стареньким забором и кособокой калиткой.

Это, Александр едва перевёл дух, его родной дом, дом его семьи, его отца. Именно с порога этого дома его забрали в армию. Именно возле этой тогда ещё добротной и прямой калитки мать простилась с ним, а отец строгим голосом завещал служить достойно и не позорить его имя. Младшие брат и сёстры тогда вообще ничего не поняли кроме самого главного: любимый старший брат покидает их очень и очень надолго.

Однако дом вовсе не пуст и заброшен. Когда «полуторка» подкатила ближе, то с высоты кузова Александр без труда разглядел натоптанные во дворе тропинки, а не густую

траву, как того можно было бы ожидать. Входная дверь чуть приоткрыта. На верёвке сушится постиранное бельё. Солидными размерами выделяются мужские кальсоны и нательная рубашка. Рядом, будто прижалась, женская сорочка. Ближе к столбу лёгкий ветерок болтает детские штанишки и серое платьице на девочку лет пяти-шести. Возле сарая бродят две пёстрые курицы и понурый, будто чем-то жутко недовольный, петух. Но вот лёгкий грузовичок укатил дальше по улице Ленина.

Александр бухнулся обратно на низенькую скамейку в кузове «полуторки». На миг показалось, будто он вернулся домой, будто и не было всех этих военных лет и страшного известия о гибели его семьи. Конечно, а чего он ожидал? Если дом уцелел, то его заняла другая семья.

– Приехали, товарищ милиционер.

– А? Что? – встрепенулся Александр.

За воспоминаниями и думами так и не заметил, как «полуторка» выехала на главную площадь Четвёрочки и остановилась.

– Приехали, говорю, – прогудел Василий, бородатый водитель лет сорока в ношенной жилетке поверх солдатской гимнастёрки.

– Да, спасибо.

Александр осторожно спрыгнул на землю, проклятая поясница стрельнула болью. Зато как же приятно пройти на своих двоих, Александр потянулся всем телом. Что не гово-

ри, а дорога была не самой приятной, особенно для его большого позвоночника.

– Правление вон там будет, – чумазый от смазки и машинного масла палец Василия указал на широкий двухэтажный дом с крыльцом посередине. – А там, – Василий повернулся в другую сторону, – общаги будут, все три.

– Вообще-то я местный, – Александр стянул из кузова солдатский сидр и два мешка с формой. – Спасибо вам, дальше я сам разберусь.

– Как желаете, – Василий ловко забрался на место водителя и звонко захлопнул за собой дверцу.

В тот же миг «полторка» лихо укатила дальше, только пыль столбом. Александр подхватил мешки. Больше всего и в первую очередь ему хочется осмотреть своё новое место работы. Только добраться до него так и не получилось. Дверь с широкой надписью «Милиция» оказалась заперта на небольшой навесной замок. Пришлось оставить мешки у порога и подняться на второй этаж в кабинет председателя Леспромхоза №4 товарища Аркадия Назарьевича Круглова.

– Сашка! Живой! Вернулся! – Аркадий Назарьевич поднялся из-за стола, едва Александр переступил порог его кабинета.

– Так точно, товарищ председатель, – полушутя, полусерьёзно ответил Александр, после вытянулся по стойке «смирно» и бойко козырнул председателю леспромхоза словно генералу.

Аркадий Назарьевич сильно постарел за прошедшие годы, однако выглядит всё ещё крепким. Маленький рост с лихвой компенсируется более чем солидной мускулатурой. Как-никак, а ему довелось проработать лесорубом больше тридцати лет. Седые волосы коротко стрижены, зато буйные усы на морщинистом лице распустились как у маршала Будённого. На председателе чёрный пиджак, из отворота которого проглядывает красная косоворотка, и рабочие немного мешковатые штаны. Ну и, конечно, же кирзовые сапоги.

– Живой и целый, – Аркадий Назарьевич оглядел Александра словно жеребца на ярмарке. – Как я понимаю, тебя демобилизовали?

В кабинете председателя леспромхоза тут же повисла неловкая тишина. К Аркадию Назарьевичу Александр зашёл во всё той же армейской гимнастёрке, галифе и пилотке с тусклой зелёной звёздочкой, только без каких бы то ни было знаков различия.

– Нет, не демобилизовали, – с большой неохотой пояснил Александр. – Комиссовали, по ранению. Так-то мне нужно было ещё год срочной дослужить.

– Руки и ноги на месте, голова на месте, а всё остальное и так пройдёт, – Аркадий Назарьевич добродушно хохотнул. – Ну что? Ко мне? Учеником механика? Или в армии успел на полноценного механика выучиться? Ты учти, мне механики во как нужны, – Аркадий Назарьевич выразительно провёл большим пальцем по горлу, но тут же изменился в лице. –

Э! А пистолет у тебя откуда?

Ещё в Кондопоге начальник районной милиции лично выдал табельный ТТ с кобурой и патронами. Александр не стал убирать его в мешок к остальной милицейской форме, а сразу повесил на пояс. И вот теперь грозное оружие враз охладило былой весёлый пыл председателя леспромхоза.

– К вам, к вам, – Александр подошёл ближе и пожал протянутую руку председателя, – только не учеником, и даже не полноценным механиком. Вот, пожалуйста, ознакомитесь.

Александр протянул Аркадию Назарьевичу сложенный в четверо лист. Председатель машинально взял его и развернул.

– О-о-о! – удивлённо и, одновременно, радостно выдохнул Аркадий Назарьевич. – Участковый инспектор милиции. Наконец-то! Давно, ох как давно пора, – председатель вернул приказ о назначении. – А то мне некогда разбираться, кто это у бабки Матрёны кальсоны её деда с забора стянул. Или куда это опять у тётки Варвары глупая коза сбежала. Да и справки, будь они неладны, собирать и выдать тоже не моё дело. Но, – Аркадий Назарьевич подозрительно нахмурился, – а почему не в форме?

Вопрос более чем справедливый. Участковому инспектору милиции, как полноценному представителю власти, полагается быть в надлежащей форме одежды.

– Так форму только вчера вечером получил. Погоны, петлицы и пуговицы ещё пришить надо, иначе не по уставу бу-

дет, нарушение серьёзное, – пояснил Александр. – Вы, лучше, скажите, ключ от отделения милиции у вас?

– Конечно у меня, – Аркадий Назарьевич торопливо кивнул. – У кого ещё он может быть?

Вопрос, конечно, риторический. Из выдвижного ящика письменного стола председатель леспромхоза извлёк металлический ключ с большой деревянной биркой.

– Товарищ капитан давно обещал мне участкового прислать, только я никак не думал, что это будешь ты, – Аркадий Назарьевич протянул ключ с биркой. – Заждались уже. У нас всё давно готово: и отделение отремонтировали, и сейф занесли. Даже камеру предварительного заключения и ту сделали. Это я настоял, – с гордостью заявил председатель.

– А её-то зачем? – искренне удивился Александр.

Ещё до войны в Четвёрочке было отделение милиции, но «обезьянника», той самой камеры предварительного заключения, не было.

– О-о-о..., – таинственно протянул Аркадий Назарьевич. – Небо в клеточку и целая ночь на неудобной скамейке. На дебоширов и алкоголиков действует безотказно. По себе знаю, – Аркадий Назарьевич задорно усмехнулся, – было дело, по молодости. Но! – председатель всплеснул руками. – Без настоящего участкового она не работает. Это как пистолет без патронов получается. Это я ещё до твоего появления успел выяснить. Зато теперь!

Аркадий Назарьевич и в самом деле жутко рад, что у него

в Четвёрочке и в леспромхозе в целом наконец-то появился полноценный участковый инспектор милиции. Лично для него это значит, что часть далеко не самых приятных дел и забот отныне не его дела и заботы.

– Но, это, – Аркадий Назарьевич вновь стал серьёзным, – комнату в общежитии для тебя мы подготовили. Только, это..., – глаза председателя испуганно забегали из стороны в сторону, – у тебя, вроде как, собственный дом имеется.

А-а-а..., вот он о чём. Александр расслабленно улыбнулся. Аркадий Назарьевич никак не думал, не гадал даже, что долгожданный участковый окажется местным жителем. Наверняка ждал пришлого из города.

– Аркадий Назарьевич, – медленно и с расстановкой начал Александр, – во-первых, дом не мой и моим никогда не был. Его построили с вашего разрешения и при непосредственном содействии леспромхоза ещё до войны. Мой отец получил его как работник леспромхоза.

Дом, в котором ещё до войны жила семья Асеевых, и в самом деле никогда не был частной собственностью. Когда Леспромхоз №4 ещё только-только организовывался, то жильё, деревенские избы для семейных работников, строили сообща и при непосредственном содействии леспромхоза. Тот же лес на сруб нельзя было просто так навалить и вывезти.

– Во-вторых, – продолжил Александр, – я уже знаю, что в доме моих родителей живёт другая семья. Я как раз мимо на

«полупортке» проезжал, видел. Ну не выселять же их. Пусть и дальше живут. У них дети маленькие. А я, пока молодой и холостой, в общежитии проживу. Отдельной комнаты мне за глаза и за уши хватит. А вот когда невестой обзаведусь, вот тогда вы же поможете мне новый дом построить. Всё как полагается по закону.

– Конечно поможем, – Аркадий Назарьевич облегчённо улыбнулся, – лучше прежнего будет. Мы всем семейным помогаем, особенно у кого детишек много.

Легко понять, какой же груз неприятных проблем свалился с плеч председателя леспромхоза. О том, что у Александра нет на дом родителей никаких имущественных прав, Аркадий Назарьевич прекрасно знает и так, почему и пустил новых жильцов. Но теперь Александр не просто ученик механика, и даже не полноценный механик на лесопилке, а участковый инспектор милиции. Вот уж точно живое воплощение власти. А с властью, даже если она местная и своя в доску, лучше не ругаться.

– Объясни, уважь старика, – Аркадий Назарьевич опустился на стул возле письменного стола и указал Александру на свободный рядом, – а почему именно тебя назначили участковым? Тем более, если я правильно понял, тебя по ранению комиссовали.

– Это как раз легко объяснить, Аркадий Назарьевич, – Александр опустился на предложенный стул. – Ещё в тридцать восьмом меня не в Красную армию служить отправили,

а в пограничные войска. Они же к НКВД относятся. А когда война началась, то меня, опять же, не в Красную армию отправили, а в Войска НКВД по охране тыла. Так что можно смело сказать, что все эти семь лет я в органах служил, пусть и не на милицейских должностях.

– А-а-а, вот оно как, – Аркадий Назарьевич понимающе закивал. – Тогда всё правильно. Но, ладно, – председатель выразительно хлопнул себя по коленкам и поднялся со стула. – Солнце ещё высоко, а дел много. Не смею больше тебя задерживать. Обустраивайся пока, кабинет свой новый глянь. После Раю Малюкову найди. Она у нас комендант общежития, комнату твою покажет. Заодно попроси, так она тебе погоны, петлицы и пуговицы в лучшем виде пришьёт. Уж родной милиции не откажет.

– Хорошо, Аркадий Назарьевич, – Александр поднялся со стула следом, – и я не буду отвлекать вас от дел. Увидимся ещё, наговоримся. Только скажите, столовая у нас работает?

– Конечно работает, – Аркадий Назарьевич самодовольно кивнул. – Как справедливо требует наш советский закон, обеспечиваем работников горячим питанием. И не только на производстве, но и непосредственно на заготовке леса. Я так понимаю, пока у тебя даже невесты нет, ты в столовой питаться будешь?

– Правильно понимаете, – Александр улыбнулся в ответ. – Надеюсь, Рая Малюкова обеспечит меня кипятком хотя бы по утрам?

– Обижаете, товарищ участковый, – игриво произнёс Аркадий Назарьевич. – Тебя в комнате самовар дожидается, лично принёс, чтобы наша родная милиция в любой момент могла себя чайком побаловать. Ну и для прочих нужд, разумеется.

– О-о-о, – обрадовался Александр. – Самовар, это очень хорошо. За него отдельное вам спасибо.

Личный самовар – и в самом деле очень и очень хорошо. В любой момент можно не только побаловать себя чаем, но и просто нагреть воду для прочих нужд, хоть руки помыть, хоть побриться. А потому личный самовар считается едва ли не роскошью.

В два щелчка небольшой навесной замок откинул стальную дужку. Не без трепета Александр толкнул широкую дверь с надписью «Милиция». Как ни как, а это теперь его новое место работы, самый настоящий кабинет, словно он теперь большой и очень важный начальник. Ничего подобного ранее у него никогда не было. Хотя, с другой стороны, по меркам маленького рабочего посёлка участковый – это фигура, наравне с председателем леспромхоза.

Да-а-а... Александр с интересом окинул взглядом отделение милиции. Председатель леспромхоза постарался на совесть. Кабинет участкового инспектора содержится едва ли не в идеальной чистоте. Полноценного письменного стола с выдвижными ящиками как у Аркадия Назарьевича нет, но и обычный стол на длинных квадратных ножках порадовал

широкой и гладкой столешницей. Деревянную подставку под чернильницу и стальные перья явно вырезал местный умелец. Да и стулья все как на подбор массивные, крепкие, явно тоже местного производства. Платяного шкафа нет, зато на стене висит вешалка с полкой под шапки. Единственное широкое окно затянуто тёмно-красной занавеской из плотной ткани. С потолка на витом шнуре свисает электрическая лампочка.

Солдатский сидр и оба мешка с формой Александр опустил прямо на пол, а сам с огромным интересом ткнул пальцем по круглому выключателю. Под потолком тут же засверкала электрическая лампочка. Александр прищурился, да так ярко. А это уже самая настоящая роскошь. Не будь в леспромхозе лесопилки, то хрен ему электрическое освещение. Единственное, чего не хватает, так это портрета товарища Сталина. Надо будет обязательно повесить над столом. А то что за отделение милиции без портрета главы СССР?

То, что Аркадий Назарьевич и капитан Давыдов громко назвали «камерой предварительного заключения» на деле оказалось лишь небольшим закутком длиной полтора метра и шириной всего в метр. Стальная решётчатая дверь с проушинами под навесной замок сварена из катаных прутьев.

Широкая скамья в «обезьяннике» заляпана чем-то серым. Неужели Аркадий Назарьевич использовал-таки камеру предварительного заключения по прямому назначению?

А, ну да, Александр машинально кивнул. Использовал, о чём сам же и рассказал. Все эти месяцы, с момента возобновления работы Леспромхоза №4, именно Аркадий Назарьевич Круглов по факту исполнял обязанности участкового.

В углу, слева от стола, нашёлся серый стальной сейф на толстых квадратных ножках. Тяжёлый ключ, что Александр получил ещё в Кондопоге от капитана Давыдова, легко вошёл в замочную скважину. Три звучных и мощных щелчка. Александр осторожно потянул на себя массивную дверцу.

Как начальник районной милиции и обещал, в сейфе нашлась толстая картонная папка. Александр тут же переложил её на стол и развязал тесёмки. Должностные инструкции, целая пачка слегка серых листов с густым машинописным текстом. Ещё в сейфе на верхней полке нашлись книги. Судя по корешкам, и в самом деле два учебника по праву и УК РСФСР. Похоже, свободного УК Карело-Финской ССР у товарища капитана не оказалось вовсе. На дне сейфа отдельной стопкой сложены чистые листы писчей бумаги и с десятков новеньких картонных папок с завязками. На каждой большими буквами типографским способом напечатано «Дело №».

– Хреново, – Александр хлопнул ладонью по столешнице.

У его стола нет выдвижных ящиков, а полезный объём сейфа и так весьма ограничен. Нужно будет обзавестись полкой, а лучше сразу двумя полками, чтобы переложить на них учебники, кодекс и пачку чистой писчей бумаги. Да и мало

ли какая ещё найдётся не совсем секретная и не очень важная мелочёвка. Зато Александр с огромным удовольствием переложил в сейф коробку с патронами для ТТ. Капитан Давыдов, как говорится, щедрой рукой насыпал боеприпасов. А то всего две снаряжённые обоймы к табельному оружию – это как-то несерьёзно, вороны засмеют.

С превеликим удовольствием, благо сейчас его никто не видит, Александр залихватски захлопнул дверцу и трижды провернул ключ в замочной скважине. Стыдно признать, но персональный сейф – это ещё один очень приятный атрибут власти. Дескать, государственные секреты, до которых посторонним нет и не должно быть никакого дела, хранятся должным образом.

С кабинетом разобрались, осталось обустроиться на месте и решить, как говорится, элементарные бытовые вопросы. Ну не жить же ему в самом деле прямо в отделении милиции? Александр подхватил мешки и вышел из кабинета. Если Аркадий Назарьевич не врёт, то в общежитии леспромхоза ему приготовлена отдельная комната. Между прочим, это тоже атрибут власти. Не решилось местное начальство поселить участкового в общей комнате с холостыми работниками леспромхоза.

Если разобраться, то за минувшие семь лет Четвёрочка изменилась мало, за одним исключением. Три длинных корпуса общежития появились на месте двух старых изб на главной площади рабочего посёлка. Элементарная логика под-

сказала, где искать Раю Евгеньевну Малюкову. Конечно же комендант обязана жить в корпусе №1.

Даже по внешнему виду прихожей можно понять, что Рая Малюкова – комендант весьма суровый. В длинной избе царит пусть и казённый и не совсем уютный, но всё равно порядок. Пол в длинном коридоре натёрт до блеска, двери в комнаты покрашены белой краской. Рядом со входом в большой деревянной кадке бойко растёт фикус. Под потолком ни малейшего намёка на паутину.

На ближней слева стороне двери под номером один грозная надпись «Комендант». Александр удобней перехватил мешки, ему точно сюда. На вежливый стук изнутри раздался очень серьёзный голос:

– Войдите.

При личном знакомстве Рая Евгеньевна Малюкова оказалась вполне себе суровой женщиной лет пятидесяти. Низенькая и сухонькая, тронутые сединой волосы завязаны на затылке в узел. Выпирающий вперёд подбородок говорит об упрямстве, а морщинки у глаз о привычке постоянно сурово хмуриться. Длинная тёмная юбка и такого же цвета рубашка с длинными рукавами отлично дополняют образ. А вот на ногах не туфли, не домашние тапочки, а явно армейские ботинки.

Казённый порядок в общежитии является прямым продолжением порядка в комнате коменданта. Железная койка идеально заправлена, книги на полке расставлены по росту,

самодельный половик натянут едва ли не струной. Но о том, что здесь живёт не просто суровый комендант, а в первую очередь женщина, больше всего напоминают желтоватые занавески на окне и кружевная накидка на подушке.

Сама Рая Евгеньевна сидит за столом у окна в окружении массивных гроссбухов. Перьевая ручка застыла в её правой руке. В воздухе витает кисловатый запах чернил.

– Вы по какому вопросу, товарищ? – Рая Евгеньевна опустила перьевую ручку на самодельную чернильницу.

– Э-э-э... Простите, – от столь сурового вида коменданта общежития, а особенно от её сухого начальствующего тона, Александр несколько растерялся.

– Ой! Сашка! Асеев! Вернулся! Живой! – радостно воскликнула Рая Евгеньевна.

Грозная начальница общежития будто растворилась в воздухе. Рая Евгеньевна бойко вскочила со стула.

– Вернулся! Целый! Дай я на тебя полюбуюсь!

Рая Евгеньевна ухватила Александра за рукав армейской гимнастёрки и повернула к себе левым боком. Александр едва успел опустить мешки с формой на пол.

– Ах, Сашка, если бы ты только знал, – Рая Евгеньевна тяжело вздохнула, – сколько же наших так и не вернулось. Вот и мой Ваня погиб. Но ты, это, молодец! И сразу домой. Я так понимаю, с Аркадием Назарьевичем ты уже переговорил, – Рая Евгеньевна быстро сменила тему.

– Да, успел переговорить, – Александр осторожно высво-

бодился из рук Раи Евгеньевны.

– Вот и отлично. Нам, на лесопилке, работники страсть как нужны, – Рая Евгеньевна ласково улыбнулась. – Учеником? Или сразу механиком?

– Ну-у-у..., – неопределённо протянул Александр.

Однако Рае Евгеньевне ответ и не нужен.

– Правильно сделал, что сразу ко мне пришёл, – торопливо продолжила Рая Евгеньевна. – У меня в четвёртой комнате как раз свободная койка имеется. На неё тебя и поселю. Ребята в комнате хорошие, умные, газеты и книги читать любят. Нечета балбесам из третьей, которым только на гитаре тренькать, участкового на них не хватает. Но, погодь, – лицо Раи Евгеньевны враз изменилось с весёлого на озабоченное, – у тебя же от родителей дом остался, а там теперь семья Барыкиных живёт. Это, Павла Барыкина из Кондопоги к нам автослесарем направили. А то тракторов и грузовиков много нагнали, а чинить некому. Вот Аркадий Назарьевич дом твой пустой Барыкину и определил. Как семейному ценному специалисту определил.

– Ничего страшного, Рая Евгеньевна, – Александр махнул рукой. – Дом не мой, а леспромхоза. Аркадий Назарьевич правильно сделал, что Барыкиным его отдал. Что я там один делать буду? Не надо Барыкиных выгонять. Да и куда их? В эту общагу?

– Зачем сразу в эту? – возразила Рая Евгеньевна. – У меня в третьем корпусе две свободные комнаты имеются. Я своим

холостым балбесам постоянно повторяю, что комнаты эти только для семейных, пусть не зарятся на свободные квадратные метры. Так я в одну из них Барыкиных и поселю. А если Аркадий Назарьевич распорядится, то могу и вторую комнату им отдать. Детишек у них трое.

– Ну не надо, Рая Евгеньевна, – с нажимом повторил Александр. – С меня пока и вашего общежития хватит. Вот обзаведусь невестой, вот тогда в одну из этих свободных комнат вы меня и поселите.

– Ой! – Рая Евгеньевна качнула головой. – Правильно говоришь. И невеста для тебя уже есть. Галя Ванюкова из пятой комнаты. Умная, красивая, учительницей работает. Ох, как глянешь, сразу тебе понравится, – Рая Евгеньевна осторожно хлопнула Александра по плечу.

Александр лишь улыбнулся в ответ. Вот так всегда. Муж Раи Евгеньевны пал смертью храбрых, однако она сама как была, так и осталась женщиной. А первейшая задача любой женщины в возрасте – переженить всех молодых и холостых.

– Ой! – Рая Евгеньевна вдруг испуганно отпрыгнула в сторону, будто увидела перед собой гадюку. – Что это у тебя?

– Где? Что? – Александр в растерянности огляделся по сторонам.

– Ну как же! Вот же! – дрожащий палец Раи Евгеньевны устался на...

– Пистолет, – несколько удивлённо ответил Александр. – Точнее, ТТ, Тульский Токарев.

– Зачем он тебе? – от испуга лицо Раи Евгеньевны пошло красными пятнами.

– Так, это, – Александр не сразу сообразил, в чём дело, – я на лесопилку ни учеником, ни механиком не пойду. Меня участковым назначили. Точнее, участковым инспектором милиции, – на всякий случай пояснил Александр.

От такой новости комендант общежития впала в ступор.

– Это капитан Давыдов, начальник нашей районной милиции, меня назначил, – продолжил Александр. – Я же, если разобраться, все эти семь лет в органах служил.

– Так ты же домой ещё до начала войны писал, что пограничник, – Рая Евгеньевна несколько отошла от ступора.

– Всё правильно, – Александр кивнул, – пограничники относятся к НКВД. А когда война началась, то меня не в Красную армию отправили, а перевели в Войска НКВД по охране тыла. И не думайте, – Александр грозно поднял указательный палец, – будто я всю войну зеков в глубоком тылу охранял. Я воевал самым настоящим образом. В тылу Красной армии шпионов и диверсантов ловил. А после, когда Красная армия фашистов обратно на запад погнала, ещё и недобитков добивал. Особенно эсесовцев. Эти мрази прекрасно понимали, что прощения им не будет, а потому дрались до последнего патрона.

– Но форма, – Рая Евгеньевна шумно перевела дух. – Почему на тебе форма солдата Красной армии?

– Рая Евгеньевна, – Александр развёл руки в стороны, –

меня по ранению комиссовали. Обратно в органы не взяли. Вот медсёстры в госпитале и выдали мне солдатскую форму без знаков различия. Что было, то и дали. Ну не голым же мне было домой возвращаться. А милицейскую форму участкового, – Александр подхватил с пола мешок, – мне только вчера в районном отделении милиции выдали.

– А почему ты её сразу не надел?

Рая Евгеньевна окончательно отошла от ступора, зато взамен в ней проснулась подозрительность.

– Так погоны, петлицы и пуговицы ещё пришить надо, – Александр развязал мешок, рывком вытащил из него синюю милицейскую шинель и развернул её. – Иначе нельзя, иначе нарушение уставного вида будет. А табельный пистолет с кобурой я сразу на пояс повесил. Ну не в мешке же его было таскать или в кармане.

Синяя милицейская шинель, по-своему весьма красивая и строгая, произвела на Раю Евгеньевну самое благоприятное впечатление. Суровая комендантша тут же успокоилась и заговорила не в пример более дружелюбно.

– Так это тебя, получается, участковым назначили? – и тут же, не дожидаясь ответа, продолжила. – Комната для тебя уже готова. Аркадий Назарьевич лично распорядился отдельную выделить. И он же самовар принёс. Ты же теперь у нас власть. Комната твоя как раз напротив моей будет.

Александр тут же развернулся на месте. Дверь в комнату коменданта всё ещё настезь. Напротив, через коридор, и в

самом деле ещё одна дверь с номером восемь.

– Аркадий Назарьевич специально так велел, чтобы нашим молодым балбесам неповадно было. А то, понимаешь, взяли дурную моду после отбоя на гитаре тренькать. А там и до самогоночки недалеко будет. Зато теперь, – лицо Раи Евгеньевны засветилось от радости. – А форму оставь, я всё пришью как положено, не сомневайся даже.

Александр задумчиво свернул шинель. А почему бы и нет? Возиться с иглой и нитками никак не хочется. По части шитья женщины дадут сто очков вперёд любому мужику. Если этот мужик, конечно же, не профессиональный портной, разумеется.

– Не откажусь, Рая Евгеньевна, – Александр вновь развернул синюю милицейскую шинель.

Прямо на заправленной кровати Александр разложил новенькую, с иголочки, форму. Из кармана галифе вытряхнул погоны, лычки и пуговицы. Отдельно и обстоятельно объяснил Рае Евгеньевне где, как и что нужно пришить. Впрочем, комендантша оказалась женщиной толковой и быстро всё поняла.

– Прямо сейчас и займусь, – заявила Рая Евгеньевна, едва Александр закончил объяснение. – А это ключ от твоей комнаты, держи.

Из прикроватной тумбочки комендантша вытащила ключ с уже знакомой большой деревянной биркой.

– Обустраивайся, участковый. Я чуть позже постельное

бельё принесу. А то когда ещё своим обзаведёшься, – Рая Евгеньевна усмехнулась.

– Премного вам благодарен, – Александр вежливо склонил голову.

По размерам отдельная комната оказалась точно такой же, как и у комендантши общежития: шириной метра три и длиной метров пять-шесть. Небольшое окошко наполовину задёрнуто белой занавеской. В углу такая же железная кровать. Матрас свёрнут в толстый рулон и придвинут к передней стенке. Стол и три стула. На столешнице с гордым видом возвышается обещанный самовар. На стене у входа приделана точно такая же вешалка с полкой под шапки. И, о чудо, рядом ещё две простенькие книжные полки, пустые пока.

Самое приятное в том, что с потолка на точно таком же витом шнуре свисает электрическая лампочка. Александр не удержался и щёлкнул пальцем по выключателю слева от входной двери. Комнату тут же залил яркий жёлтый свет. Роскошь, самая настоящая роскошь. Щелчком Александр погасил электрическую лампочку. Всё лучше, чем сидеть по вечерам при тусклом свете свечи или чуть более яркой керосинки.

Рая Евгеньевна сдержала слово. Не прошло и часа, как комендантша с торжественным видом внесла в комнату синий милицейский китель и галифе. Шинель и второй китель Рая Евгеньевна обещала обшить чуть позже. Зато уже сейчас Александр, наконец-то, облачился в подобающую милицио-

неру форму и уже в ней отравился знакомиться с людьми и с подведомственным участком в целом.

Леспромхоз №4 расположен очень удачно, на месте пересечения автомобильной дороги и железной. Почему ещё до войны и было принято решение именно на этом месте построить лесопилку и рабочий посёлок при ней для снабжения строящейся ГЭС и бумажной фабрики в Кондопоге. Брёвна, брус, самые разные доски и шпалы – вот основная продукция леспромхоза.

Для Александра стало очень приятным сюрпризом лично убедиться, что жизнь в Четвёрочке постепенно налаживается. В посёлке работает магазин, клуб и начальная школа. Для работы промышленного оборудования в леспромхоз ещё до войны протянули отдельную ЛЭП. В ближайших планах осветить электрическими лампочками все без исключения избы. В возрождённой после Великой войны Четвёрочке родились первые малыши.

К сожалению, прежних односельчан оказалось относительно немного, зато именно они встречали Александра радостней всего, жали руку и лезли целоваться. Новые односельчане с интересом пялились на него, тоже охотно жали руку, но вот с поцелуями и объятьями никто не лез. Зато и те и другие с удовольствием вывалили на Александра кучу жалоб и откровенных доносов. Тут были и кальсоны деда бабки Матрёны, которые так и не нашлись; и глупая коза тётки Варвары, что едва не выскочила на улицу, когда Александр,

не подозревая подвоха, потянул на себя низенькую калитку.

Пусть и не без робости Александр посетил и свой бывший дом. Барыкины оказались простой советской семьёй, не богатыми, но и не бедными. Это надо было видеть, как облегчённо перевёл дух Павел Барыкин и как от радости загорелись глаза его жены, когда Александр лично и два раза заверил супругов, что не собирается отнимать у них дом своих родителей, а их самих переселять в общежитие. Расстроило совсем другое.

Александр так надеялся унести на память о погибшей семье хоть что-нибудь, но ничего так и не нашлось. Не, так-то сохранилось много чего: столы, стулья, лопаты, грабли, топор с колуном и вёдра. Александр лишь печально улыбнулся, когда заметил в сарайке всё ту же метлу, которой ему много раз приходилось мести двор. Но вот из личных вещей не нашлось ничего. Вообще ничего, хотя бы нательная рубашка или пара валенок. Как пояснил Павел Барыкин, ничего из личных вещей прежних хозяев они с женой тоже так и не нашли. Вообще ничего.

Глава 4. Первый свидетель

Ближе к вечеру довольный и усталый Александр вернулся в свою комнату в общежитии. Рая Евгеньевна вновь сдержала слово. На кровати, между прочим заправленной чистым бельём, нашлась новенькая, с иголки, милицейская форма. На всякий случай Александр внимательно проверил работу. Комендантша не подкачала и на этот раз: погоны, петлицы и пуговицы пришиты где надо и должным образом.

В столовой леспромхоза повариха Фёкла Чурикова дала ему с собой буханку свежего хлеба и немного сливочного масла. Ещё в Кондопоге Александр успел купить полкило сахара-рафинада. Так что чаепитие получилось просто шикарным. Впереди целый вечер, можно поискать культурную программу, однако настал тот самый момент, к которому Александр морально готовился ещё с позавчерашнего дня, когда впервые узнал от капитана Давыдова, что его семья лишь формально стала жертвой оккупантов. На самом деле ничего толком неизвестно.

– Добрый вечер, Рая Евгеньевна, – вежливо произнёс Александр, когда комендантша распахнула перед ним дверь в свою комнату, – разрешите войти.

– Да, да, конечно, – Рая Евгеньевна отступила в сторону. Толстые гроссбухи аккуратно сложены на краю стола. Пусть и не персональный самовар, однако небольшой метал-

личный чайник исходит паром. От предложенного угощения Александр тут же отказался. Сама Рая Евгеньевна одета в тёплую рубашку и длинную юбку.

– Разрешите? – Александр демонстративно опустил руку на спинку стула.

– Конечно, пожалуйста, – тут же ответила Рая Малюкова.

На встречу с комендантшей Александр предпочёл одеться неофициально: солдатские галифе, синяя рубашка, на ногах войлочные домашние тапочки. Единственное, на поясе в кобуре висит ТТ, Александр так и не решился оставить боевое оружие без присмотра в комнате. Да ещё планшетка с карандашами, чистыми листами и блокнотом для записей.

– Как вам ваша комната? – торопливо заговорила Рая Евгеньевна, едва Александр опустился на стул и выложил на стол перед собой блокнот. – Обустроились уже? Не нужно ли чего?

Рая Евгеньевна присела на соседний стул. Вид грозного ТТ в кобуре на поясе участкового на этот раз оставил её равнодушной. А вот выложенный на стол блокнот явно встревожил женщину. Но пока Рая Евгеньевна, как говорится, держится с большим достоинством. Хотя нет, не с таким уж и большим: глаза нет, нет, да стрельнут испуганно в сторону.

– Всё великолепно, Рая Евгеньевна, – заверил Александр и тут же поднял руку. – Я к вам по другому вопросу.

– По какому? – осторожно поинтересовалась Рая Евгеньевна.

Комендантша вытянулась на стуле словно студентка на экзамене по основам марксизма.

– Рая Евгеньевна, – Александр собрался с мыслями и заговорил, – насколько мне известно, вам довелось пережить оккупацию. Три года под властью финнов.

– Я ни в чём не замешана, – с пугливой поспешностью заявила Рая Евгеньевна. – Мой муж пал смертью храбрых на фронтах Великой войны. Я только в сорок четвёртом получила официальную похоронку.

– Рая Евгеньевна, – повторил Александр.

– Во время оккупации мне пришлось работать на оккупантов, это правда, – всё так же поспешно продолжила Рая Евгеньевна. – Однако оккупационные власти всех без исключения заставляли работать. Иначе меня бы ждал концлагерь или даже расстрел. Смею заверить вас, – в голосе комендантши зазвенела уверенность загнанного в угол, – ни о каком добровольном сотрудничестве не могло быть и речи. Я никогда не доносила на наших советских граждан, никогда не помогала выслеживать коммунистов, евреев, партизан. И вообще...

– Рая Евгеньевна, – Александр нетерпеливо хлопнул по столу ладонью.

Хлопок получился так себе, слабый и неубедительный, будто комара прихлопнул. Однако комендантша заткнулась так, будто получила звонкую оплеуху, и тут же уставилась на Александра преданной собачкой, которая, однако, жуть как

боится своего хозяина.

– Рая Евгеньевна, – в четвёртый раз, но уже более спокойно, повторил Александр, – я пришёл допросить вас вовсе не о вашей жизни в оккупации. Точнее, – Александр на миг замялся, – меня не интересует, что именно вы, конкретно вы, делали или не делали под пятой финнов. Понятно?

– Да, – Рая Евгеньевна послушно кивнула.

– Начнём с самого начала. Отвечайте по существу, – предупредил Александр. – И так, вам довелось пережить финскую оккупацию все три года?

– Да, товарищ милиционер, – Рая Евгеньевна виновато отвела глаза в сторону. – Буквально с первого дня, как наша доблестная Красная армия была вынуждена оставить Кондопожский район и отступить на восток.

– Все эти три года вы провели в Кондопоге?

– Не совсем, – Рая Евгеньевна отрицательно мотнула головой. – Оккупация застала меня здесь, в Четвёрочке. Это потом, когда леспромхоз перестал работать, мне пришлось перебраться в Кондопогу к тётке. В её доме я и дождалась освобождения. А когда объявили о восстановлении леспромхоза, я вновь вернулась в Четвёрочку. Аркадий Назарьевич, председатель, лично предложил мне занять должность коменданта общежития. Смею заверить вас, товарищ милиционер, что у Аркадия Назарьевича нареканий к моей работе не имеется. Во всех трёх корпусах поддерживается надлежащая чистота и порядок, бельё меняется строго по расписа-

нию, печи и дымоходы проходят проверку и чистку согласно составленному графику. Незадолго до вашего приезда, по моей личной инициативе и непосредственном участии, были обновлены туалеты во всех трёх корпусах с целью улучшения слива нечист в выгребные ямы.

– Очень рад за вас, – торопливо произнёс Александр, едва Рая Евгеньева на миг умолкла перевести дух. – Даже больше – во время моего знакомства с жителями Четвёрочки и работниками леспромхоза, никто так и не высказал никаких претензий к вашей работе. Даже молодые рабочие, которым вы не даёте спуска, и то отозвались о вас очень даже благожелательно.

С треском и скрежетом дело пошло на лад. Немного лести, и Рая Евгеньевна несколько расслабилась. Заодно стало понятно, с чего это комендантша с ходу и так категорично отмела все подозрения в сотрудничестве с оккупантами. Заранее отмела, хотя у Александра и в мыслях не было подозревать её в чём-либо.

За четыре года войны в оккупации оказались миллионы советских людей. Далеко не всем из них хватило моральной стойкости хотя бы для пассивного сопротивления. Нашлись и те, кто добровольно пошёл на сотрудничество с фашистами. Или, как здесь, в Карело-Финской ССР, с финнами.

После того, как Красная армия освободила оккупированные территории, сотрудники НКВД провели громадную работу по выявлению предателей Родины. Полиции, старо-

сты, бургомистры и прочие прихвостни, которые не успели удрать вслед за своими хозяевами, были арестованы и предстали перед судом. К сожалению, многим честным гражданам досталось на орехи. Вот и Рае Евгеньевне досталось по самое не хочу от дотошных и подозрительных следователей. Вот почему до сих пор, сильнее огня, она боится расспросов о её жизни под пятой оккупантов.

– Меня интересует моя семья, – продолжил Александр.

– Всё, что мне было известно, я уже рассказала капитану Давыдову, – торопливо произнесла Рая Евгеньевна. – Ещё в сорок четвёртом он лично допрашивал меня. Сперва в районном отделении Кондопоги, а потом специально приезжал сюда, в Четвёрочку. Сожалею, но ничего более добавить я не могу.

Заявила, как отрезала, Рая Евгеньевна. Александр напрягся и затаил дыхание. Только не сорваться на крик. Только не сорваться на крик. Капитан Давыдов и в самом деле более чем основательно допросил Раю Евгеньевну. Однако, как позже сам сознался глава районной милиции, далеко не все её показания можно было занести в протокол. Но как раз то, что в протокол так и не попало, больше всего заинтриговало Александра. Но, вот беда, и без того напуганная комендантша упорно не желает идти на сотрудничество. Не хотелось бы, но придётся пугнуть её ещё больше.

– Рая Евгеньевна, – Александр заговорил нарочито спокойным и вежливым тоном, – мною принято решение начать

расследование по факту гибели моей семьи. Как участковый инспектор милиции я имею право возбудить розыскное дело. Пока, – Александр выразительно глянул на комендантшу, – я допрашиваю вас в качестве свидетеля. И мне очень не хотелось бы переводить вас в статус подозреваемой.

– Но я же и так рассказала капитану Давыдов всё, что знала, – испуганно пискнула комендантша.

– Рая Евгеньевна, – Александр повысил голос. – Товарищ капитан допрашивал вас с целью ответить на мой запрос. Розыскное дело он не возбуждал. Так что давайте представим, что капитан Давыдов вас не допрашивал вовсе. А потому сейчас спокойно, честно и обстоятельно вы всё расскажите мне заново. Надеюсь, вы меня поняли?

– Но как же, – Рая Евгеньевна шмыгнула носом, – я же не имею никакого отношения к гибели вашей семьи.

– Рая Евгеньевна, – с нажимом произнёс Александр, – я и не утверждаю, будто вы имеете какое-то отношение к гибели моей семьи. Вы – свидетель, ваши показания будут занесены в протокол. Чуть позже я официально оформлю документ, а вы его подпишите.

Для пущего эффекта Александр распахнул блокнот и взял карандаш на изготовку. Вид чистой страницы произвёл на Раю Евгеньевну магическое действие. Комендантша будто окаменела, а её лицо побледнело прямо на глазах. Женщина прекрасно понимает разницу между просто допросом и допросом под протокол. Всё равно понимает, пусть пока перед

ней не чистый лист писчей бумаги, а всего лишь раскрытый блокнот для записей.

– И так, Рая Евгеньевна, – Александр демонстративно поднёс карандаш к блокноту, – ваше полное имя и год рождения.

– Рая Евгеньевна Малюкова, – послушно начала комендантша. – Год рождения 1890-ый. Место рождения – деревня Березовка Кондопожской волости Петрозаводского уезда Олонецкой губернии Российской империи.

Что за чёрт? Александр в немом удивлении уставился на комендантшу. А, ну да. Рая Евгеньевна – женщина в возрасте, пусть ещё и не старая. Она и в самом деле родилась ещё в Российской империи.

Александр и не собирался давить на Раю Евгеньевну авторитетом участкового, а хотел просто расспросить её, поговорить по душам. Но! Теперь для неё он и в самом деле в первую очередь представитель власти, сурового и ужасного НКВД, а уже потом односельчанин. Ещё во время службы в Войсках НКВД по охране тыла, Александр лично убедился, какое сильное впечатление на рядовых граждан производят слова типа «протокол», «допрос», «деяние» и прочая юридическая феня. Нехорошо, конечно же, но иначе Рая Евгеньевна просто замкнётся в себе и будет на манер попугая повторять только то, что уже рассказала начальнику районной милиции.

– Хорошо, – Александр вновь склонился над блокнотом. –

Насколько мне известно, до самого начала войны мой отец, Асеев Никифор Петрович, менять место жительства не собирался. Это так?

– Да, гражданин начальник, – пусть и несколько нервно, но, всё же, заговорила Рая Евгеньевна. – У нас тогда в Четвёрочке никто не сомневался, что фашистов, и финнов заодно, быстро отбросят и окончательно разобьют на их же территории.

– Но этого не произошло.

– Не произошло, – Рая Евгеньевна тяжело вздохнула. – Третьего ноября, как сейчас помню, Красная армия оставила Кондопогу и отошла на восток. Финны тогда по железной дороге мимо Четвёрочки на Медвежьегорск прошли. Всего один отряд по посёлку прошёлся, убедился, что солдат нет, и ушёл. Но мы тогда все жутко напугались.

– Понятно, – Александр прилежно заскрипел карандашом. – Дальше, пожалуйста.

Начало допроса вышло скомканным и напряжённым, однако постепенно Рая Евгеньевна оттаяла. Ведь она и в самом деле не имеет никакого отношения к гибели его семьи. Слово за словом комендантша разговорилась. Началось то, что на языке следователей называется «свободный рассказ». Александр перевернул в блокноте первую полностью испи-санную страницу. Всё, что пока от него требуется, так это уточняющими вопросами направлять рассказ в нужное рус-ло.

– Леспромхоз сразу работать перестал. Но мы тогда ещё не думали разбежаться кто куда. Мы тогда всё надеялись, что это ненадолго. Но, увы, – Рая Евгеньевна всплеснула руками, – время шло, а наша доблестная Красная армия так и застряла где-то на востоке за Медвежьегорском. Но и это позже выяснилось, а тогда мы вообще ничего не знали. Радио не работает, газет нет.

А тут, как на грех, слухи дурные поползли, дескать, в Кондопоге аресты начались. Финны принялись хватать евреев, комиссаров и прочих, кого подозревать начали. В самой Кондопоге оккупационная администрация объявилась. Бумажную фабрику, вроде как, вновь в работу пустить собрались. Да и ГЭС тоже. А это уже всерьёз и надолго, мы тогда все это поняли.

Ваш уважаемый батюшка в Гражданскую в Красной армии воевал, в партию по ленинскому призыву принят был, бригадиром на лесопилке работал. Да и вы сами, как я теперь поняла, не просто в Красной армии, а в НКВД служили. Вот он и не стал дожиться, пока у финнов до него руки дойдут, семью в охапку и укатил в Дубуяну. Это деревня такая, километрах в пятнадцати на север будет.

– Да, да, я знаю, – Александр на миг оторвал взгляд от блокнота. – Но неужели мой отец заранее объявил, что собрался уехать в Дубуяну?

– Нет, конечно же, – Рая Евгеньевна махнула рукой. – Это я гораздо позже узнала, что ваш отец вместе с семьёй в Ду-

буяну подался. А тогда, кажись, – комендантша на миг задумалась, – в феврале дело было, он просто исчез вместе со всей семьёй. Мы только днём заметили, что дым из трубы не валит. Сунулись было, а в избе пусто. Ваш отец ещё затемно на розвальнях укатил.

– Понятно, продолжайте, – Александр перехватил карандаш поудобней.

– И правильно сделал, что укатил, – былое нервное напряжение наконец-то оставило Раю Евгеньевну. – Недели две прошло, как к нам из Кондопоги финны нагрянули. Они деда Антипа, старого подкулачника, старостой назначили, да ещё пятерых полицаев ему в помощь оставили. Как мы чуть позже узнали, все пятеро бывшие военнопленные, финнам добровольно в услужение пошли. Они по первости барами по посёлку расхаживали, всё власть свою подлую показывали. Один из них ко мне всё подкатывал. Да только недолго их счастье длилось.

– Почему недолго? – Александр глянул на Раю Евгеньевну. – Партизаны?

– Если бы, – Рая Евгеньевна презрительно усмехнулась. – Как весна началась, так финны решили свой леспромхоз сделать. Место здесь удобное, сами знаете. Это финны свою новую лесопилку на электричестве завезли. Во дворе мотор с электричеством поставили. А нам всем велели прочь убираться. Вместе с нами пришлось убираться и старосте деду Антипе. А пятерых полицаев в Кондопогу отправили. Мо-

жет, потом ещё куда, я не знаю, да только больше никого я не видела. Я сама к тётке перебралась.

– Стоп. Стоп, – Александр поднял руку с карандашом. – Если финны всех жителей Четвёрочки прочь выгнали, то кто в их леспромхозе работать остался?

– Так сами финны и остались работать. Вы, наверное, не знаете, но тогда из самой Финляндии этих самых финнов много понаехало. В основном, конечно, на юг Восточной Карелии, как они тогда нашу Карело-Финскую ССР называть начали. А здесь лесопилка хорошая, электрическая, машины, трактора. Вот финны и решили своих рабочих пригнать, а нас, чтобы под ногами не путались, выгнать.

– Понятно, – Александр кивнул. – Дальше.

– Да только у финнов мало толку вышло, – охотно продолжила Рая Евгеньевна.

– На этот раз точно партизаны? – уточнил Александр.

– Они, родимые, – Рая Евгеньевна кивнула. – Тогда, в срок втором, партизанское движение как раз силу набирать начало. А железная дорога – это же первейшая цель. По ней же снабжение фронта шло. Да и на саму Четвёрочку постоянно зарились. Сами же понимаете: лес мало срубить, его ещё распились надо и в Кондопогу вывезти. В общем, – Рая Евгеньевна вздохнула, – финский леспромхоз через пень-колоду работал. А когда летом сорок четвёртого Красная армия неожиданно в наступление перешла, так финны драпанули так, что всю свою лесопилку бросили. Вон, только, мотор с

электричеством поломать успели.

– Это дизель-генератор? – уточнил Александр.

– Он самый.

– Понятно, продолжайте. И, пожалуйста, поближе к моей семье.

– Так, это, – Рая Евгеньевна на миг смутилась, – я и подхожу ближе к семье вашей. Как я позже узнала, ваш отец, того, в Дубуяну переселился.

– И зачем он это сделал? У вас есть соображения?

– Конечно есть, – в голосе Раи Евгеньевны промелькнула нотка гордости. – Финны до этой самой Дубуяны так и не добрались. Ведь её ещё поискать надо. А это через лес, где под каждым кустом партизан сидит. Да и какой финнам прок от Дубуяны? Пять дворов всего. Жителей, от силы, человек тридцать наберётся. Хотя я не поручусь, что там жило хотя бы двадцать. Вот оккупанты проклятые в Дубуяну и не лезли. Нечего им там было делать.

– Тоже верно, – Александр кивнул.

Дубуяна – далеко не единственная деревня, до которой оккупанты так и не добрались. Чаще всего это были крошечные населённые пункты у чёрта на куличках. Как однажды выразился командир капитан Агапов: «Доходов никаких, расходы одни».

– Я вас понял, продолжайте, пожалуйста. Что дальше было?

– Дальше? – Рая Евгеньевна удивлённо захлопала ресни-

цами. – Ничего не было.

– Как это ничего? – Александр удивлённо выпрямился на стуле.

– И в самом деле ничего, – упрямо повторила Рая Евгеньевна. – Летом сорок четвёртого наша доблестная Красная армия финнов взащей выбила. Ближе к осени я узнала, что наш леспромхоз восстановить собрались. Спасибо финнам, много ценного оборудования почти в целости и в сохранности бросили. Вот я в Четвёрочку и вернулась.

– А что стало с моей семьёй? – терпеливо, едва сдерживая нервное дыхание, спросил Александр.

– Так, это, – Рая Евгеньевна заметно стушевалась, – ваш уважаемый батюшка ни один, ни с семейством, в Четвёрочку так и не вернулся. Хотя дом его тогда целый и пустой стоял. Витька Потапов, это охотник наш самый заядлый, той же осенью, в октябре, кажись, дошёл до Дубуяны. Да только никого там не оказалось.

– Как это никого? – Александр недоверчиво нахмурился.

– А вот так, вообще никого, – Рая Евгеньевна развела руки в стороны. – Вы Витьку, того, сами расспросите, он вам точнее скажет. А нам тогда он сказал, что деревня целая, все пять изб целые, а людей нет. Совсем нет.

– А убитые? Или хотя бы свежая братская могила? – спросил Александр.

В предчувствии дурной новости защемило сердце. Однако внешне Александр постарался ни чем не выдать своего

беспокойства.

– Э-э-э... – задумчиво протянула Рая Евгеньевна. – Витька ничего подобного не говорил. Сказал только, что вещи в избах брошены, будто все жители разом сбежали кто в чём был, а всё остальное целое осталось. Да Витька и сам был удивлён без меры. А как-то раз напился, так вообще такую чертовщину понёс. Дескать, в деревне той черти с лешими и ведьмами шабаш устроили. Правда, – Рая Евгеньевна тут же смутилась, – это он не при мне говорил. Я же с ним самогонку никогда не глушила. Это мне односельчане рассказали.

Александр так и замер с карандашом наперевес. В памяти всплыли слова капитана Давыдова о том, что его родителей, а так же младших брата и сестёр, не нашли среды живых. Почему глава районной милиции и предположил, что они среди мёртвых. Вывод более чем очевидный. Но не могли же разом пропасть от двадцати до тридцати человек, население пусть и маленькой, но деревни? Нужно будет обязательно расспросить Витьку Потапова.

– Постойте, гражданка Малюкова, – Александр с трудом очнулся, будто от тяжёлого сна, – вы тоже считаете, будто мою семью убили финны?

– Конечно считаю, гражданин начальник. Они, больше некому, – более чем уверенно заявила комендантша.

– И когда именно, по вашему, это произошло?

– Так ясно дело когда, в июне сорок четвёртого. Где-то за месяц до начала наступления Красной армии, – ещё более

уверенным тоном ответила Рая Евгеньевна.

– Нет, гражданка Малюкова, – Александр едва сдержался, чтобы не гаркнуть во всё горло, – ваши показания не сходятся. Как вам прекрасно известно, 28 июня 1944 года Красная армия вышибла финнов из Кондопоги. И что же получается? – Александр выразительно глянул на комендантшу, от чего та нервно поёжилась. – Три года, три долгих года, оккупантам не было никакого дела до жителей отдалённой деревни. А тут, менее чем за месяц до постыдного бегства, финны почему-то убили всех жителей Дубуяны. Причём, опять же, по вашим же словам, сама деревня осталась целой. Указанный вами Витька Потапов не нашёл ни трупов, ни хотя бы одну братскую могилу.

От столь категоричного заявления Рая Евгеньевна окончательно стушевалась, будто именно её поймали за руку на краже кальсон деда бабки Матрёны.

– Дошли..., – нехотя, едва ли не через силу, выдавила из себя Рая Евгеньевна. – На самом деле финны, и даже немцы, добрались-таки до Дубуяны, и в самом деле меньше чем за месяц до освобождения.

– Та-а-ак..., – Александр перехватил карандаш по удобней, – с этого момент и подробней, пожалуйста.

Даже по глазам видно, как же Рае Евгеньевне не хочется говорить. Очень не хочется. Хотя, вроде как, к исчезновению всех жителей Дубуяны она и в самом деле не имеет никакого отношения. И всё равно ей не хочется говорить, будто стес-

няется чего-то.

– В самом начале июня сорок четвёртого оккупационные власти всполошились жутко, будто им всем скопом задницы скипидаром намазали. Мне, конечно, никто не докладывал, однако по Кондопоге потом долго слухи ходили. В общем, – Рая Евгеньевна резко выдохнула, – сперва в Дубуяну отряд местных полицаев ушёл. Говорят, их там сотня была. Но по мне так врут, меньше было, гораздо меньше. Но то, что ушли, это точно. Я об этом от многих слышала, кто сам видел.

Что именно произошло в Дубуяне, то не ведаю. Но, буквально на следующий день, полицаев тех в лесу кто-то побил сильно. Я так думаю, это они на партизанский отряд нарвались. А чтобы полицаев по лесу поганой метлой разогнать, на то много сил не нужно. Трусы они все записные, сами разбежались.

На следующий день, если не ошибаюсь, пятого числа, в Дубуяну ещё один отряд ушёл. На этот раз финны, солдаты. По городу слух прошёл, что фронтовые разведчики. Если я правильно поняла, – Рая Евгеньевна на миг задумчиво скосила глаза в сторону, – эти самые разведчики в тылу на отдыхе были, вот их и привлекли. Фронт от Кондопоги не так уж и далеко все три года на одном месте простоял.

– И-и-и..., – выразительно и с нажимом протянул Александр.

Пусть и без прежней натуги, Рая Евгеньевна продолжает

говорить. Другое дело, что её показания становятся всё более и более чудными, будто она фантазирует на ходу. Хотя, и это тоже надо признать, у комендантши просто не хватит смелости, чтобы врать на ходу представителю власти. Это Александр уже успел понять.

– А через три дня и финнов, того, – Рая Евгеньевна тихо хлопнула ладошкой по столу, – в лесу тоже грохнули. В городе вновь слухи поползли, дескать, это партизаны с ними расправились. Но тут меня сомнения взяли, гражданин начальник, – торопливо уточнила комендантша. – Финны, да ещё солдаты, да ещё фронтовые разведчики, это вам не трусливые полицаи. Эти в лес не с «мосинками» пошли. Я сама видела, как тот финский отряд уходил. Все с автоматами были, даже с пулемётами. Там бы и партизан полегло бы не меряно. Но вот чего не было, того не было. Однако и финским разведчикам фронтовым не слабо так досталось на орехи.

– Продолжайте, – Александр торопливо перевернул испи-санную страницу.

– А потом затишье наступило. Дней пять, не более. И вот тогда в Кондопоге немцы появились.

– Точно немцы? – недоверчиво переспросил Александр.

– Точно немцы, – Рая Евгеньевна кивнула. – Я сама их форму поганую видела, хоть и похожа на финскую, но дру-гая, чёрная. И молнии на петлицах. Это, говорят, эсэсовцы были. Так эти в Дубуяну не только с автоматами и пулемё-тами ушли, а на броневиках уехали. Ещё следом грузовики

уехала, с оружием, говорят.

Рассказ комендантши всё более и более смахивает на бред. Однако Александр продолжает старательно записывать показания свидетельницы. Если уж играть роль сурового следователя, то до конца.

– И что дальше?

– Так всё дальше, – Рая Евгеньевна потупилась. – Вот как раз немцы, эсэсовцы эти, в Дубуяне дольше всех прочих задержались. Недели две, не меньше. И бог знает, сколько бы ещё там просидели, но тут наша доблестная Красная армия в наступление перешла. В конце июня Кондопогу освободили. Я так думаю, эсэсовцы те чуть раньше из Дубуяны смотались. Накануне прихода наших в городе такое творилось! – Рая Евгеньевна выразительно закатила глаза. – Финны усиленно ноги делали, добро награбленное вывезти пытались. Да и полицаи, что под ними служили, как тараканы разбежались. Понимали, суки, что их ждёт.

Хм-м-м... Александр задумчиво крутанул в пальцах карандаш. Показания Раи Евгеньевны сильно смахивают на бред, но и обозвать их глупой выдумкой тоже никак не получается. Это же стандартная практика оккупантов. Если на оккупированной территории происходит что-то непонятное, то обычно в первую очередь отправляют отряд полицаев под командованием одного-двух офицеров. Если же произошло что-то более серьёзное, то немцы, да и финны, скорей всего тоже, обычно привлекали выведенные в тыл на отдых и по-

полнение армейские части. Тем более фронт и в самом деле все три года топтался не так уж и далеко от Кондопоги. Но что такое должно было случиться, чтобы на территории под властью финнов появились немцы? Даже больше – эсэсовцы. Но!

– Всё равно, гражданка Малюкова, ваши показания не сходятся, – Александр бросил на комендантшу суровый взгляд. – Какую такую опасность для финнов, и тем более для немцев, могли представлять крайне немногочисленные жители Дубуяны? А опасность была, и серьёзная опасность, если, по вашим же словам, оккупанты использовали автоматы, пулемёты, броневики и едва ли не танки. С такой силой партизаны ни за что не стали бы связываться.

Александр точно знает, о чём говорит. Тактика любого партизанского или диверсионного отряда проста – кусай и беги. Любая попытка оказать противнику упорное сопротивление тут же обернётся большими потерями, не говоря уже о перерасходе и без того дефицитных боеприпасов. Шугнуть трусливых полицаев партизаны вполне могли. А вот с отрядом финских фронтовых разведчиков даже не стали бы связываться.

Рая Евгеньевна опять стушевалась, будто её во второй раз поймали за руку на краже кальсон деда бабки Матрёны. Глаза комендантши нервно забегали из стороны в сторону, а пальцы ещё более нервно принялись елозить по столешнице. Ну не хочет она говорить, очень не хочет, будто ей очень

стыдно.

– Рая Евгеньевна, – нарочито спокойным, но суровым, тоном произнёс Александр, – говорите всё как есть. Правда не бывает постыдной. И помните, – Александр стукнул карандашом по исписанному мелким подчерком листу, – пока вы свидетель. Зачем вам становиться обвиняемой? Тем более, как я вижу, вы и в самом деле не имеете никакого отношения к гибели моей семьи. Так что отбросьте в сторону все сомнения и расскажите, что же на самом деле заставило финнов, а позже и немцев, обратить столь пристальное внимание на далёкую деревню? Тем более за месяц до начала наступления Красной армии.

Александр как мог постарался быть доброжелательным и спокойным, однако Рая Евгеньевна всё равно нервно елозит пальцами по столешнице, а глаза, как и прежде, дёргаются из стороны в сторону.

– Хорошо, гражданин начальник, – произнесла Рая Евгеньевна, будто решила-таки вернуть бабке Матрёне кальсоны её деда, – расскажу всё, как на духу. Только не думайте, будто я что-то присочиняю или вру. Ни в чертей, ни в леших, ни в бога я не верю. И вообще в церкви давно не была.

– Хорошо, хорошо, я вас понял, – торопливо заверил Александр. – Рассказывайте как на духу.

Однако Рае Евгеньевне потребовалась целая минута, чтобы собраться с мыслями.

– Как сейчас помню, – наконец-то заговорила Рая Евге-

ньевна, – первого июня сорок четвёртого это было. Поздно тогда было, ночь почти. Я уж спать легла. Ка-а-ак вдруг!!!

От неожиданности Александр дёрнулся всем телом, карандаш вжикнул по листу.

– Пожалуйста, только факты, без эмоций, – спокойно, почти спокойно, и вежливо произнёс Александр, хотя на самом деле ему жуть как захотелось обозвать комендантшу дурой.

– Простите, гражданин начальник, – Рая Евгеньевна виновато потупила глазки. – Но в тот вечер я действительно уже легла спать. А тут с небес такой адский грохот упал, что аж стёкла в окнах задрожали. Я не то, что враз проснулась, сама не помню, как с кровати сиганула и в одной рубашке ночной на улицу выскочила.

– И что же вас так сильно напугало? – Александр вновь склонился над блокнотом.

– Видеть не видела, слышала только. Это всё так быстро случилось. Да и мало кто в Кондопоге всё видел, опять же, только слышали все. После по городу такие слухи поползли, – с видом профессиональной сплетницы Рая Евгеньевна таинственно понизила голос. – Говорят, то ли огненный мяч по небу пролетел, то ли сам Илья-пророк на колеснице своей огненной из конца в конец прокатился. Но, я думаю, то метеорит был. Он, пока на землю падал, разогрелся до огненного состояния. Такой..., – Рая Евгеньевна изобразила перед собой руками что-то непонятное. – Огонь с небес был.

– Метеорит? – недоверчиво уточнил Александр.

– Метеорит или не метеорит, но уж точно не огненная колесница Ильи-пророка, – ответила Рая Евгеньевна. – Однако финны, а позже и немцы, именно его искали. Об этом вся Кондопога гудела. Ни о партизанах, ни о Дубуяне речи вообще не было. Это точно. Но и сам метеорит дюже странный был.

– В чём именно заключалась его странность?

– Понимаете, гражданин начальник, – задумчиво протянула Рая Евгеньевна, – мне восемнадцать было, когда в тайгу Тунгусский метеорит упал. Шуму было, газеты писали, наш деревенский дурачок так вообще конец света предсказал. Уже после революции я на лекции ходила. Лектор, профессор из Петрозаводска, рассказал нам об этом природном явлении. Хорошо так рассказал, с картинками. Жаль, фамилию того профессора не помню.

Так вот, нормальный метеорит через небо пролетит и на землю упадёт. Причём непременно упадёт как бомба авиационная или снаряд артиллерийский крупнокалиберный. То есть, взорвётся сильно. Вон, – Рая Евгеньевна качнула головой в сторону, – Тунгусский метеорит взорвался так, что за десятки километров слышно было. А потом на месте падения лес поваленный нашли. Такие, – комендантша выразительно развела руки в стороны, – пятна огромные. Правда, кратер Тунгусского метеорита так и не нашли. Но вот тот профессор из Петрозаводска заверил нас, что обычно кратер остаётся, круглый такой, как воронка от авиабомбы или сна-

ряда крупнокалиберного.

– Да, да, я в курсе, – заверил Александр.

Во время срочной службы на китайской границе Александру тоже довелось прослушать лекцию о падении Тунгусского метеорита. Это, почитай, не так уж и далеко от его заставы было.

– Тогда вы должны знать, что раз метеорит пролетел, то он должен был упасть и сильно бахнуть, а на месте взрыва должен был остаться поваленный лес и кратер в обязательном порядке. А этого как раз и не было, – с воодушевлением завзятой сплетницы произнесла Рая Евгеньевна. – Грохот был, все слышали. Огненный шар тоже был, хотя его мало кто успел заметить. А вот взрыва не было. Ни леса поваленного, ни кратера круглого тоже не было.

– Ну, это, – Александр на миг задумался. – Это ещё ни о чём не говорит. Может, метеорит в Нигозеро упал. Или даже в озеро Сандал, оно ещё больше. Да мало ли у нас в Карелии озёр? Огромное Онежское озеро вообще под боком.

– Нет, ни в какое озеро метеорит точно не падал, – уверенно заявила Рая Евгеньевна. – Гранату обычную в реку бросишь, и то сколько рыбы оглушённой вверх брюхом всплывёт. А тут метеорит огромный упал. Да тут любое озеро из берегов бы выскочило. И рыбы глушённой уйма бы всплыла. Да если бы не час комендантский, половина Кондопоги за халявной рыбой рванула бы. А вторая половина принялась бы горшки и сковородки готовить. Мы же все тогда впрого-

лодь жили.

Впрочем, на следующее утро всё равно множество любителей халявы на лодках в Нигозеро намылилось. А потом ещё дальше в озеро Сандал. Однако никакой рыбы глушённой никто так и не нашёл. Вообще ни рыбёшки. Как я говорила: ни взрыва, ни волны взрывной не было.

– Хорошо, я вас понял: – произнёс Александр, – странный метеорит, ни взрыва, ни кратера от падения, ни рыбы глушённой. Но при чём тут моя семья?

– Так и при том, гражданин начальник, – Рая Евгеньевна наклонилась ближе, – метеорит этот странный над Кондопогой с юго-запада на северо-восток пролетел. Он как раз должен был упасть где-то рядом с Дубуяной.

Финны тоже видели, как метеорит тот странный то ли упал, то ли нет. Вот они, как рассвело, и отправили в Дубуяну полицаев вместе с одним из своих офицеров и каким-то фельдфебелем. Ну, вроде как, место падения найти и разобраться. Да только сгинули те полицаи вместе с офицером и фельдфебелем.

Вот именно тогда о партизанах и заговорили. Вот финны и отправили второй отряд, на этот раз из фронтовых разведчиков с автоматами и пулемётами. А потом ещё и немцы, эти эсэсовцы проклятушие, в том же направлении укатили.

Что там произошло на самом деле – никто не знает. Но дорога-то одна: из Кондопоги до нашей Четвёрочки и дальше на север как раз до Дубуяны. Вот так и полицаи, и фин-

ны, и даже немцы добрались до вашего уважаемого батюшки перед самым-то освобождением. Да и Витка Потапов, когда в Дубуяну шёл, следы от немецких броневиков на дороге видел. Ещё он сказывал, будто где-то на обочине сгоревший грузовик стоит.

– Хорошо, я понял: полицаи, финны и даже немцы до Дубуяны всё же дошли. Но, тогда, кто их так всех серьёзно побил? – спросил Александр. – Не медведь же с волком на пару.

– Точно никто не знает, – ответила Рая Евгеньевна. – Как, того, полицаев поубивали, так финны все дороги перекрыли. Сперва возле самой Кондопоги, а после даже до станции Мянсельга дошли. И до самого прихода Красной армии никого не пропускали. Что те эсэсовцы там делали, от кого финны по морде получили, никто до сих пор не знает.

– Подождите, – Александр перевернул исписанную страничку, – а, вот. По вашим словам, в первый раз к предполагаемому месту падения метеорита был отправлен отряд полицаев во главе с финским офицером и фельдфебелем.

– Верно, гражданин начальник, – охотно подтвердила Рая Евгеньевна. – Во второй раз разведчики финские отправились. Да! Вспомнила – тогда с ними полицай тоже были. Один так точно был, Суслик его кличка, уж имени не знаю. Трус первостатейный и скользкий, как рыба мокрая. В Кондопоге говорили, что он из военнопленных будет. Так сказать, пошёл на добровольное сотрудничество с оккупантами.

– Суслик, – Александр тщательно вывел кличку полицая

на листе бумаги.

Понятно, почему из множества пособников оккупантов комендантша запомнила именно этого Суслика. Кличка уж больно знаменательная и, одновременно, обидная.

– И что после с полицаями стало? – Александр глянул на Раю Евгеньевну.

– Так ясно же что, – комендантша зло усмехнулась. – Когда Красная армия к Кондопоге подходить начала, вся эта вшивая братия разбежалась.

– Может, кто из полицаев с финнами ушёл?

– Это вряд ли, – Рая Евгеньевна брезгливо потрянула рукой. – Да, полицаи финнам служили, некоторые из них даже выслужиться пытались. Однако сами финны их за людей не считали. За три года оккупации бывали случаи, когда самих полицаев к стенке ставили и расстреливали без лишних разговоров. О каком-то там суде и речи не было. И чтобы финны это отребье с собой в Финляндию взяли? Да ни за что! Я уверена: – на лице Раи Евгеньевны появилось суровое выражение, – если кто из полицаев вовремя сам не убёг, так его финны сами пристрелили, чтобы под ногами не путался.

– Логично, – согласился Александр.

Судьба предателей во все времена была незавидной. Пока полицаи приносили оккупантам пользу, их ещё терпели. А когда Красная армия подступила к Кондопоге, то их цинично расстреляли, чтобы и в самом деле под ногами не путались.

– Хорошо, с судьбой полицаев мы разобрались. Но, скажите, – Александр недоверчиво глянул на комендантшу, – неужели уже после освобождения Кондопоги никто так и не заинтересовался тем странным метеоритом, что упал где-то в районе Дубуяны?

– Ну-у-у..., – задумчиво протянула Рая Евгеньевна, – когда наши финнов из Кондопоги вышибли, то не до метеорита странного было. А потом оно как-то забылось. Пролетел, и ладно. Последствий нет, ещё лучше.

– Понятно, – произнёс Александр.

А чего ещё следовало ожидать? В конце лета сорок четвёртого года немцев гнали по всем фронтам. Вон, та же Финляндия заключила с СССР перемирие и сама объявила фашисткой Германии войну. На освобождённых территориях нужно было восстанавливать советскую власть и наводить хотя бы элементарный порядок. Не удивительно, что властям было не до странного метеорита. Это потом, может лет через десять, на его поиски может быть и отправят какую-нибудь научную экспедицию.

К слову, с Тунгусским метеоритом так и было. В район реки Подкаменной Тунгуски он упал ещё в 1908 году. Но лишь в 1927 году на его поиски отправилась первая экспедиция под руководством геофизика Леонида Кулика. То есть спустя без малого девятнадцать лет.

– Хотя нет, вру, – Рая Евгеньевна выпрямилась на стуле. – Если Витька Потапов не врёт, то он как раз на поиски ме-

теорита того странного и отправился. А в Дубуяну по дороге зашёл. Думал там, как это, – комендантша задумчиво нахмурилась, – лагерь, базу, стоянку... В общем, чтобы было где в Дубуяне переночевать, чтобы после по окрестным лесам пройтись и найти метеорит тот странный.

– И что? Ему удалось найти место падения метеорита?

– В том-то и дело, что нет, – в голосе Раи Евгеньевны опять проснулась завзятая сплетница. – Витька Потапов только до Дубуяны и дошёл. А потом обратно домой поворотил. И с тех пор в деревню ту ни ногой. В общем, не стал он больше метеорит тот искать. Говорит, место там проклятое, нехорошие дела там творятся.

– Вы хотите сказать, что это черти с небес на землю спустились? – Александр так и не удержался от сарказма.

– Черти или ангелы, то мне я не ведаю, – Рая Евгеньевна с ходу отмела сарказм. – Но ведь кто-то полицаев поубивал, финнам по морде надавал. Да и эсэсовцам, вроде как, тоже не шибко сладко пришлось. Я в мистику не верю, но какая-то чертовщина в Дубуяне и вокруг неё и в самом деле происходит.

Рая Евгеньевна умолкла. В наступившей тишине вдруг отчётливо прорезался звон гитары, кто-то из постояльцев общежития принялся перебирать струны. Однако грозной комендантше явно не до нарушителя режима.

– Круги на полях появились, – громким шёпотом произнесла Рая Евгеньевна.

– Какие ещё круги? – Александр и сам не понял, почему тоже перешёл на шёпот.

– В том-то и дело, что никто не знает, что это за круги такие. Они, это, – Рая Евгеньевна на миг задумалась, – круглые такие, метра четыре шириной будут. Ну, это, трава так ровно и аккуратно полегла и по часовой стрелке завернулась. И что самое забавное, она продолжает расти, зеленеть, со временем выпрямляется даже.

– Так шутит из сельчан кто-то, – сердито отмахнулся Александр.

– Ага, – на этот раз голос комендантши буквально сочтётся сарказмом, – десять километров от Четвёрочки отбежал и в лесу дремучем на полянке неприметной траву по кругу умял, чтобы всем весело было.

– И кто же тогда эту самую полянку неприметную в лесу дремучем нашёл и посмеялся? – спросил Александр.

– Так ясно же дело кто, – Рая Евгеньевна ничуть не растерялась. – Витька Потапов, он у нас самый большой любитель по лесу шляться. Он и нашёл, только смеяться не стал. Да и возле Дубуяны, говорит, с пяток таких кругов видел. Причём, в разной степени свежести.

Да! Кстати! Только сейчас вспомнила, – Рая Евгеньевна аж встрепенулась. – Как потом в Кондопоге болтали, немцы. Ну, это, эсэсовцы были. Так эти немцы буквально каждый круг такой как собаки обнюхивали, замеры всяческие делали. И траву кусочками маленькими отрезали. Как это там по

научному будет? – морщины на лбу комендантши собрались в глубокие складки.

– Брали образцы травы, – подсказал Александр.

– Точно! – Рая Евгеньевна выпрямилась на стуле. – Образцы той травы брали.

Александр задумчиво нахмурился. Саму по себе примять траву нетрудно. И то, что следы получаются круглой формы, тоже не проблема. Всего-то и нужны колышек и верёвка. Но каждая шутка, даже самая злая и тупая, имеет смысл тогда и только тогда, когда на неё натывается максимально возможное количество людей. Злой шутник, даже самый тупой, точно не стал бы отходить от Четвёрочки на десяток другой километров в глубину леса дремучего, чтобы на полянке неприметной умять траву. Лес огромен, тот же Витька Потапов легко пройдёт мимо и ничего не заметит. И какой тогда может быть смысл в такой шутке?

– Тот же Витька Потапов как-то по пьяни сознался, – голос Раи Евгеньевны опять опустился до уровня таинственного шёпота, – что в лесу кто-то диким хохотом орёт, да над лесом летает.

– Витька Потапов, случаем, не алкаш? – Александр едва не сорвался на глупость.

– Ну, – глаза Раи Евгеньевны стрельнули в сторону, – выпить он любит. Но и я сама как-то раз поздно вечером вышла на крыльцо. Вдруг, чую, – Рая Евгеньевна на миг трагически умолкла, но тут же продолжила вновь, – надо мной пролетел

кто-то.

– Птица, сова, например, – тут же предложил Александр.

– Нет, то не сова была, – Рая Евгеньевна уверенно качнула головой. – Надо мной что-то большое пролетело, даже Луну на миг скрыло. И листья палые вокруг меня все разом зашуршали и заскрипели. Меня холодным воздухом будто водой ледяной из ведра окатило. Волосы под платком так зашевелились, так зашевелились. Нехорошо, в общем, зашевелились. Совы так не летают.

Вполне правдивый и логичный рассказ Раи Евгеньевны под конец окончательно скатился в пьяный бред. Однако Александр старательно записал всё. Информация лишней не бывает, как любил повторять капитан Агапов.

– Хорошо, пусть будет не птица, а не установленный объект неясного происхождения, – Александр на миг оторвал взгляд от блокнота. – Рая Евгеньевна, что-нибудь ещё вы можете добавить по существу?

– Э-э-э..., – комендантша растерянно захлопала глазками, – нет, не могу. Всё, что знала, всё рассказала. Как на духу.

– Понятно, – Александр захлопнул блокнот и поднялся со стула. – Рая Евгеньевна, огромное вам спасибо за оказанную помощь следствию.

– Так я, это, – Рая Евгеньевна угодливо поднялась со стула следом, – по-прежнему как свидетель по вашему делу?

– Непременно, – Александр кивнул. – Но, с вашего поз-

воления, я пойду. Поздно уже.

– Конечно, конечно, – Рая Евгеньевна тут же засуетилась. – Если не в тягость, шуганите моих балбесов, чтобы на гитаре больше не брякали. Отбой уже.

– Обязательно, – пообещал Александр и направился к выходу.

Однако балбесы Раи Евгеньевны и сами вовремя сообразили, кому теперь могут помешать спать своими гитарными аккордами на ночь глядя. Уже в коридоре Александр старательно прислушался, однако в первом корпусе общежития лесопилки воцарилась тишина. Только из-под двери в комнату с номером три выбивается узкая полоска света. Не шумят, ну и ладно.

У себя в комнате Александр грузно опустился на стул. Рядом на стол тихо шмякнулся блокнот для записей. Ну и беседа получилась, закачаешься. Огонь с небес, наскипидаренные финны, а потом ещё и эсэсовцы в здешних лесах что-то забыли. И, в довершении, какая-то чертовщина. Рая Евгеньевна слишком сильно боится милицию, чтобы так бессовестно врать и чтобы без дела поминать чертей, ангелов и огненную колесницу Ильи-пророка. Но и окончательно разобраться с самым главным вопросом так и не удалось. Так кто же на самом деле убил его семью?

Финны или немцы? Александр нахмурился. Сама логика событий конца лета сорок четвёртого указывает на оккупантов, но прямых улик нет. Рая Евгеньевна предполага-

ет, нет, даже уверенна, но, опять же, куда делись ещё двадцать, если не все тридцать, жителей Дубуяны? Мутно это всё, очень мутно. Александр в раздражении захлопнул блокнот. Как минимум нужно будет допросить Витьку Потапова, точнее, Виталия Николаевича Потапова. А то и самому надеяться в Дубуяну. Единственное, в чём удалось окончательно убедиться, так это в том, что дело и в самом деле нечистое. Слишком много нестыковок и откровенных глупостей. И что это за огонь с небес такой? Если и в самом деле метеорит, то почему он не взорвался как положено? Почему эсэсовцы так жутко заинтересовались им? Вопросы, вопросы, ещё раз вопросы, на которые нужно найти ответы. Всё равно нужно, пока следы окончательно не остыли, иначе не видать ему покоя до конца дней своих. Найти родителей и младших брата и сестёр живыми можно уже и не надеяться. Так хотя бы могилы отыскать, чтобы было куда прийти и помянуть.

Пальцы неторопливо перевернули несколько страниц. О! Кстати, а это идея. Александр выпрямился на стуле. Да, сперва он и в самом деле хотел просто припугнуть Раю Евгеньевну. А почему бы и в самом деле не возбудить розыскное дело? Получится его зарегистрировать у капитана Давыдова – хорошо, не получится – ничего страшного. Так что и в самом деле нужно будет переписать показания Раи Евгеньевны и принести ей на подпись полноценный протокол. Да и все прочие свои действия оформить надлежащим образом.

Ладно, это всё завтра, а здесь и сейчас пора спать. Алек-

сандр разобрал постель и с превеликим удовольствием растянулся на железной кровати. Ого! А пружины хорошо натянуты и смазаны, главное, не скрипят.

Говорят, будто на новом месте в первый раз всегда плохо спиться. Может для кого так оно и есть, однако за четыре года войны Александр научился засыпать где угодно и, главное, быстро. Иначе нельзя, ибо никогда не знаешь, где и когда в следующий раз доведётся прикорнуть хотя бы на часок.

Глава 5. Цирк с конями

Изба семьи Потаповых ничем не выделяется из ряда себе подобных. Те же три окна на улицу, серые стены, серые заборы и крыша, покрытая дранкой. Наличник избы отделан простенькими деревянными узорами, а створки ворот украшены причудливыми наконечниками. Если бы не серый цвет старой древесины, то их можно было бы запросто принять за чугунное литьё.

Екатерина Никифоровна Потапова, жена Виталия Николаевича Потапова, оказалась худенькой женщиной лет сорока в серой мужской рубашке и в длинной юбке из плотной ткани. Чуть тронутые сединой волосы прикрыты цветастым синим платком. Она встретила Александра у калитки и провела в дом. Огромный лохматый пёс непонятной породы молча и грозно проводил незваного гостя тёмными глазами. Лучшему другу человека плевать, что к хозяевам пришёл сам участковый инспектор милиции в полной форме и с грозным ТТ в кобуре на поясе. Если будет команда, порвёт как Тузик грелку.

На мосту, перед входом в жилую часть избы, Александр стянул сапоги. Пусть представителю власти расхаживать в одних носках не солидно, но и переться в дом в грязных уличных сапогах тоже неприлично. Не долго думая, из двух зол Александр выбрал меньшее.

Внутри изба семьи Потаповых также ничем не отличается от прочих в Четвёрочке. Как сказал классик, бедненько, но чистенько. Бревенчатые стены тщательно протёрты влажной тряпкой, пол застелен самодельными сильно потёртыми ковриками. Неширокий стол без какой бы то ни было скатерти. А вот стульев нет, только две лавки. За печкой проглядывается рукомойник и маленький кухонный столик. Зато под потолком висит гордость всех без исключения жителей Четвёрочки – электрическая лампочка. Как Александр успел заметить, единственная в избе.

– Разрешите присесть? – вежливо попросил Александр.

– Да, да, конечно, садитесь.

Хозяйка дома просеменила мимо и первой опустилась на лавку. Александр присел на противоположном конце стола и выложил на столешницу планшетку. В Четвёрочке люди живут простые, от которых просто глупо ожидать знания тонкостей барского этикета. Но и садиться за стол без разрешения хозяйки тоже не дело.

– Екатерина Никифоровна, – Александр демонстративно вытащил из планшетки блокнот для записей и распахнул его, – ваш муж дома?

– Никак нет, – тут же ответила Екатерина Никифоровна. – Но он вот-вот должен вернуться с охоты. Если хотите, то можете его подождать.

Александр задумался. Василия Потапова дома нет. Не факт, что он и в самом деле вот-вот вернётся домой. Васи-

лий Николаевич заядлый охотник, а на охоте бывает всякое. Впрочем...

– И что на этот раз натворил мой муж? – голос Екатерины Никифоровны дрогнул от волнения.

Как Александр успел узнать, супруг хозяйки дома и в самом деле не отличается кротким нравом, хотя назвать его буйным тоже нельзя. Как это часто бывает, когда трезвый, то вполне себе умный, рассудительный и трудолюбивый мужик. Но вот как выпьет, да ещё лишнюю стопочку, то может легко совершить какую-нибудь глупость. Например, совершенно случайно задеть кулаком челюсть соседа.

– Ничего ваш муж не натворил, – ответил Александр. – Я зашёл познакомиться с вами поближе, должность обязывает. Заодно и расспросить кое о чём.

– Ах, да, вы же наш новый участковый, – взгляд Екатерины Никифоровны скользнул по синей гимнастёрке Александра и на миг задержался на погонах старшего сержанта. – Наверно, о семье своей спросить хотите.

Александр тихо прочистил горло. Неприятно осознавать, что всего за два дня о его личном деле прознала вся Четвёрочка. Впрочем, было бы глупо надеяться, будто Рая Евгеньевна, ещё та сплетница, будет молчать в тряпочку. А вот взять с комендантши подписку о неразглашении Александр вовремя не догадался. Чего уж теперь кулаками после драки махать.

– В том числе и о моей семье, – Александр не стал отри-

цать очевидное.

– Так, это, Васька мой, бестолковый, уже после освобождения в Дубуяну ходил..., – начала было Екатерина Никифоровна, но Александр поднял перед собой ладонь.

– Екатерина Никифоровна, – Александр чуть повысил голос, – о визите вашего мужа в Дубуяну я расспрошу его самого, когда он вернётся. А пока его нет, расскажите, как так получилось, что вашего мужа не мобилизовали на фронт?

Екатерина Никифоровна смущённо потупилась, тема для разговора для неё явно не самая приятная. Пусть Василию Потапову скоро пятьдесят лет, однако в начале войны его вполне могли призвать в Красную армию.

– Как вы знаете, – тихим голосом начала Екатерина Никифоровна, – мы оккупацию пережили. Тогда, летом сорок первого, никто не думал, что война эта проклятущая на четыре года затянется.

История семьи Потаповых более чем типичная для очень и очень многих семей, которым не повезло оказаться в оккупации. Василий Потапов потому и не попал на фронт в первые месяцы войны, что его просто не взяли. В силу возраста и ценной профессии тракториста, он получил бронь. А потом, в начале ноября сорок первого года, Кондопогу оккупировали финны.

Из-за того, что оба сына супругов Потаповых были призваны в Красную армию, их отправили в концентрационный лагерь под Медвежьегорском для так называемых «нерод-

ственных народов». Тяжёлая работа, скудная кормёжка и убогие бытовые условия серьёзно подорвали здоровье Василия Потапова. Когда летом сорок четвёртого года Карело-Финская ССР была освобождена, то Василия Потапова не взяли в армию из-за чрезмерной худобы и слабого здоровья в целом. Пока заядлый охотник элементарно отъедался и выздоравливал, война закончилась.

– А после Нового года мы вдруг похоронку получили, – Екатерина Никифоровна тяжело вздохнула. – Мы с мужем так надеялись, так надеялись. Но, оказывается, оба наших мальчика погибли ещё в сорок втором под Сталинградом.

– Примите мои соболезнования, – тихо произнёс Александр.

Вот ещё одна мать, что потеряла на войне обоих своих сыновей.

– Но я надеюсь, – Екатерина Никифоровна вдруг улыбнулась, – что господь пошлёт мне ещё деток. Ведь мне всего тридцать восемь. Да и Васька мой как мужчина ещё ничего будет. Сейчас с едой несколько лучше стало, да и муж мой из леса дичь всякую таскает. Всё мясо.

Неожиданно на мосту смачно брякнуло ведро и раздались громкие шаги. Александр резко развернулся лицом ко входу в жилую часть избы. В ту же секунду дверь с треском распахнулась.

– Ага!!! Попался!!! Сволочь!!!

В чистую комнату, прямо в грязных уличных сапогах, вва-

лился Васька Потапов. Неказистый с виду мужик лет пятидесяти. На голове шапка-ушанка, на плечах изрядно потёртый армейский маскировочный халат «амёба». Но, главное... В груди будто взорвался холодный шар, сердце стукнулось о рёбра, а из ноздрей с тихим шипением вылетел сжатый воздух. Неимоверным усилием Александр остался-таки сидеть на лавке перед столом как ни в чём не бывало. В руках у Васьки Потапова охотничье ружьё. Тёмное дуло уставилось прямо в лоб, а палец уже прилип к спусковому крючку. На лице Васьки Потапова застыла гримаса вконец рассерженного до белого каления праведника, который начисто забыл библейскую заповедь подставить другую щёку, а вместо этого решил застрелить обидчика.

До Васьки Потапова меньше двух метров, промахнуться невозможно. В войну Александр пережил множество схваток накоротке, а потому прекрасно понял, что хвататься за табельный ТТ поздно, только противника провоцировать. Однако рокового выстрела так и не последовало.

– Ой!!! – Васька Потапов испуганно охнул.

Былое выражение бешеного праведника враз слетело с лица Васьки Потапова. Ружьё брякнулось на пол. Хозяин дома подался всем телом назад. Каблуки грязных сапог не вовремя зацепились за высокий порог. Васька Потапов грузно и шумно вывалился из жилой части избы обратно на мост.

– Дурак!!! – тонко и звонко взвизгнула Екатерина Никифорова.

Хозяйка дома стремительно вскочила с лавки и бросилась к мужу. Охотничье ружьё с треском отлетело от её ноги, но Екатерина Никифоровна даже не заметила, что едва не споткнулась.

– Ради бога, простите его, – Екатерина Никифоровна опустилась на колени перед мужем и помогла супругу поднять тело в вертикальное положение. – Он решил, будто ко мне любовник пришёл. Вот и осерчал. Дурак!

– Ага, – Васька Потапов тупо кивнул. – Решил.

Цирк с конями. Александр с трудом сбросил нервное напряжение и пошевелился. Вот она обратная сторона работы участкового – если не специально, то по дури или пьяни застрелить всё равно могут.

– Бывает, – Александр с трудом поднялся с лавки, ноги чуть было предательски не подкосились.

Бывает же такое! Васька Потапов ввалился в собственный дом в жгучем желании пристрелить любовника жена, а вместо этого наткнулся на участкового в милицейской форме и прочих регалиях. Простой как три копейки Васька Потапов даже не сообразил, что участковый, вообще-то, тоже мужчина, к тому же молодой и холостой. Если уж на то пошло, то и представитель власти вполне может быть любовником его жены. Впрочем, если сам не догадался, то подсказывать Ваське Потапову ни к чему.

– На прошлой неделе мы поругались шибко, – между тем произнесла Екатерина Никифоровна. – Я с дуру и лягнула,

будто у меня любовник имеется, пока он там по лесу шляется. А он, дурак, поверил и пригрозил хахалю моего застрелить.

– Пригрозил, – охотно признался Васька Потапов.

Цирк с конями и дрессированными собачками. Александр подхватил с пола охотничье ружьё. Одностволка ИЖ-5 ещё довоенного производства, двадцатый калибр. Александр перехватил ружьё за цевьё и переломил его пополам. Из казённого наружу тут же вылетела картонная гильза. Левая рука на автомате поймала её. По плечам и спине прокатилась нервная дрожь: с передней части картонного стаканчика проглянул жакан, почти настоящая пуля. Это не мелкая дробь на мелкую болотную птицу. С таким боеприпасом ходят на волка или кабана. А если попадёт в голову, то легко выплеснет наружу мозги.

– Ружьё откуда? – Александр демонстративно защёлкнул затвор и строго глянул на горе-охотника.

– Купил ещё до войны, – тут же ответил Василий Николаевич.

– Разрешение имеется?

– Так точно, – ответил Василий Николаевич, но тут же смутился и уточнил, – то есть, не имеется. Было разрешение, как бог свят, было. Потерял во время оккупации. Я, это, в сорок первом, ружьишко-то спрятал от греха подальше, а вот заодно документы заныкать не догадался.

– Ладно, потом разберёмся. Вставай, давай.

С помощью супруги Василий Николаевич поднялся на ноги.

– Дурак. Дурак. Дурак, – тихо зашипела на мужа Екатерина Никифоровна. – Товарищ участковый к нам по делу пришёл, а ты на него с ружьём бросился.

Александр опустил обратно на лавку и прислонил ружьё к краю стола. Пусть пока здесь постоит. Не боевое оружие, и ладно. Но разобраться всё равно нужно будет. В Четвёрчке охотников всегда хватало. Это не только развлечение, но и пропитание. Василий Николаевич и в самом деле ещё до войны купил это ружьё. С этой стороны перед законом он чист.

Другое дело, если бы Василий Николаевич вздумал ходить на охоту с «мосинкой» или иной боевой винтовкой. Вот тогда и без всяких разговоров оружие пришлось бы конфисковать с неизбежным в таких случаях оформлением протокола. Ещё в Кондопоге капитан Давыдов на инструктаже предупредил, что всё боевое стрелковое оружие, не говоря уже о гранатах и прочей взрывчатке, подлежит немедленному изъятию с последующим выяснением источника происхождения. Во время войны на руках у населения осело множество стволов, и, по большей части, они неизбежно оказываются в руках преступников.

– Прошу прощения, Александр Никифорович, – Василий Николаевич опустил на лавку возле стола. – Дурак, признаю. Может, того, мировую?

Хозяин дома более чем прозрачно намекнул на рюмку другую самогона.

– Ни в коем случае, – Александр нарочито сердито качнул головой. – Я при исполнении. На первый раз, так и быть, оставлю вашу выходку с ружьём без последствий.

– Благодарю, товарищ участковый, – Василий Николаевич даже не попытался скрыть в голосе безмерное облегчение.

Да и в самом деле зачем обрушивать на голову Василия Потапова всю строгость советского закона? Он и сам не на шутку перепугался, едва не обделался, когда сообразил, что наставил заряженное жаканом ружьё на представителя власти.

– Если вы и в самом деле любите свою жену, то учитесь ей доверять, – строгим тоном произнёс Александр. – Согласно советской конституции, ваша жена не является вашей частной собственностью, она полноценная гражданка Союза ССР. Закон предоставляет ей право по собственному желанию расторгнуть ваш брак, а так же повторно выйти замуж. Так что не доводите до этого.

– Конечно, конечно, не буду доводить, – Василий Николаевич торопливо закивал.

– Вот видишь, что тебе власть говорит, – Екатерина Никифоровна присела рядом с мужем на лавку. – Не прекратишь дурить, уйду от тебя, так и знай.

Александр едва сдержал вздох умиления. Супруги Потаповы, сами того не замечая, напомнили отца и мать. Родите-

ли тоже, бывало, ругались, но всегда мирились. Отец маму очень уважал и никогда не позволял себе поднимать на неё руку. Хотя мама, бывало, вполне могла запустить в него чем потяжелей. Поленом, например. Но и такое бывало крайне редко.

– Так чем я могу быть полезен нашей рабоче-крестьянской милиции? – Василий Николаевич лъстиво улыбнулся.

– Да, – Александр подхватил карандаш и придвинул ближе блокнот для записей. – Пока вас не было, я побеседовал с вашей женой о вас и вашей семье. А теперь меня интересует деревня Дубуяна, а так же судьба её жителей.

– Так мне откуда знать, что с ними стало? – Василий Николаевич развёл руками.

– Понимаю, что конкретно произошло с жителями деревни Дубуяна вы знать не можете. Но расскажите, что вам известно. Начните с самого начала. Как именно вы узнали о деревне Дубуяна?

Василий Николаевич растерянно глянул на жену, та кивнула и заговорила первой:

– В 1923 году в Кондопоге ГЭС строить начали. Там мы с Василием познакомились и поженились.

– Да, я тогда на тракторе работал, а она с лопатой бегала. Чуть не задавил егозу такую, так и познакомились, – подтвердил Василий Николаевич.

– Ближе к делу, пожалуйста, – строго попросил Александр.

– Так я и веду к делу, – торопливо завершила Екатерина Никифоровна. – Мы большую часть совместной жизни в Кондопоге прожили, там же детей родили и воспитали. В общем, – Екатерина Никифоровна на миг замялась, но продолжила, – когда леспромхоз в Четвёрочке вновь в работу пустили, мы решили сюда перебраться, благо дом моих родителей пустовал к тому времени. Васе работу предложили, на тракторе, да и мне на лесопилке дело нашлось.

– Да, это верно, – охотно поддакнул Василий Николаевич. – О метеорите том чудном я ещё в Кондопоге узнал, пока в госпитале лечился. Уже здесь Катенька мне о Дубуяне рассказала. Уж больно интересно стало, почему это из деревни той никто так и не вернулся. Вот и ваш отец со всем семейством вполне мог бы вернуться. Дом-то ваш тогда ещё пустой стоял, Барыкины в него несколько позже заселились. Дай, думаю, людей проведаю. Заодно, думаю, новые охотничьи угодья разведаю.

Я ведь, товарищ участковый, охотник заядлый. Страсть как люблю по лесу гулять. А если ещё утку-другую добыть, зайца подстрелить, так и к столу добавка хорошая. Но вы не думаете ничего плохого, я и в нашу столовую по возможности добычу приношу. Аркадий Назарьевич, председатель наш, мне за это с патронами, порохом и свинцом помогает. И все довольны. Но, смею заверить вас, охоту я веду по всем правилам. В неположенное время никогда не браконьерствую. Раненного зверя никогда не бросаю. Да и волков

за войну много развелось, приструнить надобно.

– Да врёт он всё, товарищ участковый, – встряла в разговор Екатерина Никифоровна. – Уж очень ему захотелось метеорит тот странный в лесу найти. Мне всю плешь проел. «Ничего ты не понимаешь, Катенька», – Екатерина Никифоровна очень точно спародировала голос мужа. – «Я метеорит найду. Обо мне потом в учебниках по истории писать будут».

– Да, хотел, – Василий Николаевич насупился с гордым видом. – Одно другому не мешает. А тут, понимаешь, прорыв для науки! – хозяин дома с умным видом поднял указательный палец. – Заодно учёным подсобить, чтобы после долго и зря искать не пришлось.

– Хорошо, я вас понял. Дальше, пожалуйста, – Александр старательно скрыл раздражение.

Ещё во время службы в Войсках НКВД по охране тыла, Александр много раз присутствовал на допросах. Как не стражай, как заранее не предупреждай о наказании за дачу заведанно ложных показаний, однако даже самые законопослушные граждане в самую первую очередь стремятся оправдать себя за все возможные проступки и нарушения. Вот и Василий Потапов не стал исключением. В первую очередь заядлый охотник решил заверить участкового, что он честный охотник и законопослушный гражданин.

– Так вот, – произнёс Василий Николаевич, – дорогу до деревни я быстро разузнал. Да и чего там узнавать? Она одна такая на север будет. Весной, как морозы ушли, а снег сойти

ещё не успел, я, того, ружьё на плечо и пошёл. Дело привычное: утром вышел, а днём уже там был. Однако, – голос Василия Николаевича скатился до шёпота, – захожу в деревню, а там нет никого.

Для пущего эффекта Василий Николаевич выкатил глаза и раскинул руки широко в стороны.

– Пять изб, и все пустые. Дыма нет, собаки не брешут, коровы не мычат, петухи горло не дерут. Хотя на дороге, что растаяла уже, следы какие-то были.

– Что за следы? – Александр тут же напрягся.

– Не могу сказать, товарищ участковый, – Василий Николаевич виновато улыбнулся. – Но по улице единственной явно кто-то хаживал, причём, много раз. Я, это, в ближайший дом сунулся... Пусто. Изба сто лет не топлена. Внутри бардак. Но, гляжу, не покрадено ничего. Валенки добрые, тулуп хороший прямо на полу валяются. В печи чугушки стоят. Я сунулся в один из них, а там картошка. Ну, это, старая вся такая, стухла давно и протухла. Я так понимаю, её сварить-то сварили, а съесть так и не съели.

– То есть, вы хотите сказать, что местные жители покинули деревню в спешке, а из личных вещей ничего не взяли?

– Точно, – Василий Николаевич кивнул. – Я ту избу всю осмотрел. Кровать заправлена, сундук из-под неё выглядывает. Ну и прочее так же. Хотя..., – Василий Николаевич на миг задумался, – уже после в избе кто-то пошарил. Тухлая картошка только в чугушке нашлась. А больше из еды ни

крошки. Я в сарайку глянул, и там пусто. Хотя корова должна быть. Сена там много навалено, а его так никто и не съел.

Ох, товарищ участковый, честно скажу, страх меня взял. Но я, всё же, решил в другую избу глянуть. А тут по деревне какой-то гогот, уханье и рёв разнеслись. Будто сам леший с чёртом спор затеяли. Признаюсь, – Василий Николаевич виновато опустил глаза, – страх меня окончательно пробрал. Сам не помню, как из Дубуяны прочь рванул. И больше туда ни ногой.

Интересное дело, Александр задумчиво повертел пальцами карандаш. Василию Потапову всё же удалось выяснить главное – местные жители покинули Дубуяну в спешке. На что прямо указывают брошенные личные вещи, особенно чугунок с картошкой. В оккупации и так впроголодь жили. А после пройтись по брошенной деревне мог кто угодно. Да хоть те же финны или немцы.

– Следы боя видели? – спросил Александр и тут же пояснил. – Воронки от снарядов или гранат. Выбитые стёкла. Следы на стенах и деревьях от пуль и осколков.

– Чего нет, того нет, – уверенно ответил Василий Николаевич. – В избах все стёкла целые. А на стенах той избы, что я глянул, ни сколов, ни царапин, ни крови на полу нет. Это точно не было, бардак только.

– Убитых в деревне видели? – на всякий случай уточнил Александр.

– Никак нет, – тут же ответил Василий Николаевич. – Да

и не пахло мертвецами, точно говорю. Уж эту вонизму ни с чем не спутаешь.

– Захоронения, хотя бы одно?

– Э-э-э..., – Василий Николаевич задумчиво почесал затылок. – На кладбище местное не заглядывал, не знаю, если там свежие могилы.

– В самой деревне или рядом с ней? – уточнил Александр.

Как правило, кладбище в непосредственной близости от населённого пункта не делают. Но, с другой стороны, если оккупанты решили прикопать следы своего преступления, то вряд ли стали бы стаскивать убитых на местный погост.

– Не видел, точно говорю, – Василий Николаевич отрицательно мотнул головой.

– А круги на полях видели? – Александр на миг оторвался от страницы блокнота.

– Э-э-э..., – Василий Николаевич на миг замялся. – Видел, товарищ участковый. Точно видел. Дорога к деревне через луг шла. В нескольких местах снег сошёл. И в самом деле круги такие странные проступили. Снег траву ещё осенью примял, но в тех кругах она так ровненько по стрелке часовой завернулась. Почему и заметил.

– И сколько таких кругов вы заметили?

– Два. Нет, – Василий Николаевич встрепенулся, – три заметил. Точно три. Там, в одном месте, два круга друг на друга залезли. Но, товарищ участковый, специально деревню по околице я не обходил. То, что видел, только с дороги приме-

тил. Я ещё тогда подумал, что тут какая-то чертовщина творится.

– Следы присутствия оккупантов видели?

– Э-э-э... – растерянно протянул Василий Николаевич, – какие такие следы оккупантов?

– Места стоянки бронетехники и грузовиков, – принялся перечислять Александр. – Мусор в виде бочек, ящиков, пакетов с немецкой или финской символикой. Либо с надписями на немецком или финском.

– Вот чего не видел, того не видел, – ответил Василий Николаевич. – Но и вы поймите, товарищ участковый, я же только в одну избу и заглянул. А потом, того, – заядлый охотник смутился, – удрал из Дубуяны.

Но вы знаете, товарищ участковый, – Василий Николаевич выпрямился на лавке, – вы спросили о следах оккупантов, а я вспомнил – грузовик был.

– Какой грузовик? – Александр тут же насторожился.

– Какой именно сказать не могу, я же убежал от туда, – Василий Николаевич вновь смутился. – Я когда в Дубуяну шёл, то от дороги, в лесочке, вроде как грузовик разбитый заметил. К нему ещё такая колея от дороги едва заметная шла.

– По вашему получается, что немцы или финны грузовик тот бросили?

– Да и как его не бросить? Он же горелый, – Василий Николаевич искренне удивился. – Я, правда, близко не подхо-

дил. Думал, на обратном пути гляну. Да куда уж там, – Василий Николаевич махнул рукой.

Горелый грузовик, карандаш задумчиво завис над раскрытым блокнотом. Кто-то всё же оказал оккупантам серьёзное сопротивление. И не просто оказал, а серьёзно рискнул. Ведь в момент отступления каждый грузовик буквально на вес золота. Что финны, что немцы не позволили бы просто так лишиться себя очень важного транспорта.

– Хорошо, я понял, – Александр вновь оторвал карандаш от записей. – Скажите, пожалуйста, вы можете мне помочь составить список жителей Дубуяны?

– Это вам в Кондопогу надо, – заговорила Екатерина Никифоровна. – В паспортный стол обратиться. У них всяко должны быть записи по регистрации жителей Дубуяны. Правда, ещё довоенные, если уцелели.

– А кто уже во время оккупации в Дубуяну перебрался, – подхватил Василий Николаевич, – то уже вряд ли узнать получится. Ведь деревня эта выпала из-под внимания оккупантов проклятых. Финны до неё просто не дошли. Да и документы в самом деле сгореть могли. Ведь тогда...

Василий Николаевич вовремя умолк, однако Александр прекрасно понял его и так. Ведь тогда в сорок первом творился такой бардак, что работники паспортного стола вполне могли сбежать и бросить архив. Теоретически финны могли воспользоваться записями. Но, опять же, уже оккупанты, в свою очередь, могли бросить его, а то и специально уничто-

жить.

– Согласен, – произнёс Александр, – наведуясь в Кондопогу. Но вы хотя бы приблизительно можете сказать, кто жил в Дубуяне на момент начала оккупации?

– Мы-то как раз не можем, – заговорила Екатерина Никифоровна. – Ведь мы в Кондопоге жили, когда война началась. Вы тех, кто до войны в Четвёрочке жил поспрашивайте. Особенно Раю Малюкову. Она..., – Екатерина Никифоровна не сразу нашла нужное слово, – она много чего о всех знает.

Александр задумчиво нахмурился. И как только сразу не догадался спросить комендантшу общежития? Понятно почему не догадался, просто не подумал.

– С Раей Малюковой я обязательно переговорю, – произнёс Александр. – Ну а вы хоть чем-нибудь можете помочь?

– Ну-у-у..., – Екатерина Никифоровна мучительно задумалась. – У меня из родни тётка Агапья в Дубуяне жила. Да, с мужем жила. Кругликовы их фамилия. А у тётки сын старший жениться успел, Фёдор его имя. Младшего сына тётки, Иван его имя, скорей всего, в Красную армию ещё до начала оккупации забрали. А дочь Марьяша, насколько я помню, успела замуж выйти. Но она в другую деревню к мужу переехала.

– Негусто, – разочарованно заметил Александр.

– Я с тёткой Агапьей мало общалась, – виновато призналась Екатерина Никифоровна. – Где Дубуяна, а где Кондопога, далеко довольно-таки.

– Согласен, километров немало, – нехотя согласился Александр. – У меня к вам будет ещё несколько вопросов.

Александр ещё минут десять расспрашивал супругов Потаповых, но узнать ничего нового так и не удалось, лишь уточнить несколько второстепенных деталей.

– Благодарю за помощь, – Александр захлопнул блокнот и поднялся из-за стола.

– Товарищ участковый, – Василий Николаевич торопливо поднялся с лавки следом, – может, теперь мировую?

– Нет, – Александр улыбнулся в ответ, – я при исполнении.

– Очень жаль, – в голосе Василия Николаевича проскользнула плохо скрытая грусть.

Хозяину дома очень жаль, что пропал такой хороший повод пропустить рюмочку другую самогонки. А то, поди, Екатерина Никифоровна особо не даёт мужу пьянствовать. И правильно делает.

Хозяйка дома проводила Александра до ворот. А то мохнатый сторож, огромный пёс непонятной породы, может и не выпустить незнакомца. Четвероногим друзьям человека плевать на чины и звания.

Уже на улице Александр остановился и оглянулся. Екатерина Никифоровна успела уйти в дом, но дело не в ней. Ещё раз допросить Раю Малюкову, конечно, надо будет. Скорее рано, нежели поздно, придётся наведаться в Кондопогу и поискать свидетелей там. Может повезёт, и архив паспортно-

го стола найдётся в целости и сохранности. А вот визита в Дубуюню никак не избежать. В целом свидетельские показания собраны. Следующий логический шаг – осмотреть место преступления. Если, конечно, преступление было.

А ещё нужно разобраться, причём тут огонь с небес? Интуиция, что не раз выручала Александра на войне, упорно подсказывает, что тот странный метеорит, странные действия финнов, появление эсэсовцев и пропажа жителей Дубуюны как-то связаны между собой. Но как именно? Вот это и предстоит выяснить.

Глава 6. Что-то здесь не так

Кобыла Машка неторопливо перебирает копытами. Устала, бедняга. В её годы далёкие переходы, да ещё с далеко не самым худым всадником на спине, весьма и весьма утомительны. Однако, Александр поёрзал в седле, для него самого дойти до Дубуяны пешком, да ещё с тяжеленным вещмешком на спине, было бы гораздо утомительней. Проклятое ранение никак не даёт забыть о себе. А тут, на крупе лошади, даже полегчало немного. А Машка потом отдыхать будет, пока он сам будет по Дубуяне расхаживать.

После допроса супругов Потаповых Александр было собрался на следующий день съездить в Дубуяну, но пришлось задержаться на два дня. Да и Аркадий Назарьевич едва согласился выделить из конюшни леспромхоза верховую лошадь. Хорошего скакуна так и не дал. Пришлось довольствоваться Машкой, которая последние года два-три только телеги с сеном и детишками возит.

Грунтовая дорога лениво заворачивает в правую сторону. Едва намеченная колея почти скрыта густой травой. По этой дороге давно никто не ездил. Хотя местами в глине можно различить следы от колёс грузовых машин и даже гусениц. Во время войны Александр досыта насмотрелся на подобные следы. Зато показания Василия Потапова подтвердились, едва Александр отъехал от Четвёрочки на несколько километ-

ров.

Это даже хорошо, что Машка неторопливо перебирает копытами. Александр вертит головой по сторонам на все триста шестьдесят градусов. До деревни остались считанные километры. Это должно быть где-то здесь. Александр в очередной раз приподнялся в седле. Прошло не так уж и много времени, но пропустить, проворонить, легче лёгкого.

Дорога нехотя свернула в правую сторону. Всё тот же лес и небольшой пригорок. Зато в стороне от дороги... Сердце забилось от радости. Он! Это должно быть тот самый сгоревший грузовик. Ещё в Четвёрочке Александр решил начать осмотр места преступления с него. Если верить словам Василия Потапова, то грузовик принадлежал либо финнам, либо вообще немцам. В любом случае мало верится, что именно партизанам удалось его сжечь. Если партизаны вообще хоть каким-нибудь боком были причастны к уничтожению сперва отряда полицаев, а потом финнов и немцев.

Осенью сорок четвёртого года грузовик свернул с основной дороги. Когда-то его колёса оставили в мягкой лесной подстилке глубокие и заметные следы. Но с тех пор трава затянула обе борозды. Александр осторожно спрыгнул с лошади как раз перед тем местом, где грузовик свернул с дороги.

– Передохни, милая, – Александр ласково похлопал кобылу по шее, в ответ Машка радостно фыркнула.

Лишь вблизи по достоинству удалось оценить, как же славно полыхнул грузовик оккупантов. Шины выгорели до

металлических дисков, от деревянных бортов и тента над кузовом остался лишь металлический каркас. Кабина выгорела полностью, обе дверцы нараспашку. Александр осторожно обошёл грузовик. Но что именно стало причиной столь грандиозного пожара?

Это только недалёким гражданским кажется, будто достаточно разок выстрелить в автомобиль, чтобы он тут же окутался синим пламенем. Ну как же? Ведь автомобиль работает на легкогорючем бензине. На самом деле это не так. Во время войны Александр сам видел, как пули прошивали бензобаки навывлет, но сам автомобиль при этом и не думал загораться. А тут такое дело?

Странно. Александр, будто не веря собственным глазам, провёл ладонью по распахнутой дверце водителя. Дырок от пуль нет, совсем нет. Хотя именно водитель всегда и везде самым первым попадает под огонь партизан. Может, выстрелы были через лобовое стекло?

– Что за? – Александр очумело уставился в полностью выгоревшую кабину.

То, что лобовое стекло не уцелело, ничего удивительного. Удивляет другое – почему осколки лобового стекла выброшены наружу? Александр нагнулся и пошарил рукой в траве. Возле корней то тут, то там валяются мелкие слегка оплавленные осколки. Такое возможно только в том случае, если в кабине взорвалась граната. Либо, Александр выпрямился и вновь заглянул в кабину, угодил снаряд.

Да, точно, Александр протиснулся во внутрь. Вопреки опасениям, на рукавах старой солдатской гимнастёрки чёрные пятна копоти так и не появились. В недалёкое путешествие в Дубуяну Александр не стал надевать милицейский мундир и даже фуражку. Осенние дожди, зимний снег и весенние дожди давно смыли всю копоть и сажу.

Закинуть гранату в кабину – это ещё надо постараться. А вот снаряд точно был. Александр наклонился – дыра, даже две дыры. Снаряд прилетел со стороны кузова, пробил заднюю стенку кабины, пробил переднюю стенку кабины и... Александр выпрямил спину, и угодил в двигатель. Но самое удивительное не это.

Пальцы прошлись по оплавленному краю дыры. Сам бы не увидел, ни за что бы не поверил. Немцы или финны зачем-то старательно вырезали куски кабины ацетиленовой горелкой, ибо снаряды, какого бы калибра они не были, квадратных дыр не оставляют. Но и это ещё не всё. Александр заглянул в дыру в передней стенке правее от места водителя. Движка нет. Пусто. Капот закрыт, однако щелей более чем достаточно, чтобы заметить, что двигателя нет.

Чудеса да и только. Александр выбрался наружу и откинул покорёженный высокой температурой капот. Нет, не показалось – движка нет. Хотя снаряд должен был угодить точно в него. И зачем, спрашивается, оккупанты сняли явно безнадёжно испорченный движок? Точнее, Александр пощупал отверстие с резьбой, сперва оккупанты потушили огонь, а

уже после сняли движок. Будто и этого мало, они же вырезали пробитые куски кабины. Зачем? Чтобы окончательно запутать следствие?

Бред какой-то! Александр в раздражении захлопнул капот. Зачем? Ну на кой ляд оккупантам потребовался безнадежно разбитый движок и куски от кабины? Вопрос хороший, только ответ на него даже не просматривается.

Кобыла Машка вновь погрузилась, когда Александр вновь забрался в седло. Будто в отместку, поясница стрельнула болью. Но Александр лишь поморщился. Человек – такая тварь, которая ко всему привыкает.

Как Василий Потапов и обещал, очень скоро едва заметная дорога привела в Дубуяну. И тишина, крайне подозрительная и от того ещё более тревожная, даже нереальная, тишина обступила Александра, едва отпрыгнул с кобылы возле околицы.

Единственная улица и пять изб с целыми стёклами на окнах, две слева и три справа. Тёмные заборы, сараи, калитки нараспашку. Колея, две тёмные полосы на земле, ещё держится, а вот всё остальное пространство между заборами заросло густой травой, которую никто давно не мял и тем более не косил.

Александр двинулся по левой колее, Машка преданно застучала копытами за спиной. Действительно дурное место. Во время войны Александру довелось увидеть много брошенных деревень, но по ним в той или иной степени па-

ровым катком прошлась война. Нередко на местах домов оставались лишь пепелища и обгоревшие кирпичные стены. Здесь же... Александр поёжился. Здесь же внешне всё на месте. Как показал Василий Потапов, и в самом деле ни следов пуль или воронок от снарядов или гранат. Ничего. Деревня и в самом деле производит впечатление заброшенной. Просто заброшенной. Причём, заброшенной не так давно.

Ладно, как бы то ни было, а место преступления необходимо осмотреть от и до. Александр свернул в распахнутую калитку первой же избы с правой стороны по центральной улице.

Показания Василия Потапова подтвердились буквально с порога. В доме царит бардак и видны следы поспешного бегства. В печке и в самом деле нашёлся чугунок с бурой маслой, в которой с большим трудом и с ещё большей фантазией угадывается варённая картошка.

Александр прошёлся по дому. Бардак в комнатах больше всего напоминает ограбление. Домушникам было некогда аккуратно перебирать вещи хозяев. Как обычно бывает в подобных случаях, всё сброшено на пол. Сундуки выпотрошены, единственный шкафчик опрокинут на пол. Два маленьких выдвижных ящика валяются рядом.

Кто же это мог быть? Александр присел возле большого серого валенка, второй валяется рядом. Хорошая обувка, если прикинуть. А вон и тот самый добротный полушубок. Если хозяева ушли, то почему не забрали валенки и полушубок.

бок? Карелия – это не жаркий Крым. В сентябре достаточно холодно, босиком по лесу много не находишь.

Александр обошёл весь дом и внимательно заглянул в каждый уголок, в каждый закуток. Недоумение только выросло. В дровяном сарае полно дров, в хлеву сена. Пусть далеко несвежего сена, с изрядной гнильцой, но корова почему-то и в самом деле не успела его съесть.

Дом за домом Александр принялся осматривать деревню. Везде, буквально везде, бардак, шмон и куча хорошей одежды на полу. Везде хозяева ушли, либо сбежали, и нигде ни крошки еды. В одной из маленьких кладовок Александр нашёл пустой ларь. Лишь в самом углу сиротливо рассыпалась на досках вконец гнилая картофелина. В другом доме Александр нашёл порванный мешок из-под муки. Но самое ужасное открытие Александр сделал во втором с левой стороны доме.

Хорошая, добротная изба на пять окон. Одна большая печь и ещё одна столбьянка. В одной из маленьких комнат, из угла за кроватью, Александр вытащил куклу. Самую обычную тряпичную куклу. Тельце из мешковины, вместо глаз две деревянные пуговицы, волосы из пакли, платице сшито из старого цветастого платочка. Однако при виде тряпичной куколки Александр так и сел на широкую лавку рядом.

Это же... Сердце облилось кровью, а в глазах потемнело. Это же Дуня, любимая кукла Иришки, младшей сестрёнки. Мама сшила её и подарила на третий день рождения. Как

же Иришка радовалась. И вот теперь Дуня валяется в углу, а самой Иришки нет.

Вот уж точно никогда не знаешь, где и что найдёшь. Пусть и с трудом, но Александр заставил себя подняться с лавки и продолжить обыск дома, причём с ещё большим рвением. Вот серый пиджак, на который он сперва не обратил внимания. Это же пиджак его отца. Никифор Петрович очень гордился им, надевал только по праздникам и для приёма важных гостей. А как ругался, когда Богдашка, младший брат, едва не оторвал рукав. Мать, конечно, старательно зашила большую дыру, однако при желании можно легко заметить шов от ручной штопки.

На кухне, под раковиной, Александр поднял серое полотенце. Это уже Ольга, старшая сестра, вышила красными нитками простенький узор из кружков и ромбиков. Зато как же она гордилась своей работой. Александр лишь печально вздохнул. Как же больно осознать, что твоя семья, родители и младшие брат с сёстрами, жили здесь. Показания комендантши Раи Малюковой полностью подтвердилась: отец и в самом деле предпочёл перебраться к чёрту на кулички, в эту маленькую лесную деревеньку.

Лишь сейчас Александр вспомнил, что в Дубуяне жила дальняя родня по матери. Кажется, сестра деда или брат бабки со смешной фамилией Хлопушкины. Потому и запомнилось, хотя Александр дальней роднёй не интересовался, да и никогда ранее в Дубуяне не был. Хотя родители время от

времени кого-то принимали в гости.

На негнущихся ногах Александр вышел на крыльцо и прислонился к косяку. Снаружи приятный солнечный день. Тепло, птички поют, ветер лениво шумит. Но на душе у Александра моросит мелкий противный дождик и падает снег. Отец увёз из Четвёрочки свой любимый пиджак, а Иришка ни за что бы не согласилась бы расстаться со своей любимой Дуней. Вот почему в доме родителей, который после заняла семья Барыкиных, так и не нашлось личных вещей семьи Асеевых. Все личные вещи здесь, в этом доме.

Жестокий вывод напрашивается сам собой – всех без исключения жителей Дубуяны заставили покинуть свои дома. Причём, выгнали их быстро, буквально не дав и минуты на сборы. Но кто это сделал? Полицаи? Финны, фронтовая разведка? Или отряд эсэсовцев? Только, опять же, с чего это вдруг у оккупантов под самый конец оккупации всё же дошли руки до маленькой деревушки у чёрта на куличках? Ещё дома, в Четвёрочке, Александр сопоставил даты.

Первого июня сорок четвёртого года над Кондопогой пролетел тот странный метеорит. Десятого июня Красная армия перешла в наступление, началась Выборгская наступательная операция. Для сравнения, пятого июня на поиски метеорита отправился отряд финнов. Отряд эсэсовцев отправился ещё позже, 13 июня, когда уже всем стало ясно, что освобождение Карело-Финской ССР не за горами.

Бред! Бред! Всё это бред! Александр потрянул головой.

Мрачное наваждение нехотя развеялось. Кобыла Машка, что так и осталась на улице за распахнутой калиткой, одобрительно фыркнула.

Стоп! Никакой мистики. Александр мысленно одёрнул сам себя. Любое явление должно иметь материальное объяснение. А если это самое явление кажется мистическим, то это всего лишь значит, что о нём собранно недостаточно информации. Надо искать. Но, казалось бы, несокрушимая вера в научный материализм едва не рассыпалась в прах буквально в следующем же доме.

Александр пересёк улицу и взялся за обыск очередной избы. Внутри всё тот же поспешный бардак, разграбление и ни крошки еды. В хлеву тоже ничего необычного. Однако Александр очень вовремя заметил небольшой сарай на краю заросшего сорной травой огорода.

Судя по сетям и деревянным поплавкам, владелец этого сарая занимался рыбной ловлей. В Карелии полно озёр, так что это не новость. Однако зачем кто-то выдрал доски в стенах этого сарая? Александр в задумчивости остановился перед узким прямоугольным проёмом. Не хватает двух-трёх досок. Горбылей, если быть более точным. Александр протиснулся во внутрь. Ого, ещё один проём, точно напротив первого. Невооружённым взглядом видно, что и там и там доски худо-бедно аккуратно выбили. Из длинных нетолстых брёвен, из которых собран каркас сарая, торчат ржавые шляпки гвоздей.

Через второй проём Александр протиснулся наружу и оглянулся. Зачем? Зачем кому-то понадобилось делать эти два проёма? Смысла ни на грош. Дверь в сарай прекрасно открывается. Никаких заборов здесь нет, обойти убогую постройку легче лёгкого. Так зачем два проёма? Или, Александр задумчиво нахмурился, это не проёмы. Выбитых досок нет. На дрова? От такой мысли Александр даже рассмеялся. В брошенных домах и сараях полно отличных полноценных дров. Жители Дубуяны добросовестно подготовились к зиме сорок четвёртого – сорок пятого годов, но почти не успели воспользоваться собственными запасами. Нет, ценность представляли сами доски. Так это же...

Шальная мысль крутанулась в голове. Александр оглянулся по сторонам. Грузовик рядом с деревней. В нём тоже кто-то не поленился вытащить движок и вырезать из стен кабины куски металла. Тогда... Александр, словно через прицел, глянул через оба проёма. Точно!

Метрах в десяти от сарая начинается лес. Показалось? Александр подошёл ближе. Нет, не показалось. Толстая сосна повалена на землю. Высокий пенёк словно ровный стол. А ведь так быть не должно. Дерево обычно подрубают или подпиливают с одной стороны, а потом, чуть выше первого среза, делают ещё один. Это всё нужно, чтобы ствол упал в нужную сторону. Да и сам пенёк высотой почти в метр – это слишком много. Что-то здесь не так.

Хорошая сосна, толстая, ровная. Распилить её на чурки,

а потом расколоть – будут отличные дрова. Однако кто-то отпилил от поваленной сосны небольшой кусок, а остальное так и бросил. Зачем? Если сосну повалили не ради дров, тогда опять образец? Выпилили часть ствола, а остальное просто не нужно? Кто это сделал? Немцы? Финны? Да и сам ствол лежит очень странно. Если прикинуть, то сперва ствол сместился в левую сторону, а потом уже упал по направлению к заросшему огороду. Как такое возможно?

А вот если прикинуть, то... Александр опустился на колено перед срезом пенька. Точно – два проёма в сарае и пеньёк находятся на одной линии. Тогда, если продолжить... Александр вскочил на ноги. В голове роется вихрь догадок и предположений. Да только зачем гадать, если сейчас, буквально вот-вот, можно будет узнать наверняка.

– Твою дивизию! – удивлённый возглас сам вырвался из груди.

В карельских лесах полно одиноких и подчас массивных валунов. Много тысяч лет назад их принёс огромный ледник. И сейчас, едва ли не лбом, Александр упёрся в один из них. Высотой метра четыре, в объёме будет все шесть. Мох и лишайник густо облепили огромный камень со всех сторон, а основание увязло в густой траве. И точно по середине камня зияет огромное оплавленное пятно.

Александр наклонился ближе. Именно что оплавленное. Серый мох выгорел до состояния праха. Так можно сделать, если направить на валун эдакую огромную ацетиленовую го-

релку. Однако даже теоретически огромная ацетиленовая горелка не способна выплавить в центре чёрного пятна воронку глубиной сантиметров десять. Камень в природе расплавился и разлетелся в стороны мелкими брызгами и каплями.

Тогда... Александр нагнулся и принялся шарить руками в густой траве. И-и-и... Кто ищет, тот всегда найдёт. Из-под корней особо толстого пучка травы удалось вытащить каменную каплю. Будь вместо валуна огромная парафиновая свеча, то капелька подобной формы была бы логична. Но это в природе камень. Не парафин, а камень потёк и застыл в форме капли.

Бред! Бред! Бред! Александр машинально запихнул каменную каплю в карман. Если подумать, то складывается вполне логичная картина. Кто-то пальнул из пушки. Из пушки ли? Александр задумчиво нахмурился. Ладно, пусть будет пушка. И так, кто-то пальнул из пушки. Снаряд...? Пусть будет снаряд. Снаряд пробил навывлет не слишком толстые и прочные стенки сарая. Походя пробил навывлет гораздо более толстую и прочную сосну. Теперь понятно, почему её ствол лежит так странно. Традиционным способом, с помощью топора или пилы, его не валили. Сперва сосна как бы отпрыгнула немного в левую сторону, упала на землю и лишь после повалилась всем стволом вершиной к заросшему огороду. Но это ладно.

Невероятный снаряд пролетел ещё дальше и врезался в

огромный валун. На то, чтобы пробить навывлет сарай и сосну, у него ушло много энергии. Тогда сколько же её было вообще, раз на боку огромного камня появилась воронка глубиной в десять сантиметров? Да и что это за снаряд такой? На обычный бронебойный или осколочный никак не похож. Даже если допустить, что кто-то подобрал все осколки от самого снаряда, то воронка на камне должна быть другой, абсолютно другой.

Ещё одна загадка в копилку странностей и загадок Дубуяны. Александр лишь качнул головой и продолжил осмотр. И, едва ли не сразу, на него обрушилась новая напасть – запах. Когда Александр вернулся на деревенскую улицу, то ноздри сразу же уловили запах дыма и-и-и... Александр голодно сглотнул, горелой овсяной каши. Источник нашёлся возле крайней избы.

Сама изба ничем не отличается от прочих четырёх. Но вот один из её сараев преподнёс неприятный сюрприз. Александр торопливо выхватил из кобуры ТТ, когда подошёл ближе. Тропинка. От колодца до чуть приоткрытой толстой дверцы протоптана узкая дорожка. Кто-то очень долго и достаточно часто ходил от колодца в сарай и обратно. Ещё одна тропинка ведёт к узкой будке, верней её будет назвать уличным туалетом. Получается... Александр присел и выставил перед собой пистолет.

Бережёного бог бережёт, как любил повторять капитан Агапов. Бывший ротный всегда знал, что делать, почему и

сумел дожить до конца войны. Александр, то и дело внимательно оглядываясь по сторонам и надолго замирая на одном месте, обошёл сарай кругом. Никого и ничего. Лишь ещё одна совсем уж едва заметная тропка уходит в большой луг за деревней и теряется где-то на его просторах.

Перед чуть приоткрытой дверцей Александр вновь остановился и прислушался. Минута, другая – ничего. Изнутри не доносится ни звука, зато во всю воняет горелой овсяной кашей. Конечно, профессиональный диверсант может хоть целый день просидеть на одном месте без звука и писка, только у Александра нет никакого желания соревноваться с кем бы то ни было в терпении и выносливости.

Дверца пинком распахнулась, Александр тут же отпрянул в сторону. Ничего. Вопреки ожиданиям, выстрелов изнутри так и не последовало. Осторожно, готовый в любой момент сигануть в сторону, Александр заглянул в сарай. Никого и ничего.

Беглый осмотр остудил нервы, Александр опустил пистолет. Небольшой сарай сложен из достаточно толстых брёвен, а потому неизвестный приспособил его под жильё. Этот кто-то вполне разумно не позарился на полноценную избу, протопить сарай гораздо легче. Топчан, столик на тонких ножках и низенькая чурка вместо стула. В углу из старых красных кирпичей без всякого раствора сложена аляповатая печь. Внутри ещё тлеют угли. На импровизированной плите оставлен чёрный донельзя закопчённый и грязный котелок.

Александр заглянул в него. Внутри остатки овсяной каши, вот откуда запах.

Рядом с топчаном грудой свалены пустые бутылки. Александр подхватил одну из них и повернул к себе этикеткой – язык надписей немецкий. Это самый обычный солдатский шнапс. Ещё в груди нашлись финские бутылки. Александр финским не владеет вообще, но не узнать оригинальные финские надписи невозможно. Пустая бутылка легла на прежнее место. Александр поднялся на ноги. Вот и первый след присутствия финнов. Да и немцев, если разобраться. Грузовик, что навечно застрял в лесу недалеко от деревни, с равным успехом мог принадлежать как немцам, так и финнам. Это лишь под самый занавес Великой войны Финляндия объявила Германии войну. А до этого обе страны более чем плодотворно и к взаимной выгоде сотрудничали. Вон, даже на СССР обе напали. Но это ладно.

Будто в первый раз Александр оглядел аскетичное убранство сарайки. На стене висит ржавый сачок с обломанной ручкой. Когда-то и здесь хранились сети и прочие принадлежности для рыбалки. Но кто-то вынес всё лишнее, соорудил топчан с аляповатой печью и жил здесь. Кто и зачем?

Эх! Александр лишь крикнул от досады. Хреновый из него сыщик. Наверняка здесь полно отпечатков пальцев. Возможно найдутся и другие улики. Да только проку от них. Чем, чем, а заниматься полноценными уголовными расследованиями ему не приходилось. Капитан Агапов и про-

чие офицеры прекрасно знали, что такое дактилоскопия, да только в охоте на диверсантов и недобитков «пальчики» помогали плохо. А здесь и сейчас у него нет даже минимального набора для снятия отпечатков пальцев. Чего уж там, Александр махнул рукой. У него нет даже самого простенького фотоаппарата. А в Дубуяне много чего следовало бы сфотографировать и вложить снимки в розыскное дело. Придётся обойтись без того и другого.

Грозный ТТ приятно оттягивает руку. Александр задумчиво глянул на пистолет, но убирать его обратно в кобуру на поясе так и не стал. Тот, кто здесь жил, скорей всего, удрал. Удрал, ибо у него была отличная возможность подстрелить нежданного гостя либо банально огреть поленом по голове. Эффект неожиданности ещё никто не отменял. Вместо этого неизвестный предпочёл удрать. В сарайке нет ни одежды, ни запасов продуктов питания. А так не бывает. Хотя бы одна банка тушёнки на чёрный день, но быть должна. Если, конечно, неизвестный вконец всё не подъял.

Вот так с пистолетом наперевес Александр закончил осмотр деревни. Ни трупов, ни могил, ничего. Настал момент осмотреть хотя бы ближайшие подступы к деревне. Тем более, Александр вернулся к жилому сараю, неизвестный успел протоптать ещё одну тропинку к большому лугу за деревней.

Элементарная логика не подвела. Не так давно на просторном лугу паслась местная скотина. Коровы, овцы, или

кого там держали местные жители. Узкая едва заметная тропинка привела в лагерь. От удивления Александр на миг даже замер. Да, к середине июня некошенная трава бурно разрослась, однако она не успела скрыть следы пребывания людей. Четыре кострища аккуратно обложены закопченными кирпичами. Легко понять, где были расставлены палатки. А на южном краю лагеря когда-то был навес. Правда, столбы из тонких берёз и сосен повалены на землю, а крыша из веток и досок рассыпалась. На въезде на луг остались глубокие колеи от шин. Тут явно стояли грузовики и броневики. Нашёл Александр и кучу мусора.

Знакомые этикетки. Густая трава плотно обступила, но так и не смогла скрыть патронные ящики и пустые бочки из-под бензина. И на каждой таре хорошо знакомая свастика вместе с надписями на немецком языке. Александр сумел найти даже отхожее место: явно деревенская широкая лавка с дырками над небольшой прямоугольной ямой. Но больше всего удивило другое.

Гильзы. Целые россыпи гильз от пулемёта MG-42. Эсэсовцы славно тут повоевали? Если да, тогда с кем? Александр попытался прикинуть, с какой стороны мог появиться противник – бесполезно. Из деревни, кем бы этот противник не был, появиться не мог. Александр не поленился осмотреть крайнюю избу. Как и у прочих, стёкла в окнах целые, а на бревенчатых стенах ни малейших следов от пуль или осколков. А следы должны были бы остаться, если эсэсовцы

и в самом деле отбивали атаку со стороны деревни. Может, Александр развернулся на месте, противник атаковал из леса?

– Что за хрень? – Александр, будто не веря собственным глазам, с удивлением провёл ладонью по шершавому стволу очередной берёзы.

В лагере эсэсовцев полно стрелянных гильз, однако Александр осмотрел уже десятый древесный ствол, но так и не нашёл ни одного попадания. На всех без исключения соснах и берёзах кора целая, буквально ни одной дырки. Александр остановился у одиннадцатого по счёту ствола. И здесь кора целая. Да они что, в воздух палили?

Как можно более тщательно Александр осмотрел опушку. Однако найти хотя бы одно повреждённое пулями дерево так и не смог. Зато Александр наткнулся на братскую могилу. Широкий плоский холмик зарос травой. У края на двух столбиках примостилась широкая доска. Финский, с ходу определил Александр. Имена, имена и ещё раз имена. А вот дата на всех одна – 7 июня 1944 года.

Опять же, всё сходится. Александр вытащил из планшетки блокнот. Пятого июня отряд финских фронтовых разведчиков отправился в Дубуяну. А восьмого июня до Кондопоги дошла весть о его разгроме. Александр как можно более тщательно переписал имена с широкой доски. Понять не понял, имена они и в Африке имена. Информация лишней не бывает. Уже сейчас доска заметно потемнела. Год-другой, и

надписи масляной краской окончательно канут в лету. Может статься, что только его записи в блокноте и останутся.

Кто же тогда похоронил финнов? Выжившие из разгромленного отряда? Вполне логично, раз кто-то оставил надписи на финском. Впрочем, и немцы вполне могли помочь выжившим похоронить павших товарищей.

Вопросы, вопросы, опять вопросы, как же они достали. Александр запихнул блокнот обратно в планшетку. Но прежде, чем искать на них ответы, нужно, как минимум, закончить осмотр. Александр оглянулся. Луг за деревней достаточно большой. Даже с опушки видно, что он хранит ещё немало сюрпризов.

– Кто угодно, но только не партизаны, – Александр в жутком удивлении оглядел края воронки.

Недалеко от лагеря немцев, буквально на другом конце луга, нашёлся лагерь финских фронтовых разведчиков. Точнее, то, что от него осталось. Но если эсэсовцы лишь увлечённо отстреливались из пулемётов, то финнам конкретно не повезло. Посреди лагеря зияет хорошая такая воронка. Кажется, будто сюда угодила авиабомба на сотню кило, либо снаряд от крупнокалиберной гаубицы. Но это только кажется.

Скоро год, как неизвестный противник долбанул по лагерю финнов. Дожди размыли землю, а трава успела затянуть чёрную проплешину. Но если приглядеться, то можно заметить, что здесь не одна воронка, а сразу несколько. Круг от

миниатюрного кратера не является идеально круглым. Скорее, несколько мощных попаданий едва ли не полностью наложились друг на друга.

Как? Как такое возможно? Александр осторожно спустился на дно воронки. Как гласит старая солдатская мудрость, дважды в одно место снаряды не падают. А тут не только упали два раза, а все пять. Но и это ещё не самое странное.

Земля в Карелии – это не жирный украинский чернозём. Под слоем плодородной почвы начался песок. И вот это самое удивительное. Из-под пучка травы Александр вытащил несколько оплавленных катышков. Песок, обычный светло-коричневый песок, не просто сплавился, а превратился едва ли не в стекло. И таких катышков здесь множество.

Александр в немом недоумении повертел в руках оплавленный катышек. Вон, даже частично прозрачный, просвечивает. Тогда что за снаряды или бомбы угодили в это место?

Осмотр места былой трагедии позволил хотя бы в общих чертах понять, что же здесь произошло. Причастны ли финны с немцами к исчезновению жителей Дубуяны или нет – установить не удалось. Однако отряд финских фронтовых разведчиков предпочёл расположиться на лугу за деревней. Как минимум, они развернули две небольшие палатки. А потом на них напали. Как и каким образом – чёрт его знает. Кроме центральной и самой глубокой воронки Александр нашёл ещё несколько. Один из снарядов порвал на куски одну из палаток. Обрывки материи и щепки от деревянных

подporок разбросало на десяток метров. Так или иначе отряд финнов был разгромлен.

Вслед за финнами пришли немцы. Они тоже не стали останавливаться в самой деревне, почему-то тоже предпочли луг за околлицей. На эсэсовцев тоже напали, однако почему-то без использования крупнокалиберной артиллерии. Немцы то ли отбились, то ли неизвестный противник предпочёл отступить. Чёрт его знает. Но, судя по следам, немцы ушли более чем организовано. И всё.

Едва ли не до темноты Александр осматривал окрестности Дубуяны. На другом конце луга ему удалось найти два старых круга из примятой и закрученной по часовой стрелке травы. На этом находки закончились. В глубине души Александр страстно желал найти тела жителей Дубуяны или хотя бы захоронение, и не менее страстно боялся этого. Но, ничего. Вообще ничего. Не удалось найти даже место, где теоретически могли бы быть свалены трупы жителей деревни. Да, в окружающих лесах полно хищников и падальщиков, но, чёрт побери, ну не могли же два-три десятка человек раствориться в воздухе. Хоть какие-то следы должны быть.

Вымотанный и вконец уставший Александр решил переночевать в одном из домов. Жилой сарайкой неизвестного откровенного побрезговал. А то с прежнего жильца станется оставить в «наследство» вшей, клопов и прочую кровососущую погань. А вот найти следы прежнего обитателя сарайки не удалось. Кем бы он не был, однако сумел удрать. Све-

жая вода из колодца и скромный полевой ужин из седельной сумки. Кобыла по кличке Машка успела изрядно отъестся на свежей некошеной траве, так что Александр лишь напоил её и запер в ближайшем сарае. Крепкие стены и подпёртая жердиной дверь не дадут лесным хищникам просто так добраться до кобылы.

В избе всё равно прохладно, хотя от растопленной печи волнами расходится тепло. Спать хочется, но ещё рано. Александр шлёпнул на кухонный стол блокнот и карандаш. Пока свежа память, нужно всё записать. Как участковый, Александр и в самом деле завёл розыскное дело. В отдельной папке уже лежат протоколы допросов свидетелей. Всё как полагается – личные данные, предупреждение об ответственности за дачу заведанно ложных показаний и подписи. Теперь ещё добавятся протоколы осмотра Дубуяны и, Александр вытащил из кармана горсть трофеев, какие-никакие вещественные доказательства – каменная капля и два спёкшихся и оплавившихся комка песка.

Полноценный протокол будет написан в отделении, а пока хватит и черновика. Александр убрал обратно в планшетку блокнот для записей. Глаза болят неимоверно, писать при тусклом свете лучины ещё то сомнительное удовольствие, однако один вывод не просто напрашивается сам собой, а буквально прорывается с боем наружу. Александр потёр кулаками глаза. Конечно, это звучит цинично, но он так надеялся, что к гибели его семьи причастны оккупанты, фин-

ны или эсэсовцы – не суть важна. Однако эту версию можно смело отбросить в сторону. Если оккупанты решили не церемониться с жителями Дубуяны, то они убили бы всех в самой деревне, либо где-нибудь рядом с ней. Как раз этого не произошло, иначе осталась бы могила, трупы, растерзанные лесным зверьём останки. Братская могила финских фронтовых разведчиков не в счёт.

В лесу тревожно ухнула сова, Александр резко выпрямился на лавке, правая рука сама легла на кобуру с ТТ. Вот уж точно здесь творится какая-то чертовщина. Началась она летом сорок четвёртого и не факт, что уже закончилась.

Глава 7. Как три копейки

Как же приятно в субботу утром понежиться в постели или просто поспать подольше. Но нет, не зря говорят, что привычка – вторая натура. Часы, механический будильник, показывают всего половину восьмого, а Александр уже на ногах. Точнее, он проснулся по привычке в семь утра и даже успел заправить за собой кровать.

Столовая откроется ровно в восемь, а пока можно побаловать себя чайком с сахаром. Александр с комфортом расположился на стуле возле стола. От персонального самовара исходит приятное тепло. Над стаканом в стальной подстаканнике поднимается лёгкий парок. Александр машинально помешал чай ложкой, хотя оба кубика сахара-рафинада успели полностью раствориться. На столе расстелена газета «Правда» от 15 июня 1945 года. Пусть и вчерашняя, но по местным меркам самая что ни на есть свежая. Хорошо, Александр блаженно улыбнулся, даже у представителя власти должен быть выходной.

Сладкий чай приятно обжигает язык. Александр опустил стакан в подстаканник рядом с самоваром и поднял голову. Что-то не так. Прошла всего неделя и один день, как он поселился в этой комнате, однако времени было вполне достаточно, чтобы изучить и привыкнуть к постоянным звукам общежития. И сейчас эти звуки совсем-совсем другие.

Топот, голоса, всхлипы. Александр повернулся всем телом к входной двери. И тут же, словно по команде, в неё то-ропливо забарабанили кулаками.

– Товарищ участковый! – раздался за дверью женский го-лос на грани паники. – Беда! Меня ограбили!

– Что случилось? – Александр рывком распахнул дверь.

– Беда! Товарищ участковый. Меня ограбили! – едва ли не провыла Александра Ипатова.

Александра Викторовна Ипатова заведует единственный в Четвёрочке магазином. Женщина тридцати с небольшим лет одета в серую рабочую рубашку и длинную шерстяную юбку. Платок сбился набок, волосы растрёпанны. Глаза крас-ные от слёз. Того и глядя продавщицу пробьёт на истерику.

– Молчать! – грозно рявкнул Александр.

Продавщица тут же испуганно заткнулась и, словно солдат на плацу, вытянулась по стойке смирно.

– А теперь спокойно объясни, что произошло? – коман-дирским голосом потребовал Александр.

– Меня ограбили, товарищ участковый, – Александра Викторовна шмыгнула носом.

– Кто-то залез в твой дом?

– Если бы, – в глазах Александры Викторовны отрази-лась вселенская тоска. – У меня и брать-то нечего. Магазин. Вскрыли.

Александр задумчиво нахмурился. А это уже серьёзно. Вскрыли единственный в Четвёрочке магазин, это хищение

социалистической собственности. Запросто может дойти до расстрельной статьи.

– Сейчас буду, – Александр захлопнул дверь.

Как полушутя, полусерьёзно предупредил начальник капитан Давыдов, участковый инспектор милиции – это понятие круглосуточное. Не смотря на субботний день, Александр торопливо надел синюю милицейскую форму, перекинул через плечо ремень планшетки. Последним в кобуру нырнул табельный ТТ. Ну не идти же на место преступления в одной нательной рубашке и в солдатских галифе.

– Вот, – продавщица всхлипнула и показала рукой, – я пошла магазин открывать, а здесь такое!

– Во внутрь заходила? – Александр повернулся к Александре Викторовне.

– Никак нет, товарищ участковый, – ответила Александра Викторовна.

– Стой здесь, – приказал Александр.

Место преступления рядом совсем, буквально в соседнем доме на единственной в Четвёрочке площади. Бревенчатый двухэтажный дом. На втором этаже школа, а на первом с левой стороны магазин, а с правой фельдшерский пункт. Входная дверь чуть приоткрыта. Злоумышленник вскрыл её элементарно выломав амбарный навесной замок, только светлые острые щепки наружу. Самым слабым местом оказалась стальная петля в косяке.

Между тем новость об ограблении магазина со скоростью

молнии облетела Четвёрочку. На площади постепенно начал собираться народ, и все как один уставились на представителя власти. Не обращая ни на кого внимания, Александр склонился перед выломанным замком. Ломом орудовали, на косяке остались характерные вмятины. А где сам лом? Или чем там на самом деле преступник сумел свернуть навесной замок.

Длинный чёрный лом нашёлся тут же за порогом, преступник аккуратно положил его на пол. Александра Ипатова – аккуратная и ответственная женщина. Благодаря ей в магазине всегда царит образцовый порядок. Ложки, кружки, спички, мыло и прочий нехитрый товар разложен на полках и на широком прилавке, что делит торговый зал на две части, аккуратными кучками. Возле каждого товара маленькая бумажка-ценник.

Преступник, или, всё же, несколько преступников, явно орудовал в темноте на ощупь. От былого порядка не осталось и следа. Ложки и кружки смешанны в одну кучу, а коробки со спичками просыпались на пол. На самих полках появились большие «дыры». Александр развернул к себе бумажку-ценник. Понятно, тушёнка, с десятков банок пропали нацисто. В другом месте лежали пачки с сахаром-рафинадом, его тоже больше нет.

А это что такое? Александр склонился к самому полу. Преступник орудовал не совсем в темноте. На широких досках серыми пятнами выделяется свечной воск. Всё правиль-

но, Александр выпрямился, свечу преступник позаимствовал тут же. А пока пытался её зажечь, просыпал спички.

Серая неприметная дверь ведёт в небольшую кладовку. Преступник, или преступники, похозяйничал и в ней. Мешки и коробки опрокинуты на пол. Связка веников навалилась на новенькие штыковые лопаты. Ящики с зелёными бутылками кое-как поставлены друг на друга.

Ну что же, картина произошедшего более-менее ясна. Александр вернулся в торговый зал. Само преступление простое, как три копейки: неизвестный вооружился ломом, свернул замок, пробрался в магазин и основательно покопался в товарах. Какой-либо сигнализации здесь и в помине нет. Ещё до войны хороший стальной замок считался вполне достойной защитой. Да и кто мог сюда залезть? Рабочий посёлок Четвёрочка, по сути, деревня, где все друг друга хорошо знают. Так что если преступник и в самом деле местный, то найти его труда не составит вовсе. А если нет, тогда с раскрытием преступления могут быть проблемы. Александр нахмурился. В памяти тут же всплыл жилой сарай в Дубуяне. Кто-то на протяжении какого-то времени жил в покинутой деревне. И не факт, что этот неизвестный убрался восвояси. Зато Четвёрочка точно и при любом раскладе оказалась на его пути.

– Александра Викторовна, вы можете сказать, что пропало? – спросил Александр, когда продавщица с его разрешения вошла в торговый зал.

Кое-кто из односельчан любопытства ради просочился было в магазин следом, но все тут же торопливо выскочили обратно на площадь, когда Александр грозно глянул на посторонних на месте преступления.

– Не могу точно сказать, товарищ участковый, – виновато ответила Александра Викторовна. – Нужно провести тщательную ревизию.

– Сколько денег пропало?

– Нисколько, – Александра Викторовна шмыгнула носом. – Кассы у меня нет, только книга учёта. А всю дневную выручку я каждый вечер отношу Игорю Александровичу в его сейф.

– А, ну да, – Александр кивнул.

Заводчиков Игорь Александрович, главный, он же единственный, бухгалтер Леспромхоза №4. Он же выдаёт работникам зарплату и прочие социальные выплаты жителям Четвёрочки. Как раз по этим причинам у Игоря Александровича имеется личный сейф. Товары – ещё ладно. А вот хранить деньги в просто запертом магазине и в самом деле перебор. Почему ещё с довоенных времён повелось, что дневная выручка магазина, да и все прочие денежные средства, хранятся вместе с учётной книгой в сейфе главного бухгалтера леспромхоза.

– Хотя бы навскидку можете сказать, что и сколько было украдено? – попросил Александр.

– Э-э-э... – Александра Викторовна бросила задумчивый

взгляд на полки. – Тушёнка американская украдена, все пятнадцать банок. Сахар-рафинад не меньше трёх пачек. Водка четыре бутылки. Ещё, – продавщица развернулась на месте, – пропал мешок с гречневой кашей. И да, одеяло пропало, которое Марфа Матвеевна всё купить собиралась.

– Иначе говоря, товара украдено достаточно много, чтобы его было невозможно унести за раз даже в вещмешке, – Александр подвёл итог.

– Да, – Александра Викторовна кивнула. – Мешок. Нет. Два мешка как минимум. А зачем вам это знать?

– Да так, есть идея, – неопределённо ответил Александр. – Александра Викторовна, вы проведите ревизию. В первую очередь мне нужно точно знать, что было украдено. Составьте подробный список.

– Э-э-э..., – продавщица в растерянности огляделась по сторонам. – Хорошо, сделаю. Постараюсь успеть к обеду.

– Постарайтесь, – на прощанье произнёс Александр и вышел на площадь.

Первое уголовное преступление, которое ему предстоит расследовать. Пока непонятно, каким оно будет, лёгким или сложным. Эх, Александр сердито поморщился. Ни толчёного карандашного грифеля, ни кисточки, ни прочих приспособлений для снятия отпечатков пальцев. Но на то, чтобы привезти из Кондопоги настоящего криминалиста уйдёт как минимум половина дня. А терять время категорически нельзя, пока, как говорится, следы не остыли.

– Товарищи! – Александр обвёл строгим взглядом собравшихся перед магазином односельчан. – Есть у кого мысли и прочие предположения, кто мог ограбить наш магазин?

Односельчане удивлённо переглянулись.

– Может быть у нас в посёлке появились новые люди? Или хотя бы кто просто видел незнакомцев?

Народ зашумел, заволновался.

– Домыслы и слухи мне не нужны! – Александр грозно повысил голос. – Кто что реально видел или слышал, только так.

Но, увы, в наличии у односельчан оказались только домыслы и слухи, реальных свидетелей не нашлось. Да и вряд ли такие найдутся, отметил про себя Александр. Если бы кто реально что увидел или услышал, то непременно первым бы прибежал доложить участковому. Народ пошумел, пошумел и начал расходиться. Заходить кому бы то ни было в магазин до конца ревизии и наведения порядка Александр категорически запретил.

– Василий Николаевич! – Александр очень вовремя заметил местного заядлого охотника по фамилии Потапов. – Подойдите, пожалуйста.

– Чем я могу помочь родной милиции? – Василий Николаевич остановился рядом и уставился на Александра преданными глазами.

– Если я не ошибаюсь, то ваша собака не только дом сторожить умеет? – спросил Александр.

– Так точно, – Василий Николаевич кивнул, – я с ней на охоту хожу.

– След брать умеет?

– Обижаете, – Василий Николаевич наигранно обиделся.

– Тогда ведите своего мохнатого следопыта сюда.

– Зачем? – Василий Николаевич тут же наострил уши.

В ответ Александр лишь грозно глянул на охотника.

– Понял, скоро буду, – Василий Николаевич торопливо убежал прочь.

Магазин уже осмотрен, однако для раскрытия преступления этого явно недостаточно. Преступление можно сравнить с боевой операцией, где важна каждая мелочь.

– Александр Никифорович, – на площади перед магазином проявился Аркадий Круглов, председатель леспромхоза, – что же это делается? Что же делать будем?

Аркадий Назарьевич жутко расстроен. Пиджак расстёгнут, рукава болтаются, а левая половина лица сияет не сбритой щетиной. Председатель явно прибежал из дома, как только до него дошла весть об ограблении магазина.

– Аркадий Назарьевич, – нарочито спокойным голосом произнёс Александр, – мы ещё с вами обязательно поговорим на эту тему, причём в самое ближайшее время. А пока позвольте мне провести необходимые следственные мероприятия. По горячим следам, так сказать. И да, – едва не забыл Александр, – распорядитесь, пожалуйста, чтобы починили входную дверь в магазин.

– Да, да, конечно, распоряжусь, – заверил Аркадий Назарьевич и тут же отстал.

Пусть председатель леспромхоза старательно изображает на лице вселенскую печаль, однако радость, один хрен, лезет наружу. Про себя Александр лишь усмехнулся. Конечно, ведь в Четвёрочке очень вовремя появился полноценный участковый инспектор милиции, теперь ограбление магазина это его головная боль. А входную дверь починят работники столярной мастерской за пару часов максимум.

И без того небольшая Четвёрочка растянулась вдоль железной дороги. Если бы не огороды и луга на задних дворах, то лес подступал бы прямо к стенам домов. Так что добратсья до магазина на центральной площади посёлка незаметно можно и без особых проблем. Но всё не так просто.

Никогда не знаешь, какой именно военный опыт вдруг пригодится на гражданке. Александр старательно обошёл дома на площади и прилегающую улицу.

– Товарищ участковый, – удивлённо воскликнул Василий Потапов, когда Александр показал ему на примятую под кустом траву, – а как вы догадались?

– Прежде всего, – Александр отвёл зелёные ветки пошире в сторону, мне изначально плохо верилось, будто кто-то из наших поселковых подрезал магазин. Унесли слишком много товара. Местные, если кто и полезет, то за бутылкой водки по причине жуткого похмелья. Магазин ограбил явно не местный, а каких-либо неизвестных никто не видел.

Неизвестный так и не рискнул зайти в магазин под видом обычного покупателя. Однако ему как-то нужно было разведать обстановку. А как это сделать? – спросил Александр и сам же ответил на свой вопрос. – Залечь поблизости под кустом и провести наблюдение.

Трава под кустом на краю леса и в самом деле заметно примята. Видно, в каком месте носки сапог упирались в землю и даже слегка порвали дёрн.

– Пускай собаку по следу, – приказал Александр.

– Это запросто.

В глазах Василия Потапова вспыхнул огонёк азарта. Как бывалый охотник, он точно знает, какой самый опасный хищник – это сам человек. А потому и охота на самого опасного хищника обещает стать самой увлекательной. Вот, только, даже самый свирепый волк-одиночка или медведь-шатун со страху не пальнёт из обреза в ответ.

– Тузик, след, след, – Василий Потапов подвёл большого лохматого пса к кусту и ткнул пальцем в примятую траву.

Огромный пёс, что в свободное от охоты время стережёт дом, неторопливо и величественно опустил морду к земле. Однако он быстро понял, что от него требует хозяин. Вскоре Тузик бежал через лес, следом Василий Потапов, а уже за ними Александр.

Маршрут неизвестного оказался более чем ожидаемым – на север от Четвёрочки мимо лесопилки, через железную дорогу и в глубину леса. За спиной осталось не меньше двух

километров, когда Тузик вдруг закружил на месте и остановился возле подозрительной кучки из палых листьев, хвои и сухих веток под корнями огромный сосны.

– О-о-о! – радостно воскликнул Василий Потапов. – Тузик что-то нашёл.

– Не трогай! – грозно приказал Александр.

Василий Потапов, простая душа, протянул было руку к подозрительной кучке, но тут же испуганно отдернул её обратно.

– Отойди назад и поглядывай по сторонам, мало ли что, – приказал Александр. – Я сам гляну.

– Но зачем? – в голосе Василия Потапова сквозит удивление и обида.

– Отойди и смотри по сторонам, – ещё раз приказал Александр.

Спорить с участковым Василий Потапов не рискнул и, всё же, отошёл в сторону. Может быть это паранойя, но, как любил повторять капитан Агапов, параноики живут нервно, но долго.

Сквозь сухие листья, сосновые иголки и веточки проглядывает серая ткань. Александр нагнулся ниже, проклятая поясница тут же выстрелила болью. Как же не вовремя. Однако внешне Александр даже не поморщился.

Осторожно откинуть веточки в стороны, теперь отгрести иголки и листья. От напряжения по спине скатилась нервная дрожь. Но нет, всё чисто. Из небольшой ямки Александр с

усилием выдернул за горловину мешок.

– Что? Что там? – за спиной Василий Потапов аж пританцовывает от нетерпения, однако Александр не стал отвечать.

Мешок стянут обычной верёвкой. Слегка расслабить узел... Сверху показалось тёплое одеяло, наверняка то самое, что было украдено из магазина.

– Ого! – восторженно ахнул Василий Потапов. – Да тут настоящее богатство!

Из-под одеяла показались круглые головки консервных банок американской тушёнки и длинные горлышки бутылок с водкой, однако Александр так и не стал доставать их.

– Товарищ участковый, зачем вы так? – удивлённо протянул Василий Потапов, когда Александр запихнул одеяло обратно, завязал горловину и принялся засыпать мешок палыми листьями, ветками и старыми иголками. – Это же краденое. Это же похищенная социалистическая собственность.

– Всё верно, – Александр поднялся на ноги и стряхнул с колен прошлогодние листочки.

– Но, это же..., – Василий Потапов окончательно растерялся.

– А ты сам понимаешь, что здесь произошло? – вместо разъяснений спросил Александр.

– А, так это, – Василий Потапов на миг задумался, – грабитель устал добро ворованное тащить. Вот и решил припрятать пока, чтобы после... – в глазах бывалого охотника вновь вспыхнул восторг, – вернуться за ним!

– Всё верно, – Александр кивнул. – Только в засаде сидеть буду я один. А ты будешь сидеть дома и молчать в тряпочку, я сказал. После всему посёлку с гордостью растреплешь, как ты тут доблестно помогал властям ловить опасного грабителя. Сделаешь всё правильно, я охотно подтвержу твой рассказ. Всё понял? – с нажимом спросил Александр.

– Так точно, товарищ участковый, – поспешно ответил Василий Потапов. – Только позвольте полюбопытствовать, а почему вы мне не позволили первым мешок развязать.

– Ну так, это, – Александр смутился, – мало ли что. Мина, или простая растяжка.

– На хрена? – удивлённо воскликнул Василий Потапов.

– Это обычная практика немецких диверсионных групп, – пояснил Александр. – Расчёт на то, чтобы любой, кто попробует завладеть оружием и амуницией, будет убит на месте. Заодно громкий взрыв предупредит диверсантов об опасности.

– Вы серьёзно? – Василий Потапов аж изменился в лице.

– Абсолютно, – ответил Александр. – А теперь пусть твой Тузик и дальше ведёт нас по следу.

– Да, да, конечно, – Василий Потапов кинул. – Тузик, след, след.

Торопливая ходьба через лес продолжилась, однако ещё через три-четыре километра Тузик встал на берегу небольшой речушки и разочарованно твякнул. Примятая трава в виде треугольника ясно указывает на место, где на берег бы-

ла вытащена лодка. Преступник столкнул её обратно в воду и был таков.

Александр глянул вдоль берега в обе стороны. В родной Карелии полно рек и озёр. Далеко не все из них нанесены на карту. Так-то продолжить преследование можно, да только оно потребует массу времени, сил и всё равно окажется бесполезным. Лучше вернуться.

– И помни, – на прощанье предупредил Александр, когда они почти вышли к околице Четвёрочки, – о мешке ни слова. Преступник сел в лодку и уплыл. На этом мы потеряли его след.

– Не сомневайтесь, товарищ участковый, всё будет в лучшем виде, – заверил Василий Потапов.

Как и все деревенские, Василий Потапов любит поболтать, особенно под пьяную лавочку, но на сутки его сознательности должно хватить. А дальше преступник будет либо пойман, либо так и не вернётся за похищенным. Второй вариант, между прочим, более чем реален.

В магазине Александра встретил привычный образцовый порядок. Да и работники столярки успели отремонтировать входную дверь. Александра Ипатова вновь разложила товары по полкам и не поленилась пройтись по полу веником. Бабка Матрёна попыталась было задержаться у прилавка и банально подслушать, однако торопливо выскочила на площадь, едва Александр бросил на неё грозный взгляд.

– Список похищенного готов? – спросил Александр, когда

за бабушкой Матрёной захлопнулась входная дверь.

– Да, конечно. Вот, – Александра Викторовна протянула сложенные листы.

«Тушёнка американская – 10 банок. Спички – 3 коробка». Александр углубился в чтение. Так оно и есть: преступник в первую очередь позарился на съестные припасы, спички, тёплое одеяло и ткань для портянок. Из спиртного пропали только четыре бутылки водки. На рулон красивой ситцевой ткани, цветные платки, конфеты и прочий товар, что можно легко, быстро и с большой выгодой сбыть с рук на любом рынке, преступник обошёл стороной.

– Александра Викторовна, – список похищенного Александр убрал в планшетку, – закройте пока магазин. Пройдём ко мне в отделение.

– Я арестована? – глаза продавщицы расширились от ужаса.

– А есть за что? – Александр так и не удержался от глупой шутки.

– Нет, – пискнула Александра Владимировна, – я не грабила свой магазин.

– В таком случае я просто сниму ваши показания и оформлю протокол. После чего вы вернётесь на работу.

– Поняла, – продавщица аж прослезилась от счастья. – Скажите, пожалуйста, а вам с Васькой Потаповым удалось поймать преступника?

Александр внимательно глянул на продавщицу, она же за-

ведущая магазином. Чего и следовало ожидать – слух о том, что участковый на пару с Васькой Потаповым отправились в лес ловить грабителя, уже разлетелся по Четвёрочке.

– Нет, – Александр отрицательно мотнул головой. – След оборвался на реке, преступник уплыл на лодке в неизвестном направлении.

Оформление протокола допроса и возбуждение уголовного дела по факту ограбления поселкового магазина не заняли много времени. Не прошло и часа, как магазин на площади вновь распахнул дверь, а продавщица Александра Ипатова вновь заняла своё место за прилавком. До наступления вечера Александр развил бурную деятельность, хотя, признаться, в ней не было ни малейшего смысла.

Александр ещё раз обошёл посёлок и расспросил жителей. Но никто ничего не видел, незнакомцев или хотя бы просто неместных, тоже никто не видел. А проводить у кого бы то ни было обыск не было никаких оснований. По авторитетному мнению Васьки Потапова, неизвестный преступник подрезал магазин и ушёл, дело – висяк.

Глава 8. Зелёное светопреставление

Середина июня, однако лето в Карелии редко бывает жарким. А сейчас, в преддверии рассвета, так вообще откровенно похолодало. Александр поёжился и как можно плотнее завернулся в плащ-палатку. Сырость стелется по лесу серым туманом, сказывается близость огромного Онежского озера. Да ещё поясница проклятушая то и дело стреляет болью. Однако на душе царят радость и терпеливое предвкушение.

Ещё в сумерках Александр никем не замеченный выскользнул из общежития. Точнее, заранее договорился с комендантшей Раей Малюковой, которая и заперла за ним входную дверь. Как женщина Рая Евгеньевна ещё та сплетница, однако как на коменданта общежития, как на должностное лицо, на неё всё же можно положиться. Чем чёрт не шутит, вдруг у преступника имеется в посёлке сообщник или просто осведомитель.

В засаду возле мешка с украденным Александр засел в солдатской форме. От сырости и дождя его укрыла плащ-палатка. Заодно получилась хорошая маскировка. Совсем как на войне, когда ему вот так же приходилось выслеживать диверсантов в тылу Красной армии. То была жестокая, но очень эффективная школа, где последний «неуд» обычно

ставила пуля.

Над головой медленно проворачивается ночное небо. В лесу темно и тихо, конечно, если не считать гомона ночных птиц и прочего зверья. Александр замер в неподвижности, время будто остановилось. Человека не зря считают самым опасным хищником. Одновременно человека можно назвать и самым пугливым зверем. Одно другому не мешает.

Сквозь тихий вой ветра долетел едва заметный треск сучьев под ногами. По телу прокатилось нервное возбуждение, однако внешне Александр остался неподвижен как скала. Только глазами повёл из стороны в сторону. Началось!

Опять треск и опять. Тот, кто приближается к тайнику, старается идти как можно более тихо, как можно более незаметно, но у него явно нет ни нужных знаний, ни нужного опыта. Ещё днём Александр обратил внимание, что бывалый охотник Василий Потапов передвигается по лесу не в пример тише. Тем лучше.

Александр медленно и беззвучно развернулся на месте. Предполагалось, что неизвестный появится с северного направления, куда он ушёл накануне. Но он почему-то появился с юга. Хотя, в принципе, понятно, почему с юга. Про себя Александр улыбнулся. Неизвестный банально заплутал в ночном лесу. О! Александр вскинул брови, этот болван ещё и матерится. Он явно не знает, что именно звуки человеческой речи что люди, что звери легче и быстрее всего различают на фоне всех прочих лесных звуков.

Одинокая фигура переваливается от дерева к дереву. Александр потянул носом, ветер донёс запах горелых спичек. Точно не диверсант, раз пытается с помощью огня найти собственный тайник. Однако дёргаться ещё рано, это может быть опасно, неизвестный может быть вооружён, да ещё и не один.

– Ага, – донеслось из темноты радостное восклицание.

Только не смеяться. Только не смеяться. Александр плотнее сжал губы. Неизвестный нашёл-таки тайник. Зашуршала прочная ткань, мешок показался наружу. А теперь самое главное, Александр машинально вжал голову в плечи.

Шуршание ткани, звон водочных бутылок и тихие матюги. Один? Или нет? Преступников запросто может быть двое и больше. Элементарная предосторожность: пока один вскрывает тайник, другой чуть поодаль страхует его.

Опять брякнула бутылка. Александр от удивления вытянул шею. Да что он там делает? Во даёт! Александр лишь качнул головой. Неизвестный не удержался от соблазна залить в кровь дополнительные сорок градусов. Для сугрева, как обычно говорят. Значит, он точно один. Водка – слишком ценный трофей, чтобы её можно было позволить сообщнику выжрать в одиночку. Пора брать.

Долгожданная встреча с тайником и водка вконец расслабили неизвестного. Грабитель магазина, а это может быть только он, торопливо и без былого напряжения потопал напрямиком на север. Александр скользнул следом. Оглушить?

Рука нащупала в кобуре рукоятку ТТ. Зачем? Имеется идея получше.

– Стоять!!! Вы арестованы! – что есть мочи гаркнул Александр и тут же, для острастки, бабахнул в воздух едва ли не над ухом неизвестного.

– О! Господи! – тут же испуганно взвизгнул неизвестный и брякнулся на задницу.

Мешок шлёпнулся на землю, водочные бутылки отчаянно звякнули, но не разбились. Александр перехватил ТТ за ствол, получить рукояткой по затылку мало не покажется. В темноте преступник может банально не заметить направленный на него ствол, а потому сдуру наделать глупостей. Только всё оказалась гораздо проще.

– Не стреляйте!!! Я сдаюсь!!! – заверещал неизвестный.

Во даёт! Александр торопливо зажал нос пальцами. Воздух наполнился очень хорошо знакомым запахом. Неизвестный со страху обосрался самым постыдным образом.

– Руки вверх, чтобы я их видел! – скомандовал Александр.

Вскоре на запястьях неизвестного защёлкнулись стальные наручники – личный подарок капитана Давыдова, начальника районной милиции. Очень удобно, между прочим. Всё не вязать по старинке преступнику руки. Жаль только, фонарика нет, а от спичек толку мало. Так что установление личности преступника придётся отложить до возвращения в посёлок.

Мешок с награбленным Александр хотел было взвалить

на самого грабителя, но, в конечном итоге, пришлось награбленное тащить на собственном горбу. Горе преступника и без дополнительной тяжести на плечах шатало на ходу из стороны в сторону, да ещё воняло дай боже. У маленького лесного ручья пришлось остановиться. Александр доходчиво объяснил незадачливому грабителю, что без лишних слов и предупреждений всадит ему пулю в голову, если тот вздумает сделать ноги. Однако преступник даже не помышлял о побеге. Он сломался, морально сломался. Всё, что ему сейчас хочется больше всего, так это хотя бы прополоскать в проточной воде грязные подштанники. Подобное во время войны Александр наблюдал не раз. Лишь реально смертельная опасность может снова заставить преступника шевелиться, действовать, реально попробовать сбежать.

С первыми лучами Солнца они добрались-таки до Четвёрочки. Александр даже обрадовался, когда ему удалось провести незадачливого грабителя по пустой улице и никого не встретить. Разговоров и без того будет выше крыши. И вот, наконец, дверь в камеру предварительного заключения, она же «обезьянник», захлопнулась. С невероятным облегчением Александр повесил замок и несколько раз провернул ключ в замочной скважине.

Незадачливый грабитель бухнулся на скамью и нахохлился, словно ворона на сосновой ветке в сырую и холодную погоду. Лишь в свете электрической лампочки удалось разглядеть задержанного во всей красе. Ничем не примечатель-

ный мужичок среднего роста от тридцати до сорока лет. Когда-то он был упитанным, но сильно отошал, да ещё и зарос бородой и волосами. Лицо и руки грязные. Одет несуразно. Старая фуфайка порвана во многих местах, но не везде зашита. Чёрные штаны явно снял с убитого эсэсовца, стоптанные сапоги явно финские. Шапка-ушанка с растопыренными «ушами». А как пахнет от него, поди уже и забыл, что такое мыло и зачем оно нужно.

Александр широко зевнул. Спать хочется, что хоть святых выноси. Но работа прежде всего! Да и любопытство, чтоб его. Из сейфа Александр вытащил стопку чистой писчей бумаги. Интуиция подсказывает, что разговор будет долгим. Ещё бы чайку заварить, но думать о кипятке и заварке нужно было раньше.

– Имя, фамилия, отчество, год рождения? – Александр придвинул ближе чистый лист бумаги и подхватил с подставки стальное перо.

Задержанный ничего не ответил, лишь нахохлился ещё больше. Понятно, Александр склонил голову на бок, незадачливый грабитель ещё не созрел для откровенного разговора. Ладно, придётся помочь.

– Встать!!! – вдруг рявкнул Александр во всё горло.

Задержанный тут же послушно вскочил на ноги.

– Раздеться до пояса, – следом скомандовал Александр.

Задержанный ожидал чего угодно, но только не команды оголить собственную спину. В жуткой растерянности гряз-

ный мужичок скинул драную фуфайку и засаленную рубашку.

– Руки в стороны и повернись.

Задержанный послушно развёл руки в стороны и повернулся. При этом его левая рука врезалась в прутья решётки, а правая смачно шаркнула по стене. Грязный мужичок тихо ойкнул от боли.

Потрепала жизнь грязного мужичка, изрядно потрепала. Едва он скинул фуфайку и рубашку, как по кабинету поплыл дурной запах давно и плохо мытого тела. Живот провалился, бледная кожа повисла складками на рёбрах. Понятно, про себя Александр усмехнулся. Не так давно задержанный мог похвастаться более чем солидным животиком, однако дикая полуголодная жизнь в лесу высосала из него килограммы жира не хуже молочной диеты и зарядки по утрам. Но главное не это.

– Татуировок у тебя нет. Значит, ты не урка. Значит, ты беглый полицай, – небрежно, как бы между прочим, бросил Александр.

Однако задержанный дёрнулся так, будто его стегнули плетью. Первое же предположение угодило точно в цель.

– Ну что же, – Александр хитро глянул на задержанного, – ограбление магазина – это наименьшая из твоих проблем. Если получится, то уже сегодня, а если нет, то всё равно завтра, отвезу тебя в Кондопогу. Там тебя мигом опознают и припомнят всю твою грязную биографию прихвостня окку-

пантов. За это могут и к стенке поставить. Прошлой ночью ты магазин подрезал? – Александр резко сменил тему.

– Я, – торопливо ответил задержанный.

– В первую очередь тебя интересовали продукты питания длительного хранения. Это так?

– Да, – вновь ответил задержанный.

Ещё просматривая список похищенного, Александр обратил внимание на очень приметную закономерность: более дорогие товары, сбыть которые легче и выгодней всего, остались нетронутыми. Преступник в первую очередь позарился на продукты длительного хранения. А это значит, что нажива не была главной целью ограбления.

– Ты собирался сбежать в Финляндию?

– А как вы догадались? – на лице задержанного отразилось удивление.

– Имя, фамилия, отчество, год рождения? – вместо ответа Александр вновь повторил первый вопрос.

Но задержанный упорно не желает отвечать на, казалось бы, элементарный вопрос. Понятно, не дозрел ещё, придётся зайти с другой стороны. Во время войны Александр много раз наблюдал, как капитан Агапов допрашивал самых разных задержанных. Можно, конечно, заехать кулаком по морде. Если треснуть сапогом под рёбра, то будет ещё эффективней. Но наиболее обильные, правдивые и ценные показания задержанные обычно давали сами, когда понимали, что это им выгодней.

– Послушай, – Александр демонстративно опустил стальное перо обратно на подставку, а сам откинулся на спинку стула, – ты пойман. Когда тебя опознают, вопрос времени. То, что ты беглый полицейай и работал на оккупантов, это я уже понял. То, что ты ограбил магазин и хотел удрать в Финляндию, это я тоже выяснил. У тебя теперь только два варианта: высшая мера и не высшая мера.

От таких слов задержанный нервно сглотнул, его кадык судорожно дёрнулся вверх-вниз. Понимает, сволочь, что так оно и есть.

– Игрёй в молчанку, – с ленцой в голосе продолжил Александр, – ты выиграешь только высшую меру. А если начнёшь говорить, то у тебя появится шанс не выиграть высшую меру. Если ты прямо сейчас начнёшь активно сотрудничать со следствием, то у тебя появится гораздо больше шансов убедить суд, что ты совершенно искренне раскаялся и готов понести заслуженное наказание. А если в первом же протоколе, – Александр демонстративно поднял чистый лист и потряс им, – будет отмечено, что ты категорически отказался отвечать на вопросы, а так же в нецензурной форме высказал самое грубое оскорбление к участковому, советской власти и к товарищу Сталину лично, то о снисхождении суда можешь сразу забыть.

– Неправда! – пискнул задержанный.

– Это ты расскажешь судье, – Александр усмехнулся. – Сам поймёшь, кому судья поверит больше, или подсказать?

Тебе, беглому полицаяу и незадачливому грабителю? Или мне, участковому инспектору милиции и бывшему фронтовику? Ах, да, – Александр недовольно сморщил нос, – можешь одеться.

Задержанный неторопливо натянул обратно на грязные плечи засаленную рубашку и драную фуфайку. Александр специально не стал его подгонять.

– И так, – Александр демонстративно окунул в чернильницу стальное перо, – последняя попытка. Имя, фамилия, отчество, год рождения?

На этот раз задержанный раздумал ломаться и ответил сразу:

– Афанасий Степанович Суслов 1909 года рождения.

– Э-э-э..., – Александр поднял глаза на задержанного, – ты и есть тот самый Суслик, полицай из Кондопоги?

– Да, – буркнул Суслик, он точно не в восторге от собственного прозвища.

– Ладно, – Александр вновь склонился над протоколом, – продолжай.

– Что продолжать? – ничего не понимая, переспросил Суслик.

– Всё продолжай: где жил до войны, когда бы мобилизован в Красную армию, где воевал, как попал в плен, где служил полицаем.

То, что Суслик из военнопленных – ещё одно предположение, которое оказалось правдой. Александр старательно

внёс в протокол показания задержанного. В целом история Суслика более чем типичная.

До войны Суслик жил в деревне Крицы, что находится на востоке Карело-Финской ССР недалеко от границы с Архангельской областью. Когда началась война и объявили мобилизацию, Суслика призвали в Красную армию, хотя он и пытался выбить себе бронь как незаменимый специалист в местном леспромхозе. Но начальник леспромхоза, если верить бывшему полицаяу, жутко невзлюбил его и выдать бронь отказался. Очень скоро Суслик оказался в 54-ой стрелковой дивизии 7-ой армии Северного фронта. Тяжёлые бои с наступающими финнами и плен. Суслик заявил, будто был ранен и подобран прямо на поле боя вражескими солдатами. Но явно врал, мутные глаза выдали его. С какого перепоя финским солдатам могло прийти в голову подбирать на поле боя раненных солдат противника? Скорей всего Суслик сам винтовку бросил и руки поднял.

Потом был лагерь для военнопленных в Медвежьегорске. Именно там он и принял предложение стать полицаем или, как тогда говорили, бойцом вспомогательной полиции.

– Да и как было не принять, – Суслик шмыгнул носом, – когда с голодухи брюхо к спине прилипло, а впереди полная безнадёга в виде тяжёлой работы на заготовке леса и неизбежная смерть от истощения.

Так началась служба Суслика рядовым полицаем сперва в самом Медвежьегорске, а после его перевели в Кондопогу,

в уездный центр Восточной Карелии, как тогда начали называть Карело-Финскую ССР сами финны.

– Прощу понять меня правильно, – Суслик едва не ноет в прямом смысле этого слова, – ведь тогда всем казалось, что ещё немного, ещё чуть-чуть, и всё, советская власть кончится.

Но советская власть так и не кончилась. Сперва коммунисты с жидами-комиссарами отстояли Москву, потом были Сталинград и Курск. Но для Суслика это было где-то там далеко. В Восточной Карелии фронт как встал в конце сорок первого у Беломорско-Балтийского, так и простоял до конца лета сорок четвёртого.

Суслик во всю пытался обелить себя, свалить всю вину на обстоятельства непреодолимой силы, однако грубая и горькая правда всё равно вылезла наружу. В первую и единственную очередь бывший полицай трус, каких ещё поискать надо. Ещё в лагере для военнопленных его пытались завербовать в разведчики и диверсанты, сулили золотые горы и почёт, после победы, разумеется, но тогда ему удалось отбрезаться. Уже будучи полицаем, усердия он не проявил, выслужиться не пытался и, как мог, всячески бегал от «грязной работы».

– Ни военнопленных, ни гражданских я не расстреливал, – Суслик с покаянным видом буквально повис на прутьях стальной решётки. – Стерёг, это было. В оцеплениях при арестах, тоже было. Но не расстреливал! Нет! Никогда!

На то другие желающие находились. Вон, Васька хмырь, тот всегда перед финнами ковриком стелился. Унтера ему дали, так он всё надеялся до фельдфебеля выслужиться.

Оккупанты как могли пытались скрыть от местного населения истинную обстановку на фронтах. Только в народе не зря говорят, что пустое шило в мешке не утаить. Благодаря партизанам, в Кондопоге регулярно появлялись советские газеты и листовки с воззваниями. К концу сорок третьего года всем без исключения стало ясно, что рано или поздно немцев вышибут за пределы СССР. А раз так, то глупо надеяться, будто здесь, в Восточной Карели, как и прежде будет тишь да гладь да божья благодать.

И начал рядовой полицай по кличке Суслик думать, как ему спасти самое ценное в своей жизни – собственную задницу. Была мысль попроситься в разведчики и диверсанты. Расчёт прост: две-три недели подготовки и заброска на территорию коммунистов, а после сразу же сдать всех своих подельников и надеяться на снисхождение. Но завербоваться в разведчики и диверсанты Суслик так и не решился. Финны тоже не дураки. Как это так? Два с лишним года тихо тянул лямку презренного полицая, а тут, в преддверии разгрома фашистов, вдруг воспылал желанием лично убить как можно больше жидовских комиссаров? За такое нежданное усердие могли и сразу к стенке поставить.

Подумывал Суслик податься в партизаны. Так, опять же, как с пустыми руками? Вот если бы он заодно Ари-Матти

Корпела, майора, финского коменданта Кондопоги, прихватил, тогда другое дело – почёт и уважение. А так доказывай, что ты не шпион. Бежать в Финляндию? Так Рая Малюкова оказалась права: финские оккупанты своих прихвостней за людей не считали. О заключении в финскую тюрьму можно было и не мечтать, либо сразу к стенке поставят, либо отправят на фронт в штрафной батальон. А это тоже верная смерть.

Неизвестно, до чего бы додумался трусливый Суслик, но тут его тихую и размеренную жизнь буквально через колено поломало чрезвычайное событие.

– Как сейчас помню, – голос Суслика наполнился вселенской тоской, – это вечером 1 июня сорок четвёртого началось. Я как раз возле комендатуры караулил. Как вдруг! – Суслик выразительно треснулся лбом о стальной прут решётки. – С небес такой грохот упал. Такой грохот. Я глаза-то поднял, а там такое..., – Суслик задрал подбородок и ещё более выразительно вылупил глаза.

– Так, стоп, – перо так и замерло посреди строчки, Александр поднял глаза на беглого полицаю, – получается, ты лично видел, как над Кондопогой пролетел тот странный метеорит?

– Ага, видел, – сердито ответил Суслик, которому явно не понравилось, что столь эффектное начало его рассказа оказалось смазанным.

– Продолжай, – Александр окунул стальное перо в чер-

нильницу.

– Так, это, – Суслик не сразу собрался с мыслями, – гляжу, значит, а по небу метеорит летит.

– С какого направления и куда?

– Э-э-э..., – Суслик на миг задумался, – с юго-западной стороны на северо-восток будет. Да, точно будет.

– Почему ты решил, что это был метеорит?

– Так к нам в Кривцы ещё до войны лектор приезжал, о Тунгусском метеорите рассказывал. Но и о метеоритах вообще рассказывал.

– Как именно выглядел метеорит?

– Огонь, огонь с небес, – ответил Суслик и торопливо добавил. – Огненный шар, плотный такой, и жёлтый, и сиял так ярко. Конечно, не так ярко как Солнце, но на улице светло как днём стало. И, знаете, – Суслик пугливо стрельнул глазами по сторонам, – мне показалось, будто за этим шаром огненным дымный шлейф протянулся.

– Дымный шлейф? – недоверчиво спросил Александр.

– Ну да, – Суслик кивнул, – дымный. Как оно обычно бывает, когда подбитый самолёт на землю падает. Мотор горит, а за ним дым стелется.

– А почему не уверен, что дымный шлейф был?

– Так темно уже было, небо тёмное, а серое на тёмно-синем хрен точно разглядишь.

– И куда метеорит упал?

– Так в том-то всё и дело, гражданин начальник, – тихо

воскликнул Суслик. – Я, это, позже сообразил, что метеорит этот какой-то неправильный был. Тунгусский, когда на землю упал, так рванул, как тысяча авиационных бомб сразу. А этот нет. Даже больше скажу, гражданин начальник: этот самый метеорит над горизонтом завис на чуть-чуть, а потом дальше падать начал.

– Как это понять «завис, а потом дальше падать начал»?

– Ну, это, – Суслик задумчиво пожевал губами, – не с разгона он в землю воткнулся, как нормальный метеорит, а резко так скорость сбросил, завис на мгновенье. А лишь после падать дальше начал, но не так круто в землю, а чуть-чуть даже в сторону повернул. И таким макаром он за горизонтом и скрылся. Я бы даже сказал, приземлился.

На мгновенье Александр задумался. В целом показания Суслика совпадают с показаниями коменданта общежития Раи Малюковой. Но если комендантша только слышала, то беглый полицейай лично видел, как странный сгусток огня прочертил небо над вечерней Кондопогой и ушёл за горизонт. А, может, и в самом деле приземлился. А о том, что странный метеорит в самом конце полёта резко сбросил скорость падения и даже чуть изменил траекторию полёта, Рая Малюкова не знала.

– Мы сперва подумали, – между тем продолжил Суслик, – что метеорит в озеро упал. Может, в Нигозеро, может в Санда. Ох сколько же рыбы он мог бы наглушить, – Суслик мечтательно закатил глазки.

Слух о том, что странный метеорит должен был бы наглушить много рыбы, Александр узнал ещё от Раи Малюковой, однако всё равно старательно записал показания Суслика и его же домыслы в протокол. Сличать информацию из разных источников можно и нужно при любой возможности.

– Хорошо, я понял, – Александр оборвал словесный поток Суслика, пока беглого полицака не унесло в пересказ рецептов рыбных блюд. – Как именно странный метеорит повлиял на твою дальнейшую судьбу?

От такого вопроса Суслик сразу сдулся. Видать, «рыбная» тема нравилась ему гораздо больше.

– Самым прямым образом повлияла, зараза такая, – хмурый, как грозовая туча, пояснил Суслик. – Начальство сперва подумало, будто это советский бомбардировщик упал. Идиоты. Однако быстро стало ясно, что это не так. И вот тогда начальство всполошилось, будто муравьи, на чей муравейник медведь грязной жопой сел.

– По каким именно причинам всполошилось ваше начальство?

– А чёрт его знает, – Суслик пожал плечами. – Я так думаю, комендант наш по инстанции куда нужно доложил, и на этом собрался было успокоиться. Однако из Петрозаводска приказ пришёл выяснить, найти, принести метеорит этот и доложить. В общем, – Суслик зло выдохнул, – уже на следующий день из вспомогательной полиции особый отряд собрали. Во главе поставили лейтенанта Пааво Мюллюмяки и

фельдфебеля Тюко Кукконена.

Александр задумчиво хмыкнул. В принципе, Суслик не врёт. Это обычная практика оккупационных властей сперва послать отряд из местных полицаев.

– Количество полицаев в отряде и вооружение? – спросил Александр.

– Точно не помню, – кожа на лбу Суслика задумчиво сморщилась, – нас человек двадцать было. Вооружены своими «мосинками». Да! У обоих финнов «Суоми» с собой были, это пистолеты-пулемёты такие. Ещё на отряд пулемёт дали. Это, как там его, – от умственного напряжения из ушей Суслика едва не повалил пар, – Лахти... Лахти-Солоранта, М-26, кажется. Почему, собственно, с нами этого долбанного Тюко Кукконена и отправили.

– Неужели пешком пошли?

– Нет, конечно же, – отмахнулся Суслик. – Нашего господина коменданта из Петрозаводска так накрутили, что он нам две «полуторки» трофейные выдал. Ну, эти ГАЗ-АА. С комфортом прокатились. Но из Кондопоги всё же решили выехать на следующий день утром. Ну, это, третьего июня.

Ещё накануне выезда господин фельдфебель объявил нам, что поиски метеорита начнём от деревни Дубуяна. Типа, господин комендант прикинул направление и возможное место падения метеорита по карте. Ну мы...

– Так, стоп, – Александр резко прервал рассказ Суслика. – Насколько мне известно, за всё время оккупации до Дубуяны

финны так и не дошли. А тут с чего именно решили начать с Дубуяны? Это как?

– Ничего необычного, гражданин начальник, – пояснил Суслик. – До Дубуяны финны действительно так и не дошли, но о существовании самой деревни они прекрасно знали. Знали, но не лезли туда. В сорок первом на неё плевать всем было, всего пять домов и десятка два жителей, а позже партизаны появились.

– А Дубуяна как база для партизан? – уточнил Александр.

– Не знаю, не ведаю, – Суслик развёл руки в стороны. – Может, какие отряды оккупантов и заходили в Дубуяну, только мне об этом не докладывали. Знаю точно, что никакого гарнизона из вспомогательной полиции и старосты назначенного там не было. А что касается партизан, так ведь не дураки же они, чтобы постоянную базу в деревне делать. Хотя, конечно, на постой и за припасами всяко заходили. Только, опять же, – Суслик брезгливо поморщился, – наши советские граждане во время оккупации очень бедно жили. Сами с воды на лебеду перебивались и обноски донашивали. Чем партизаны у них поживиться могли? Разве что бабам детишек наделать.

Александр опустил голову. Это верно. Северо-восточная часть Карелии и до войны была плохо населена и освоена. В здешних местах единственной достойной целью для партизан была железная дорога из Петрозаводска через Кондопогу и до Медвежьегорска.

– Дальше, – приказал Александр.

– Дальше? – Суслик на миг задумался. – На следующий день утром, это уже 4 июня получается, мы из Кондопоги с ветерком выехали. Ну, до Четвёрочки без проблем доехали. Здесь во время войны финны свой леспромхоз сделали. Правда, хреново у них с заготовкой леса получилось. Там...

– Я в курсе, – перебил Александр. – О финском леспромхозе можешь не рассказывать.

– Хорошо, не буду, – покладисто согласился Суслик. – Лейтенант Пааво Мюллюмяки поговорил с местным начальником, с каким-то напыщенным типом в пиджаке, и мы покатили дальше. Как я понял, это финны леспромхозовские о метеорите том странном не знали ничего, только слухи, что до них из Кондопоги дошли. Но дорогу на Дубуяну, вроде как, как раз они подсказали. Выкатили мы из Четвёрочки и вскоре свернули на север.

И тут Суслик умолк едва ли не на полуслове, поджал голову и принялся смущённо поглядывать по сторонам. Кажется, будто он ожидает удара по голове, если вовремя не захлопнет пасть. Об этом же намекают его щёки, что буквально на глазах стали багровыми.

– Вот что, Суслик, – Александр строго глянул на беглого полица, – сейчас ты начнёшь рассказывать то, что обычно называют сказками, мистикой, а то и вообще пьяным бредом. Именно это тебя и смутило. Я прав?

– Да, гражданин начальник, – Суслик кивнул. – Дальше

такое началось... – Суслик опять выразительно умолк.

– Рассказывай, всё как было, – потребовал Александр. – Мне много чего уже и о метеорите том странном, и о делах ещё более странных рассказали. Поверить, может, и не поверю, но ругать за чертей, леших и пьяный бред точно не буду.

Предупреждение, оно же обещание, оказалось явно не лишним. Суслик заметно расслабился и продолжил несколько более уверенным тоном.

– Я в кузове головного грузовика ехал. Слава богу, мне место справа у борта возле кабины досталось. От меня как раз требовалось вперёд за дорогой следить, мало ли партизаны появятся. А потому всё как оно было видел.

– Где находились финские лейтенант и фельдфебель? – потребовал уточнить Александр.

– А где ещё могло находиться наше храброе начальство? – вопросом на вопрос ответил Суслик, при этом буквально брызгая ядовитым сарказмом. – Лейтенант, как и положено, во втором грузовике на пассажирском сиденье рядом с водителем. Фельдфебель в кузове с единственным пулемётом засел, вояка хренов. Они оба специально во втором грузовике ехали, это на случай, если вдруг на партизан напоремся. Типа, головная машина первой под удар попадёт. Да только всё наоборот вышло! – на этот раз в голосе Суслика прорезалось злорадное торжество.

– Понятно, дальше.

– Дальше? – Суслик опять стушевался. – В общем, из Чет-

вёрочки мы со свистом выкатили и дальше на север в Дубуяну отправились. Дорога так себе. Хорошо, что с неделю дождей не было, грязь несколько подсохнуть успела. В общем, до Дубуяны километра два, от силы три, осталось, как вдруг...

Это надо видеть: Суслик побледнел и невольно подался всем телом назад в глубину «обезьянника», пока не упёрся спиной в стену. Не иначе воспоминания годичной давности до сих пор наводят на него былой страх.

– Как вдруг, – для пущего эффекта Суслик взмахнул руками, – с небес зелёный свет упал! Я тут же обернулся, а второй грузовик ка-а-ак вспыхнет! Это как в ведро с бензином горящую спичку бросить. Водитель на тормоза нажал, меня как из кузова...

– Стоп! Стоп! Стоп! – для пущего эффекта Александр стукнул кулаком по столу. – Без лишних эмоции и по порядку. Что значит «с небес зелёный свет упал»?

– А-а-а..., – Суслик растерянно захлопал глазками. – Вам приходилось пользоваться электрическим фонариком в полной темноте?

– В смысле? – не понял Александр.

– Так приходилось или нет? – терпеливо повторил Суслик.

– Приходилось, конечно, – Александр кивнул.

К чему это Суслик клонит? На всякий случай Александр сердито сдвинул брови.

– Тогда вы должны знать, что фонарик светит таким лу-

чом, прямым почти. Ну, как там, рассеивается немного. Чем дальше, тем пятно на стене от фонаря больше. А тут луч света не жёлтый был, как у электрического фонарика, а зелёный. Такой... – Суслик задумчиво щёлкнул пальцами, – как у свежей травы, что только из-под снега выглянула. А ещё луч этот зелёный толще не становился, а так и оставался ровным, как труба водопроводная.

И вот этот свет сперва в лобовом стекле второго грузовика дыру пробил. Я так понимаю, – Суслик злорадно улыбнулся, – лейтенанта сразу убило. А потом и сам грузовик загорелся, да так сильно, да так ярко. Ну в натуре будто кто в ведро с бензином горящую спичку бросил.

– Понятно: ярко-зелёный луч сперва пробил лобовое стекло кабины второго грузовика, после чего сам грузовик загорелся. Причём, загорелся очень сильным и очень ярким пламенем, будто его предварительно облили бензином. Всё так?

Вопрос далеко не праздный, уж слишком из ряда вон показания Суслика. Как это так грузовик, большая и мощная машина, вдруг взял и ярко вспыхнул?

– А вы правы, гражданин начальник, – Суслик кивнул. – Я и сам потом много позже сомневаться начал, ну не мог грузовик вот так просто ярко и сильно вспыхнуть. Сперва, вроде как, бухнуло что-то, будто под днищем грузовика мина взорвалась. Или нет! – Суслик встрепенулся и выпрямил спину. – Будто фугасный снаряд взорвался. Стекло для фу-

гаски не преграда, вот снаряд и рванул внутри. Но очень ярко получилось, ну в натуре кто спичку горящую в ведро с бензином кинул.

– Так, может, это и был фугасный снаряд?

– Не! Не! – Суслик аж замахал руками. – Я много думал об этом. Не мог это быть обычный фугасный снаряд. Никак не мог.

– Поясни, – потребовал Александр.

– Так, это, я ещё до войны в Красной армии служил. Нам там рассказывали, как снаряды разные падают. Мины и гаубицы так эти почти вертикально. Но и снаряды пушек, что далеко стреляют, тоже, того, почти вертикально падают. Во! – Суслик с умным и самодовольным видом поднял указательный палец. – Это как ещё до Империалистической войны палубы кораблей в первую очередь бронёй укрывали, ибо как раз снаряды вражеские не неё вертикально падали. Эти корабли прямо так и называли – бронепалубные. Вот!

Это... Александр задумчиво скосил глаза в сторону, так оно и есть. Из-за того, что в полёте пушечный снаряд очень-очень быстро вращается, то на излёте он и падает на землю почти вертикально. Всё равно почти вертикально, даже если пушка стреляла под небольшим углом возвышения.

– А тут, понимаешь, – между тем продолжил Суслик, – зелёный свет сперва именно в лобовом стекле дыру пробил. Чтобы под таким углом обычная фугаска залетела, пушка должна была на вершинах ёлок и берёз сидеть, и ствол под

углом в землю. А, главное, выстрелов я не слышал. Пушки, они, того, на всю округу бахают. Говорят, с крыш домов даже черепица слетает. А тут что-то сверху пшикнуло и точно в лобовое стекло второго грузовика угодило.

Если подумать, то Суслик и в самом деле несёт полный бред, хоть и трезвый. Зелёный свет с небес, от которого грузовик, большая и мощная машина, вспыхнул словно бензин в ведре от горящей спички. Однако, Александр на миг скосил глаза в сторону, слова Суслика подтверждаются. Ведь по дороге в Дубуяну Александр сам видел сгоревший грузовик. Машина и в самом деле выгорела до голого железа. На ней сгорело всё, что только может гореть. Ещё и прямоугольные дыры в стенах кабины и снятый двигатель. Получается, либо финны, либо немцы взяли образцы для исследования.

– Хорошо, я понял: луч яркого зелёного света сперва пробил лобовое стекло второго грузовика и разорвался словно фугасный снаряд где-то под днищем грузовика. После чего грузовик очень быстро и очень сильно загорелся. Я правильно всё понял?

– Точняк, гражданин начальник, – Суслик кивнул, – будто с языка сняли.

Бред. Александр на миг закатил глаза. Пушка с вершин ёлок и берёз стреляет зелёным светом.

– Хорошо. А стрелял-то кто? Ты видел?

– Понимаете, гражданин начальник, – Суслик задумчиво зашевелил пальцами, – тут такое дело. Я в момент выстрела

вперёд по ходу движения смотрел, мало ли партизаны на дороге выскочат. Жить-то всем хочется. Свет зелёный и вправду с высоты ёлок и берёз упал, но только ни самолёт, ни шара воздушного я там не видел.

– А что же ты видел? – с вызовом поинтересовался Александр.

– Ну-у-у..., – Суслик неопределённо замахал руками. – А вы точно ругаться не будете?

Глазами собаки, которую уже побили и вот-вот побьют опять, Суслик уставился на Александра.

– После зелёного света с вершин ёлок и берёз мне уже ничего не страшно. Говори всё как оно есть, – не без иронии разрешил Александр.

– Я тогда не пьян был, как и сейчас не пьян. И больным тоже не был. Это всё не бред, это всё...

– Да говори же! – сердито потребовал Александр.

– Это, это, это..., – Суслик с трудом собрался с мыслями. – Это знаете, как в жаркий день воздух над камнем или крышей там мерцает и колышется, будто сквозь воду смотришь?

– Э-э-э..., – Александр на миг задумался, – ну знаю.

– Так вот, нечто подобное я над лесом заметить успел, – произнёс Суслик. – Такая... Такая тучка прозрачная, как будто через воду смотришь. Только и заметил её, что из неё прозрачной зелёный свет вылетел.

– Хочешь сказать, – Александр как мог выгнал из соб-

ственного голоса иронию, – призрак зелёным светом по второму грузовику пальнул?

– Может и призрак, – покладисто согласился Суслик, – но по грузовику второму он и в самом деле пальнул. И уж точно это не было что-то привычное, самолёт или воздушный шар. Мне и позже подобное видеть довелось. Так что в первый раз мне не померещилось.

– То есть, ты хочешь сказать, что с подобным мерцающим воздухом ты и позже встречался? – на всякий случай уточнил Александр.

– Встречался, – печально выдохнул Суслик, – это когда я...

– Потом расскажешь, – оборвал беглого полицая Александр. – И так, прозрачное облако выстрелило во второй грузовик зелёным светом. Что произошло дальше?

– Э-э-э..., – Суслик собрался с мыслями. – Водила первого грузовика, в котором я ехал, с перепугу рванул по тормозам. Грузовик встал резко. И тут мне круто повезло, – с плохо затаённым восторгом выдал Суслик.

– И каким же образом тебе круто повезло? – Александр невольно подхватил словесную игру.

– От неожиданности меня из кузова вперёд выбросило, – охотно продолжил Суслик. – Сперва я через крышу кабины перекатился, потом на капот брякнулся и после свалился на землю. Но очень удачно свалился, прямо на ноги. И сразу в лес рванул. А у меня за спиной ка-а-ак бахнет! – Суслик

всплеснул руками. – То самое облако прозрачное и по первому грузовику шмальнуло. Я когда оглянулся, так увидел, как грузовик головной пламенем весь объят уже. Кто не успел выпрыгнуть, тот вспыхнул, словно свечка.

Даже нет, не как свечка. Это будто каждого бензином щедро облили, а потом подожгли, – уточнил Суслик. – Я даже не знал, что люди так гореть умеют.

От волнения на лбу у Суслика выступила обильная испарина. Конкретно напугался беглый полицай, ой конкретно, если даже год спустя его до сих пор бросает в пот от пережитого ужаса.

– Дальше, – Александр деловито окунул стальное перо в чернильницу.

– Ну, это, – пусть и без прежнего энтузиазм, но, всё же, продолжил Суслик, – я в лес рванул. Чего уж там врать. Так рванул, что аж пятки засверкали. О каком-то там поиске какого-то там метеорита и думать забыл. Как только в лесу не заблудился, то господь лишь ведает. Повезло, одним словом, я на железную дорогу вышел. И уже по ней, прямо по шпалам, до Четвёрочки добрался.

– Ещё кто из твоего отряда выжил?

– До сих пор понятия не имею, – Суслик пожал плечами. – Ни ждать, ни проверять я не стал. Так на своих двоих и дошёл до Четвёрочки. Да и в будущем никого из..., – Суслик на миг замялся, – полицаев того отряда я не встречал более. Пусть не по именам, но по лицам я знал всех.

– Понятно, дальше.

– Сперва я до Четвёрочки добрался. Здесь, как я уже говорил, тогда финский леспромхоз работать пытался. Главное же, местный начальник, имя уже и не скажу, у финнов имена заковыристые больно, сперва наорал на меня, за дезертира принял, чуть в морду кулаком не двинул. Это с его подачи меня связанного под конвоем в Кондопогу увезли.

Уже в Кондопоге такое началось, – Суслик вздохнул так тяжко, будто землю продал, а деньги пропил. – В общем, не поверил мне никто. Меня лично Ари-Матти Копела допрашивал.

– Это финский комендант Кондопоги? – уточнил Александр.

– Он самый, – Суслик кивнул. – Я, дурак, ему всё как на духу рассказал, прямо как вам сейчас. А он разорался, кулаками размахался. Вон, – Суслик машинально потёр левую скулу, – заехал пару раз. Всё твердил, типа, это партизаны на нас напали. А я, трус такой, убежал с поля боя, да ещё кучу сказок для собственного оправдания насочинял.

– Это точно, – невольно согласился Александр.

Если бы Александр лично не был в Дубуяне, лично не видел бы странные следы, особенно оплавленный валун, то, как и финский комендант Кондопоги, ни за что бы не поверил бредовому рассказу трусливого полицая. А так, чёрт побери, бред, конечно, но концы с концами очень даже хорошо сходятся.

– Что было дальше? – потребовал Александр.

– Дальше? – Суслик будто очнулся от сна. – Меня из кабинета майора Ари-Матти Копела прямо в тюрьму отправили. Ох и страху же я натерпелся. Думал, с утра пораньше к стенке поставят и пристрелят, как собаку. Зря я тогда вернулся, нужно было сразу ноги делать. Так, опять же, куда? Однако на следующий день, с утра пораньше, в Кондопоге отряд военных объявился. Как я позже узнал, то были финские фронтовые разведчики, сводный отряд. Фронт-то рядом, вот, видать, и привлекли дармоедов. Наступление Красной армии несколько позже началось.

– Какого числа в Кондопоге появились финские фронтовые разведчики? – спросил Александр.

– Э-э-э..., дай бог памяти, – Суслик зашевелил губами, – пятого июня. Да, точно, 5 июня, это как раз понедельник был.

Вот ещё одно совпадение с показаниями коменданта общежития Раи Малюковой, отметил про себя Александр.

– Я уж думал меня того, на расстрел повели. Однако я оказался в кабинете коменданта Кондопоги, – продолжил Суслик. – А там ещё один финский майор оказался. Как я позже узнал, Йере Турунен, командир того сводного отряда. Господин Ари-Матти Копела велел майору тому всё рассказать. Ну я и рассказал. А этот майор и говорит мне, что я с ними пойду, дескать, проводником буду. Я тут попытался было объяснить, что я ни разу не местный житель, что за преде-

лами Кондопоги бывал редко и то ненадолго. Но фронтовой майор кулаком стукнул и приказал.

– Как это приказал? – потребовал уточнить Александр. – Он что, по-русски говорил?

– Конечно говорил, – тут же подтвердил Суслик. – И очень даже хорошо говорил. У меня лично сложилось впечатление, что он сын белоэмигранта. Акцент такой финский в его словах всё же проскальзывал, но зато он отлично понимал всякие присказки типа «груши околачивать» или «валеть дурака».

– Понятно, дальше.

– Финны на столе карту расстелили, велели показать, где на нас зелёный свет упал.

– На той карте Дубуяна была отмечена? – спросил Александр.

– Была, – Суслик кивнул. – И дорога до неё тоже была отмечена. И вообще карта такая первоклассная была, подробная очень.

Александр так и замер со стальным пером в правой руке. По сердцу будто холодный напильник прошёлся. Финны всё же знали о существовании Дубуяны, раз эта крошечная деревня всё же была отмечена на их картах.

– Дальше, – Александр не сразу стряхнул нервное напряжение.

– А дальше финны меня в грузовик, в кузов, запихнули, мы и поехали.

– Численность финского отряда, вооружение, транспортные средства?

– Насчёт численности точно сказать не могу, – Суслик виновато развёл руками. – Может, тридцать, может, человек сорок. Но все как один с пистолетами-пулемётами «Суоми». Пулемёты были, трофейные Дегтярёва, ещё четыре штуки, это точно. Два на полугусеничных бронетранспортёрах «Ганомаг» стояли, и ещё два они с собой таскали.

– В финском отряде было два «Ганомага»? – уточнил Александр.

– Да, и четыре немецких грузовика Опель-Блиц. Вообще силища, любой партизанский отряд в ужасе в лес убежит и сам в болоте утонет, – Суслик аж раздулся от гордости за финскую армию словно индюк, впрочем, почти сразу сдулся вновь.

До Четвёрочки без проблем добрались. Здесь опять буквально на полчаса притормозили. Майор финский о чём-то со здешним главным переговорил, и отряд дальше двинулся. И вот тут, гражданин начальник, – Суслик аж приподнялся со скамьи и обхватил руками прутья решётки, – самое странное начинается.

– И что же?

– Я финскому майору ещё в Кондопоге рассказал и примерно на карте указал, где на нас свет с небес упал. Однако на месте том ни грузовиков, ни трупов не оказалось. Вообще, – Суслик шлёпнул ладонью по стальному прутку решётки,

ки.

– И что? Тебе за враньё морду набили? – насмешливо спросил Александр.

– Нет, – Суслик энергично затряс головой, – это же разведчики, следопыты. На дороге трава горелая осталась и следы от шин. Они как раз в том месте оборвались. Финны во-круг прошлись, вроде как кровь где нашли клочки одежды на кустах. Да! Ещё несколько винтовок брошенных нашли, «мосинки», которыми мы все вооружены были.

– Понятно, дальше.

– А дальше прежним образом мы уже не поехали, – Суслик присел обратно на скамью. – Это, финны, пешком осторожно вперёд пошли. Оба броневика чуть позади по дороге, а разведчики эти через лес рядом и чуть впереди. Перетрусили они или нет, то сказать не могу. Но то, что гибель нашего полицейского отряда восприняли всерьёз, это точно.

Как я и предполагал, Дубуяна рядом совсем оказалась, буквально через два поворота. Меня обратно в кузов головного грузовика загнали, однако я тент чуть в сторонку сдвинул и всё видел.

От волнения защипало кончики пальцев, а дыхание едва не застряло в груди. Александру стоило немалых трудов как ни в чём не бывало продолжить допрос. Сейчас! Неужели именно сейчас они подошли к самому главному?

– Население Дубуяны как встретило финнов? – нарочито спокойным тоном спросил Александр.

– Да некому было финнов встречать, – как ни в чём не бывало ответил Суслик.

– Как это некому? – Александр напрягся всем телом, а голос предательски дрогнул.

– А вот так, гражданин начальник, некому, – ответил Суслик. – Финские разведчики и броневики через деревню первыми прошли. Грузовики чуть позже заехали. Так я смотрел, смотрел, но никого из местных так и не увидел.

– Вообще никого? – спросил Александр, а у самого внутренности покрылись холодом.

– Вообще никого, гражданин начальник, – Суслик кивнул. – Даже больше: собаки и те не брехали. Ни коров, ни кур, ни кошек, вообще ни одной живой души. Все двери настежь, ни одна труба не дымит. Да я и сам удивился. Вроде как не говорили, что Дубуяна заброшена, она же жилой должна быть.

– Вы уверены, – от волнения Александр и сам не заметил, как перешёл на «вы». – Дубуяна точно оказалась пустой?

– Да уверен я, уверен, – отмахнулся Суслик.

– А куда, тогда, делись два-три десятка местных жителей? – с нажимом, стараясь не сорваться на визг, спросил Александр.

– Да не знаю я, – Суслик недовольно нахохлился, – до сих пор не знаю. Финны, того, тоже удивились. Майор главный меня тоже спрашивал, куда это все местные делись. Дескать, ему допросить некого. И тоже интересовался, между

прочим, видел ли я местных жителей ещё в тот раз, когда нас из Кондопоги направили. Но я и тогда, в первый раз, никого из местных не видел, и не слышал даже.

Суслик продолжает что-то там лепетать, однако Александр уставился прямо перед собой ничего не видящими глазами. Стальное перо тихо выскользнуло из пальцев и шлёпнулось на стол. Что же получается? Оккупанты, ни финны, ни тем более немцы, к гибели его семьи не имеют ни малейшего отношения? Как? Как такое вообще возможно?

Александр слабо качнулся на месте, стул под ним тихо скрипнул. Как, оказывается, просто было жить, когда он точно знал, кто убил его семью. Нет, конечно, не конкретные имена и звания, но враг, общий, буквально один на всю великую и огромную страну страшных враг – фашизм. А что теперь? Александр с трудом сфокусировал взгляд на Суслике. Беглый полицейский с удивлением уставился на него в ответ.

Стыдно признать, однако до самого последнего момента Александр наделся едва ли не на чудо. И вот чудо не произошло. И как теперь дальше жить с этим?

– Гражданин начальник, что с вами?

Будто сквозь морок пробился встревоженный голос Суслика.

– Не твоё дело, – Александр с трудом взял себя в руки, едва ли не в прямом смысле встряхнул себя за шкуру.

Чудес не бывает, а так же мистики и прочей чертовщины. Чтобы не произошло в Дубуяне, а так же вокруг неё, в любом

случае должно быть объяснение. И не абы какое, а материалистическое и строго научное.

– И так, ещё раз, – Александр подхватил со стола стальное перо, – ты уверен, что, на момент приезда сборного финского отряда фронтовых разведчиков местных жителей в деревне Дубуяна не было?

– Уверен, гражданин начальник, – охотно поддакнул Суслик. – Мне потом довелось, и не раз, прогуляться по деревне. Кругом бардак и не более того. Мне ещё тогда показалось, будто все местные сбежали и бросили всё.

– Как давно жители Дубуяны покинули деревню? – спросил Александр.

– Не могу знать, – ответил Суслик. – Но, знаете, по моему скромному мнению, это произошло буквально накануне появления финнов. Дня два, может, три, но уж точно не больше.

– С чего такая уверенность?

– Видите ли, – Суслик в задумчивости пошевелил губами, – тем же вечером господин майор позволил мне пройтись по деревне. Одежда там кое-какая осталась. Финны ей побрезговали, а мне переодеться не помещало бы. Так вот, – продолжил Суслик, едва Александр глянул на него, – во всех без исключения избах ещё оставался жилой дух: запах, тепло, даже еда. Конечно, хлеб, что на столе был, засох, а вот завернутый в чистое полотенце и убранный в ящик, сохранился очень даже ничего. Я его потом с огромным удовольстви-

ем съел. Иначе говоря, в избах ещё не было холода, сырости и общей заброшенности. Столы и лавки ни чуть не запылились. А такое возможно, если люди покинули избы буквально за день или два до моего появления.

Логично, нехотя согласился Александр. Дух человеческого жилья и в самом деле очень быстро улетучивается из заброшенных домов и квартир.

– Хорошо, я понял. И так, ты, вместе с финским отрядом фронтовых разведчиков, заехал в покинутую местными жителями Дубуяну. Что дальше?

– Финны через деревню проехали. На том конце луг большой оказался. Там местные жители скот пасли. Вот на этом лугу финны свой лагерь и разбили. Там... Палатки растянули, даже навес быстро соорудили. Посты, костры и прочее как полагается. Они даже нужник выкопали.

Я-то, дурак, надеялся, что меня отпустят, – Суслик печально вздохнул. – Проводник из меня никакой, окружающую местность хуже самих финнов знаю. Я даже согласился бы пешком и в одиночку в Четвёрочку убраться. Уж больно место мне не понравилось. Страшное место, проклятое. В воздухе буквально что-то такое непонятное и жуткое витало. Да только господин майор меня так и не отпустил, к кухне чернорабочим представил, военному кашевару помогать приказал. Этот кашевар по-русски ни бельмеса, только ругался на своём, да пальцами мне тыкал, что делать надо.

– Понятно. Что дальше? Чем финны занимались?

– А чёрт его знает, чем они там занимались, – недовольно буркнул Суслик. – Говорю же, я по-фински ни бельмеса не понимаю. Господин майор мне ничего не докладывал, а выходить за пределы лагеря без его особого разрешения запретил. Прямо так и сказал, что если высуну нос, то схвачу пулю от часового без всякого предупреждения. Вот я и сидел при кухне тише воды и ниже травы.

А так, похоже, финны искали что-то, может тот самый метеорит. Я сам много раз видел, как небольшие группы разведчиков от трёх до пяти человек уходили из лагеря в северном направлении. Они же потом докладывали господину майору и с умными мордами по карте той, подробной очень, пальцами водили.

– Понятно. Что дальше?

– А дальше, – Суслик вздохнул в притворном ужасе. – Да вы сами видели, что там произошло?

– Здесь вопросы задаю я. Что конкретно произошло? – потребовал Александр.

– Два дня всё тихо было. Ну, это, финны своими делами занимались, я при кухне самой грязной работой занимался. А на третий день, ближе к полудню, мне приспичило. В свой нужник финны меня не пускали. Отошёл я за яму выгребную. Только все дела свои сделал, как слышу... – Суслик выждал эффектную паузу, – пулемёт застрекотал. Следом шум, гам, крики, выстрелы. Ещё пулемёт застрекотал. Финны забегали, засуетились. Но я-то ждать и выяснять не стал, сразу

в лес рванул, только пятки засверкали. И не зря! – с гордым видом выдал Суслик.

До опушки добежал и под куст рухнул. Вот тогда я всю суету эту со стороны увидел. В центре лагеря оба бронетранспортёра стояли, «Ганомаги» эти. Так финны с их из пулемётов стрелять начали. Так часто, так настырно, как у нас в армии говорили, на расплав ствола. И всё поверху, поверху, словно зенитчики воздушный налёт отбивают. Я даже на локтях приподнялся. Уж больно мне интересно стало, кого это они там сбить пытаются? Да только так ничего и не успел рассмотреть.

– Что? Снова зелёный свет с небес? – с плохо скрытым сарказмом поинтересовался Александр.

– Он самый, – Суслик даже не улыбнулся. – Откуда-то с высоты этот самый свет зелёный падать начал. Первый раз по бронетранспортёрам попало. Бахнуло так, что оба пулемёта враз заткнулись. А потом ещё, ещё и ещё, и всё по лагерю. Я от страха за дерево спрятался, в землю вжался. Не дай бог, думаю заметят меня. Убьют же!

Александр в задумчивости качнул головой. Вот уж точно, что трус умирает тысячу раз. Зато именно заячья трусость аж целых два раза спасла Суслику жизнь. Прояви он хоть каплю храбрости, то мог бы запросто остаться в финском лагере навсегда.

– Однако бог есть и он меня любит! – в возбуждении Суслик вскочил на ноги и навалился всем телом на прутья ре-

шётки. – Светопреставление быстро закончилось. Я из-за дерева выглянул... Всё, тишина. В финском лагере никто более не кричит, не стреляет, только дым валит. Это всё, что может гореть, гореть начало. Ну я боком, боком, боком и в лес бежать.

– Что? Опять чуть не заблудился и к железной дороге вышел, чтобы потом по шпалам в Четвёрочку вернуться?

– Не-е-е! – от ужаса Суслик даже побледнел. – Меня в первый раз чуть не расстреляли, когда решили, будто это партизаны напали. А тут финны, целый отряд, да ещё фронтовые разведчики. Господин майор Корпела, это комендант Кондопоги, ещё решит, будто это я партизан на разведчиков навёл, да ещё и разгромить помог. Меня бы тогда точно к стенке поставили бы.

Правда, – Суслик смутился, – это я потом всё сообразил и обмозговал. А тогда я просто в лес дёрнул. Подальше от лагеря финского. Как не заблудился, то господь лишь ведает. Но финнам тогда крепко досталось, гражданин начальник.

– С чего ты решил, что крепко? – спросил Александр.

– Это на лугу грохот страшный был, будто судный день пришёл. Однако и в лесу я выстрелы слышал, – охотно пояснил Суслик. – Ведь финнов, разведчиков этих, в лагере меньше половины было, остальные по лесу шатались. Уж не знаю, что они искали: то ли куда тот метеорит странный упал, то ли чертей ловили. Да только черти эти точно говорю в контратаку перешли.

– Логично, – согласился Александр. – Что дальше?

– Я до темноты по лесу бегал, – Суслик стыдливо опустил глаза, – всё от выстрелов шарахался. А тут, понимаешь, непонятным образом опять на Дубуюню вышел. Едва не обделался, когда в потёмках деревенские избы различил. Хотел было обратно в лес рвануть, да темно и холодно, да и жрать как захотелось. Вот и не дёрнул обратно в лес.

Про себя Александр лишь усмехнулся. Суслик трус перво-статейный, если что и может придать ему храбрости, так это пустое брюхо. Несложно догадаться, что произошло дальше, однако Александр всё равно старательно записал показания беглого полицая.

– Не знаю, сколько я в темноте сидел. Может, час, может, больше, – продолжил Суслик, – но всё тихо было. Тогда я обратно в лагерь финский побрёл. Дошёл, а там такое творится, – Суслик перешёл на драматический шёпот. – Всё, что могло сгореть, уже сгорело. Воньща. И трупы разведчиков этих финских валяются. Я даже свет зажигать не стал, чтобы не пугаться ещё больше. Погорели они все сильно. Ну или большая часть точно погорела.

– Зачем ты вернулся в разгромленный лагерь? – спросил Александр.

– Так понятно зачем, – Суслик даже удивился, – за едой. Я же точно знал, где у кашевара финского продукты лежали. На моё счастье уцелели они. Ну, пусть не все, но вполне достаточно. Я, это, в мешок, сколько влезло, и обратно в

лес. Ах, да, ещё винтовку, «мосинку», прихватил. Одну из тех, что в лесу разведчики подобрали. Господин майор мне в качестве личного оружия её выдал. И патроны взял сколько было. И уже с богатством этим в лес и рванул.

Первым делом, как вновь в лесу оказался, так это пожрал. Сухари, кажется, прямо так в сухомятку умял. А потом дальше на юг двинул. К железке вышел. И лишь тогда я задумался, крепко задумался, а что дальше делать?

Возвращаться обратно в Кондопогу не рискнул, говорил уже почему. К партизанам? Так их ещё найти надо. Да и где гарантия, что уже они сразу к стенке не поставят, либо к берёзе какой? Куда не кинь всюду клин. Впрочем, одно я понял твёрдо – финны будут выяснять, что с отрядом разведчиков фронтовых приключилось. У них связь по рации была, сам видел. Вот так я и решил несколько дней в лесу перекантоваться, благо лето на дворе, а у меня целый мешок жратвы и «мосинка» с патронами.

– Понятно, дальше.

– А дальше самое страшное началось, – хмуро произнёс Суслик. – Я, это, как рассвело, решил ближе к дороге на Дубуяну перебраться.

– Это ещё зачем? – не понял Александр.

– Так, это, разведчиков финских искать кто будет, так непременно по дороге на Дубуяну пройдёт. А я хоть знать буду. А когда они обратно, того, пройдут, значит, того, закончили поиски.

– И как? Прошли?– не без ехидства спросил Александр.

– Как дурак четыре дня у дороги просидел, лишний раз на открытое место выйти боялся, – Суслик сердито насупил-ся. – А на пятый день я глазам своим не поверил – немцы прикатали. Форма-то вроде обычная, как у пехоты обычной, только чёрная. Ещё у каждого на одной петлице по две молнии. Я сразу сообразил, что это эсэсовцы будут. И вот тогда я бога всей душой возблагодарил, что на месте остался, что в Кондопогу не сунулся даже. Финны – ещё те сволочи, а эсэсовцы так вообще нелюди.

– Так на что ты надеялся? – спросил Александр.

– Да ни на что я не надеялся, – хмуро бросил Суслик. – Выжить просто хотел, и ничего более.

– Понятно. Сколько эсэсовцев проехало в Дубуяну? Количество, транспорт, вооружение?

– О-о-о..., – с восторгом протянул Суслик. – Я-то думал, что это финнов много было, а немцев ещё больше оказалось. По дороге не меньше шести-восьми одних только грузовиков прошло. Ещё не меньше трёх полугусеничных транспортёров с такими, – Суслик показал руками, – характерными наклонёнными бортами. Не знаю, как они там у немцев назывались. Да! Ещё два танка. Таких..., – Суслик замялся, – таких не слишком больших. Башня такая закруглённая, что ли. И да, ствол такой гладкий, без конца.

– В смысле, без дульного тормоза? – уточнил Александр.

– Точно, – радостно выдохнул Суслик, – без тормоза дуль-

ного.

– Танки? – с грозной миной на лице переспросил Александр. – Ты в лесу, случаем, со страху умом не тронулся?

– Никак нет, гражданин начальник, – Суслик даже обиделся. – Были танки, две штуки. Но больше всего меня удивили два грузовика на гусеницах.

– На гусеницах? Это как? – недоверчиво спросил Александр.

– Да, на гусеницах, – Суслик кивнул. – Кабина такая обычная, без брони вообще, и кузов с тентом, как полагается. Только вместо колёс гусеницы как у танка. Да, – Суслик вздёрнул голову, – как раз из-за этих грузовиков на гусеницах немцы медленно ехали. Пешком не догнать, а вот на велосипеде обогнать можно.

Дела-а-а... Александр расстелил перед собой очередной чистый лист бумаги. Суслик хреново разбирается в немецкой технике, однако его описания более чем точны. Танки явно Панцер 3. Их выпуск прекратили ещё в сорок третьем, ибо сильно устарели. Однако немцы продолжали использовать их против партизан.

Грузовики на гусеницах должны быть грузовые трактора Steyr RSO/01. Приходилось с такими сталкиваться. Маленькая скорость и буквально запредельный расход топлива не позволяли использовать их для перевозки личного состава и грузов на большие расстояния. Зато грузовые трактора обладали очень хорошей проходимостью. Если разобраться, то

самое то для карельских лесов и болот.

– Понятно, дальше, – приказал Александр.

– А дальше война началась, гражданин начальник.

– В каком смысле? – не понял Александр.

– В двойном, – охотно пояснил Суслик. – Я так и сидел возле перекрёстка железной дороги с грунтовкой на Дубуяну. На север даже не думал ходить. Однако те, или тот, кто финский лагерь с землёй перемешал, потом и с немцами в форме чёрной сцепились. Я то и дело слышал выстрелы, в том числе из пушки. Я так понимаю, то танки стреляли. Уж в кого, понятия не имею.

Но самое удивительное, это когда у меня над головой воздушный бой развернулся. И ладно бы фрицы с нашими советскими соколами сцепились. Так нет же. Я, это, специально на открытое место выскочил, глаза поднял, да так и замер с раскрытым ртом. Немецкие истребили, уж не знаю, как они там называются, незнамо с кем сцепились. За дальностью разглядеть не сумел, но если это и был самолёт, то дюже странный.

– Что значит дюже странный? – Александр перебил Суслика.

– Как бы это выразиться? – Суслик задумчиво пожевал губы. – Достаточно далеко было, подробностей не разобрал. Но мне показалось, только не смейтесь, будто в воздухе... – Суслик собрался с духом и выдал скороговоркой. – Будто в воздухе тарелка летала.

– Тарелка? – от удивления стальное перо едва не выскользнуло из пальцев, Александр во все глаза уставился на беглого полицаю.

– Ну уж точно не ангел небесный, – даже не пытаюсь скрыть сарказм, произнёс Суслик. – И уж точно не обычный самолёт с крыльями, хвостом и пропеллером. И эта самая «тарелка» разделалась с немцами в два счёта.

Гражданин начальник, я сам видел, как эта «тарелка» зелёным светом во все стороны палила. Очень скоро один истребитель как бензин в ведре вспыхнул. Ну, как грузовики на моих глазах. А другой удрать хотел, но не успел. Правда, «тарелка» за ним не шибко вслед рванула. Так это, пальнула на прощанье. Попала или нет, то я не знаю, и самолёт, и «тарелка» за деревьями скрылись.

Александр лишь качнул головой. Суслик несёт такое, что даже самый талантливый писатель-фантаст нервно курит в сторонке. И как только на такой протокол отреагирует капитан Давыдов? Ясно дело, что глава районной милиции будет не в восторге. Однако допрос нужно довести до конца. После можно и нужно будет разобраться, что в словах Суслика правда, а что бред сивой кобылы.

– Понятно, дальше.

– А потом Красная армия в наступление перешла. Я не сразу сообразил, что это за грохот такой. Отвык, понимаете, за три года мирной жизни. Подумал сперва, что это фрицы с чертями в лесу опять сцепились. Однако артподготовку ни с

чем не перепутать. Да и по железной дороге движение в разы выросло.

Про числа не спрашивайте, – сразу же предупредил Суслик. – Когда немцы из-под Дубуяны рванули, то не знаю. Сбился со счёта. Только рёв движков на дороге услышал.

– Неужели немцы только раз проехали в сторону Дубуяны, а потом обратно? – с недоверием спросил Александр.

– Нет, конечно же, – отмахнулся Суслик. – Немцы по дороге между Четвёрочкой и Дубуяной регулярно ездили. Но то были один грузовик, максимум два. А тут целая колонна прошла. Когда я на дорогу выскочил, то всё, ушли немцы, только на земле следы от шин остались. А потом Красная армия прошла.

– Как это понять «Красная армия прошла»?

– Э-э-э..., – Суслик на миг задумался. – По железной дороге и по грунтовке передовые отряды прошли. А потом по железке эшелоны пошли. Я сразу понял, что это Красная армия: паровозы знакомые, и на каждом большие красные звёзды. Вот так я и понял, что Восточной Карелии больше нет, что она снова стала Карело-Финская ССР.

– Понятно, дальше?

– А дальше я окончательно растерялся, – Суслик расстроился так, будто продал любимую тещу на корм людоедам. – Возвращаться в Кондопогу просто опасно. Пока там советская власть устаканится. Пока там органы все положенные облавы, зачистки и проверки проведут. Если сунуться, так

могут и стенке поставить, лишь бы только под ногами не путался.

Бежать в Финляндию? – от столь глупой мысли Суслик сам же и рассмеялся. – Так фронт же. Его ещё перейти надо, а потом доказать финнам, что не шпион, а политический беженец. А им тогда тоже не до рядовых вспомогательной полиции было. Тоже могли запросто к стенке поставить, лишь бы только под ногами не путался.

Вот так и получилось, – Суслик тяжело вздохнул, – что я подёргался, подёргался, да и повернул обратно в Дубуяну.

– И не страшно было? – не без злорадства поинтересовался Александр.

– Страшно, ещё как, – нехотя, сквозь зубы, признался Суслик. – Да только когда брюхо к позвоночнику прилипло, а ночной холод доконал окончательно, храбрость, она, того, прорезалась сильно. Немцы эти чёрные на своих двоих укатали. Ну, это, – Суслик неопределённо махнул рукой, не побили их как ранее нас с финнами. Вот я и решил, что тому чудо-юдо лесному не до меня будет. А в Дубуяне, по крайней мере, избы тёплые и дров полно. Я, это, когда ещё у финнов при кухне был, несколько раз в деревню за дровами наведывался.

– Понятно, дальше.

– Нашёл я в деревне сарай добротный, тёплый и в нём обосновался. Но вы знаете: избу ещё протопить надо, дров много требуется. А мне много ли одному места надо? А так

печку сложил и экономия хорошая.

– Чем всё это время питался?

– Вот уж точно, что бог послал, тем и питался, – Суслик нервно сглотнул. – Сперва по деревне прошёлся, всё съестное, что удалось найти, всё до крошки подобрал. Ну, это, что ещё испортиться не успело. А тут осень, грибы, ягоды. Что собрал, что сумел впрок засушить. Потом у меня винтовка была с патронами. Какая-никакая охота получилась. Птицу бил, кабанчиков несколько раз добыть удалось. Ну и прочее по мелочи. Силки на зайцев ставил, даже мышами не брезговал.

– Всё равно голодал сильно?

– Всё равно голодал сильно, – эхом отозвался Суслик. – Сам не знаю, как зиму пережил. Весной, оно, несколько легче стало. Да только я сам чуть диким волком не завыл. И вот тогда я понял, что ещё одну такую зиму просто не переживу.

– Опять храбрость прорезалась?

– Да, прорезалась, – с тихим вызовом признался Суслик. – Зимой, особенно в непогоду, времени для раздумий вагон и тележка было. Вот и думал, думал, прикидывал всё, размышлял.

– И чего надумал?

– А чего ещё я мог надумать? – глухо пробурчал Суслик. – Война закончилась, наконец-то, вот я и решил всё же к финнам податься. Но чтобы сразу к стенке не поставили, решил выдать себя за местного ингерманладца, типа, представителя

родственного финнам народа, который пострадал от новоявленных жидов-комиссаров. Не зря же эти самые ингерманландцы во время оккупации от финнов немалыми поблажками пользовались.

– И ты, со всей своей славянской харей, всерьёз надеялся сойти за этого, как там их, – Александр на миг задумался, – ингерманландца?

– А что мне было терять? – тихо возразил Суслик. – Пока сообразят, пока разберутся, много воды утечёт.

– А если бы тебя всё равно обратно выдали?

– А если бы меня обратно всё равно не выдали? – вопросом на вопрос ответил Суслик. – Говорю же, я сам чуть диким волком от жизни такой дикой не завыл. Вот и решил рискнуть. А иначе бы я в этой Дубуяне вконец с голодухи копыта бы отбросил.

– Понятно, дальше.

– Дальше? – словно попугай, повторил Суслик. – А, ну да. Оголодал я сильно, а дорога дальняя, да всё через лес и болота. Вот я и решил, того, магазин в Четвёрочке ограбить. Благо посёлок небольшой, лес к домам вплотную подходит, удрать и спрятаться легко. Я, это, сперва на день под кустом на площади в разведку залёг, наблюдал, значит. Где этот самый магазин находится, как рано продавщица закрывает его и уходит. В ту же ночь, так сказать, пошёл на дело. Вы бы ни за что меня не поймали, да только жадность меня сгубила.

– Это каким же образом жадность тебя сгубила?

– Взломать замок – смех один, ломиком разок провернул, он и сломался. Я как в магазин забрался, как свечку зажёл, так глаза сразу во все стороны разбежались. Еды-то, еды, – Суслик печально понурил голову. – Я-то сначала думал сидр доверху набить и сразу в лес, и пёхом, пёхом, пёхом на запад. А тут... Крупа, сахар, чай, водка. Сам не заметил, как вместо одного сидора ещё два мешка всякой снеди набил.

Меня так никто и не заметил, как я магазин вскрыл и добычу вынес. Из посёлка легко выбрался. А потом, сами знаете, устал сидр и два мешка по лесу тащить. И лишь тогда до меня допёрло, что дурака сваял. Мне бы пожрать как следует, самое нужное отобрать, в единственный сидр сложить, остальное бросить и дёру, дёру, дёру на запад. Да опять же жадность проклятущая сгубила. Я же так отошал, так отошал. А тут жратва нормальная, чай, водка. Как такое богатство бросить? Застрелиться и то легче. Вот я и решил один мешок пока спрятать, а второй всё-таки утащить.

Я, это, пока по лесу шлялся, лодку нашёл, маленькую совсем. Кажется, она ботник называется, охотники с неё птицу бьют. Вот на ботнике этом я и уплыл от Четвёрочки подальше.

Господи, в то утро я впервые за много месяцев пожрал по-человечески, брюхо до самого верха набил. Знал бы как утрамбовать, обязательно утрамбовал бы и ещё пожрал. Мне бы опять за ум взяться, опять лишнее бросить и ходу, ходу, ходу на запад. Так, опять же, жадность не дала. Ведь ночью

в лесу я первый же попавшийся мешок под корнями дерева заныкал. А в нём водка была, четыре бутылки. Уж как мне до усрачки захотелось нормальной водки испить! – лицо Суслика аж покраснело от вожделения. – Я же столько лет нормальной советской водки не пил, всё самогон палёный, от которого потом башка по швам трещит.

В общем, не выдержал я. Как ночь настала, ботник к прежнему месту подошёл и за мешком припрятанным отправился. Сам чёрт меня к этому мешку поганому вывел, нет чтобы в лесу ночном заблудиться, а там и вы со своим пистолетом нарисовались, – зло закончил Суслик. – Кстати, а как вы сумели мешок найти?

– Ясно дело как, – Александр усмехнулся. – У Василия Потапова, местного заядлого охотника, собака имеется, на след натасканная. Вот она к мешку тобой припрятанному и привела. Остальное дело техники.

– И не страшно было меня в тёмном лесу ловить? Заплутать не боялись?

– Что б ты знал, Суслик, – Александр выпрямился на стуле, – я в войну тылы Красной армии охранял, шпионов, диверсантов, недобитков всяких ловил. Что, что, а ходить по ночному лесу и в засаде сидеть я умею.

– А-а-а, понятно, – грустно протянул Суслик. – Ну всё против меня.

– Где второй мешок, сидр и прочее, что ты сожрать не успел? – Александр продолжил допрос.

– Понятно где: в ботнике, на берегу, дожидается. Я думал на этот раз точно на запад рвану.

– Хорошо, – Александр поднял исписанный листок протокола, – сегодня днём схожу, принесу, что ты сожрать не успел. Радуйся, дурень, на тебе всё меньше ущерб висеть будет. Ту же водку, как положено, в магазине продадут.

– Так я и радуюсь, – хмуро произнёс Суслик. – Может теперь пожрать дадите? Заключённых, вообще-то, кормить полагается.

– Дам, дам, – Александр кивнул, – столовая скоро откроется. А, может, и не дам, – Александр раздвинул на столе веером исписанные листы протокола. – Не сходятся твои показания, Суслик, не сходятся.

– Как это не сходятся? – Суслик встрепенулся и ухватился обоими руками за прутья решётки, перспектива остаться без завтрака напугала его не на шутку. – Я же вам всё рассказал, как на духу.

– Всё, да не всё, – Александр положил перед собой очередной чистый лист. – Начнём с того, что ты всю Дубуяну как следует обшмонал.

– Так я уже признал это.

– А бывшие лагеря немцев и финнов?

– С финнами никак не получилось, – Суслик набычился. – Там такая война была, воронка на воронке. Что сумел той ночью после разгрома финнов унести, только то мне и досталось. А что не сгорело, то после либо немцы подобрали, либо

сами финны. Ну, эти, которые выжить сумели. Там, рядом в лесочке, братская могила, финская. Либо немцы всех убитых финнов закопали, либо финны, кто выжил, сами убитых закопали. Но надписи на дощечке могильной точно финские. А с бывшим лагерем немцев так вообще голяк полный оказался. Фрицы забрали с собой всё ценное.

– Понятно, с этим разобрались, – Александр на миг оторвался от записей. – По твоим словам, всё это время, пока ты жил в Дубуяне, ты занимался охотой и собирательством.

– Да, занимался, – Суслик кивнул.

– А как же тогда чудо-юдо лесное? – делано удивился Александр. – Неужели так ни разу и не встретились?

– Гражданин начальник, чудо-юдо лесное где-то на севере от Дубуяны обитает. А я в ту сторону не ходил никогда. Да, боялся. А встречаться... В основном, так сказать, косвенным образом. То и дело на круги натыкался, осенью и весной трава хитрым образом заворачивалась. А зимой, бывало, и снег проседал.

– Круги одинаковые? Или каждый раз разные?

– Э-э-э..., – Суслик задумчиво нахмурил лоб. – Каждый раз линейкой не измерял, но мне кажется, что два, нет, даже три определённых размера всего. Иногда казалось, будто кто-то надомной пролетал, будто сова огромная, волосы на голове так странно шевелились и холодом так окатывало.

– Но, всё-таки, встречался? – с нажимом спросил Александр.

– Один раз, было, – нехотя признал Суслик. – Но только вы, это, не смейтесь. Всё было, как я скажу.

– Суслик, – Александр демонстративно поднял исписанные листы протокола и выразительно потряс ими, – ты тут такого наговорил, что тебя в любую психушку без обследования с руками оторвут. Так что ты уже ничем меня не удивишь и не рассмешишь. Продолжай, давай.

Показания Суслика и в самом деле словно диагноз для психушки. Александр и в самом деле уже устал удивляться, да и смеяться никак не хочется.

– Так вот, – с воодушевлением продолжил Суслик, – мне тогда кабанчика подстрелить удалось. То, что подранка бросать неприлично, фигня это всё. В первую очередь я жрать хотел, вот и рванул за недобитком по следу кровавому. Вот так я и забежал гораздо северней Дубуяны, чего никогда раньше и позже не делал.

Иду я по следу, иду, крови всё больше и больше, доходит, тварь божья, значит. Я уже представляю, как тушку ошкурую, как потом мяса наемся. А тут, – Суслик всплеснул руками, – вижу, на полянке кабанчик мой лежит, на боку, копытами еле шевелит, вот-вот сдохнет окончательно. А над ним марево такое, так, – Суслик зашевелил пальцами. – Ну, как я вам уже говорил, когда в самый первый раз зелёный свет на грузовик упал. Мне тогда чудом удалось ноги унести.

– Я тебя понял, продолжай.

– Так вот, – Суслик нервно сглотнул. – Марево такое над

кабанчиком моим висит, будто тоже ждёт, пока тварь божья сдохнет окончательно. Я от ужаса на месте так и замер. Почему и сумел хорошо всё разглядеть. Это, знаете, даже удивительно. Вроде эта хрень прозрачная, но воздух так интересно вокруг себя закручивает, что контур проступает. Ей богу, будто тазик в воздухе висит.

– Круглый объект с выпуклым дном? – уточнил Александр.

– Точно, – Суслик кивнул, – только, вроде как, прозрачный. Маревое, одним словом. И вдруг этот самый объект с выпуклым дном ко мне полетел. Как я только не обделался, только господь ведаёт. Я тут же развернулся и прочь со всех ног рванул. Этот объект круглый за мной.

– Ты что, оглядывался?

– Нет, – Суслик энергично махнул рукой, – но слышал, как он за мной летел. Звук такой. Чем-то на шелест похож. Если сами услышите, то сразу поймёте. Так вот, за мной этот объект летит. А у меня в левой руке «мосинка», а она тяжёлая. И-и-и..., – Суслик нервно сжал кулаки, – бросил я её. Что было сил и страху в сторону бросил, а сам в другую повернул. И тут же, вот непруха, о какой-то ствол поваленный споткнулся. У меня потом нога сильно болела, а тогда я кубарем на землю полетел. Но полетел очень удачно, кувырнулся через спину и так ловко на ноги поднялся. Вот таким макаром я и обернулся тогда. И, вы не поверите, – Суслик привстал с лавки и опять повис на прутьях решётки, – тот та-

зик прозрачный за винтовкой повернул, пролетел и над ней, родимой, завис.

– И что дальше? – против собственной воли, Александр заинтересовался рассказом беглого полицая.

– Я что ещё могло быть дальше? – чуть не плача, переспросил Суслик. – Я развернулся и дальше побежал, пока этот тазик прозрачный опять за мной не полетел. Так и удрал. Остановился, когда уже сил бежать больше не было. Позже я вышел на северную окраину Дубуяны.

– Именно таким образом ты и потерял свою винтовку? – уточнил Александр.

– Таким образом и потерял, – Суслик печально всплеснул руками. – Почему и оголодал сильно. Патроны у меня ещё были. Иначе, глядишь, и сумел бы прокормиться, и в магазин бы за жратвой не полез бы. Да чего уж теперь.

– Понятно, – Александр старательно записал слова Суслика в протокол. – Коль уж тебе довелось обследовать окрестности Дубуяны, то, может, находил тела убитых финнов, немцев, пропавших жителей деревни, или хотя бы могилы?

– Северной Дубуяны я всего раз забежал, – напомнил Суслик. – А места южнее деревни хорошо исходил, да только не нашёл там ничего, ни трупов, ни могил. Круги только странные.

– Точно не находил? – ещё раз спросил Александр.

– Точно, гражданин начальник, – Суслик кивнул. – Я понимаю, к чему вы клоните – куда тела жителей Дубуяны де-

лись. Но нет ничего. Я не уверен, но, возможно, финны этим же вопросом задавались, тоже искали.

– Откуда такое предположение?

– Так меня майор, что финнами командовал, сам об этом спрашивал. Дескать, нет ли здесь у местных некоего тайного и надёжного места? Да мне откуда знать? Да и на кой хрен оно? Дубуяна сама по себе тайная и надёжная, а всё потому, что нахрен никому не нужна была.

– Тоже верно, – нехотя согласился Александр. – А теперь разберём последнюю нестыковку в твоих показаниях. Это ты от меня в Дубуяне удрал? – словно кулаком в лоб, спросил Александр.

Маленькая провокация прошла на «ура». Суслик вздрогнул, словно и с самым деле получил кулаком в лоб.

– Ваша правда, гражданин начальник, – Суслик насупился. – Весной, когда снег ещё толком сойти не успел, в Дубуяну какой-то охотник заявился. Ну я и не придумал ничего лучше, как лешего изобразить. Загоготал, заухал, заревел во всё горло. А после собственным глазам не поверил, когда этот мужичок в ужасе из деревни пятками засверкал. И вот тогда я понял, что среди местных жителей Дубуяна очень дурную славу обрела. Почему и не рванул сразу на запад в Финляндию. А вот когда в деревне вы с пистолетом на боку появились, вот тогда я серьёзно перепугался.

– Что? Неужели я страшный такой? – не удержался от иронии Александр.

– Нет, дело в другом. Охотничье ружьё – это простой мужик-лапотник. А вот пистолет в кобуре на боку – это уже милиция, это уже власть пришла, – с самым серьёзным видом пояснил Суслик. – Откуда мне было знать, что вы не по мою душу явились?

– Справедливо, – охотно согласился Александр.

Во время оккупации Суслик невольно научился презирать простых советских граждан точно так же, как финны презирали его самого как предателя. А когда беглый полицай понял, что перед ним не обычный мужик-лапотник, а милиционер, вот тогда в его жалкой душонке во всю разыгрался трус.

В целом Суслик рассказал всё, что знал, заодно сознался в ограблении магазина. Александр задал с десяток уточняющих вопросов, после чего протянул Суслику исписанные листы и приказал всё внимательно прочитать. На удивление, беглый полицай прочитал всё и весьма прилежно. Видать, очень боялся найти в своих показаниях поклёп на товарища Сталина.

– А теперь на последнем листе, вот здесь, – Александр ткнул пальцем, – напиши: «С моих слов записано верно» и распишись. Да, на каждом листе распишись, в самом внизу, где я специально место оставил.

Суслик старательно выполнил все требования. Беглый полицай и в самом деле решил сотрудничать со следствием, почему не стал упираться и тем более рвать листы протокола

допроса.

– И что теперь? Меня не расстреляют? – Суслик протянул Александру последний подписанный лист.

– Суслик, – Александр выразительно глянул на беглого полицаю, – ограбление магазина – это наименьший из твоих грехов. Устал я за тобой по лесу бегать, так что в Кондопогу завтра тебя отвезу. Заодно нужно будет украденный товар вернуть и прочие бумаги оформить должным образом. А потом будет суд, может тебя даже в Петрозаводск отвезут. Это не мне решать. Если ты и в самом деле не замешан в массовых казнях мирного населения, а так же не запятнал себя прочими тяжкими преступлениями, то тебя могут и не расстрелять. Гуманная у нас власть, понимаешь. Десять, пятнадцать, в худшем случае двадцать пять лет лагерей тебе дадут. Хотя, будь моя воля, я бы вас, предателей, прямо на фонарных столбах развесил бы.

Суслик в ужасе отпрянул от решётки, голова беглого полицаю гулко ударилась о заднюю стенку.

– Не ссы, – Александр сложил листы протокола стопочкой, – устраивать над тобой самосуд я не буду. Ну а за то, что ты решил всё же сотрудничать со следствием, так и быть, сейчас тебе принесут пожрать. Столовая вот-вот откроется. Нужно же, чтобы ты до суда праведного дожил.

Вот уж точно никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. Суслик понятия не имеет, насколько же он ценный свидетель, если, конечно, не врал, как сивый мерин. Александр

распахнул новенькую бумажную папку с уголовным делом по расследованию ограбления поселкового магазина, однако листы протокола так и не сложил в неё.

В голове забродила некая невнятная мысль. Александр вновь разложит перед собой веером страницы протокола. А, вот то самое место, где Суслик описывает «зелёный свет». Это, это, если вчитаться в текст, это что-то напоминает. Голову на отсечение, о чём-то подобном ранее он уже читал. Но где? Александр сел прямо, Суслик за решёткой камеры предварительного задержания как никогда похож на суслика в клетке, такой же маленький, жалкий и дюже напуганный.

Ладно, хрен с ним, одним движением Александр сгрёб листы протокола в стопку. У него ещё будет время вспомнить, где же ранее ему довелось читать что-то подобное о зелёном свете. А пока его внимания жаждут гораздо более важные и неотложные дела. Вон, Александр покосился на «обезьянник», Суслика покормить надо, да и самому заодно подкрепиться лишним не будет.

Глава 9. Сказка и научная фантастика

– Разрешите, товарищ капитан, – Александр заглянул в кабинет начальника районной милиции через слегка приоткрытую дверь.

– Да, да, заходи, – капитан Давыдов кивнул в ответ и указал на стул перед столом, – присаживайся.

Александр опустился на предложенный стул. Только сегодня утром он привёз в Кондопогу Суслика, беглого полицейая, и с торжественным видом сдал новоявленного уголовника капитану Давыдову. Начальник районной милиции похвалил за проявленное рвение и велел зайти после обеда для более обстоятельной беседы. Как ещё утром понял Александр, капитану Давыдову требуется время для ознакомления с уголовным делом и, заодно, для проверки информации о беглом полицее. Сам Суслик усиленно прикидывался смиренной овечкой, только мало ли что на самом деле он успел натворить во время оккупации.

– Прочитал я материалы дела, – наконец-то начал капитан Давыдов, – прочитал.

Александр покосился на раскрытую бумажную папку на краю стола. Ту самую, которую лично передал капитану Давыдову.

– Вы приятно удивили меня тем, – продолжил капитан Давыдов, – что все необходимые материалы оформили надлежащим образом. Признаться, я думал, что вас придётся учить, а заодно приказать переписать все протоколы. К счастью, этого не потребуется. Но что именно вы записали в протоколе допроса гражданина Сулова, – палец капитана Давыдова выразительно ткнулся в исписанные листы. – Это ни в какие ворота не лезет. Зелёный свет с небес, летающие тарелки и тазики. Потрудитесь объяснить.

Внутренне Александр собрался как перед атакой на вражеские окопы и вытянулся на стуле. Вот оно, то самое, чего и следовало ожидать.

– Товарищ капитан, – Александр собрался с мыслями, – на вашем месте я пришёл бы к точно таким же выводам. Если взглянуть со стороны, то показания Суслика... Виноват, гражданина Сулова. То они и в самом деле похожи на бред сумасшедшего. Однако, как бы это не казалось странным, показания гражданина Сулова то и дело подтверждаются из других источников.

– Интересно, очень интересно, – произнёс капитан Давыдов. – Признаться, вы меня заинтриговали. Слушаю вас.

Какая-никакая, а похвала со стороны начальника, она же возможность объясниться.

– Вот, – Александр выложил на стол перед капитаном Давыдовым бумажную папку. – В рамках полномочий участкового инспектора милиции я возбудил розыскное дело по

факту исчезновения жителей деревни Дубуяна.

– Это та самая деревня, где от оккупантов скрывался ваш отец вместе с семьёй? – уточнил капитан Давыдов.

– Та самая, – Александр кивнул.

– Так, разве, не установлено, что ваша семья, как и прочие жители деревни Дубуяна, стали жертвами карателей?

– Практически со стопроцентной уверенностью я могу заявить, что ни финны, ни немцы никакого отношения к ИСЧЕЗНОВЕНИЮ, – Александр специально выделил слово «исчезновению», – жителей деревни Дубуяна не имеют. Но, позвольте, я расскажу всё по порядку.

– Хорошо, – капитан Давыдов кивнул.

– Перед встречей с вами у меня было почти четыре часа. Я посетил городскую библиотеку, где и познакомился с чудной женщиной Кулибякиной Анастасией Фёдоровной. Она вернулась в Кондопогу в январе сорок пятого, однако она слышала от многих, кому довелось пережить оккупацию, что поздно вечером 1 июня 1945 года в небе над Кондопогой некоторые видели, а слышали так вообще все, метеорит.

– Ну да, я об этом тоже слышал, – признал капитан Давыдов.

– Так же Анастасия Фёдоровна слышала от тех же переживших оккупацию, что через день, 3 июня 1945 года, на поиски места падения метеорита был отправлен отряд полицейских, который в тот же день был уничтожен. Потом 5 июня на поиски метеорита был отправлен отряд финских фронто-

вых разведчиков, который тоже был уничтожен. И, как апофеоз, 13 июня искать всё тот же метеорит отправился отряд эсэсовцев.

В этой части показания гражданина Сулова полностью подтверждаются. Я лично получил эти сведения от Раи Малюковой, коменданта общежития Леспромхоза №4. Но не сомневаюсь, что и в самой Кондопоге найдётся много свидетелей, которые тоже подтвердят и пролёт метеорита, и отправку трёх отрядов на его поиски.

– Согласен, – капитан Давыдов кивнул. – Специально поисками метеорита я не занимался, но слышал как о нём, так и трёх отрядах, что были направлены на его поиски.

– Гражданин Сулов был в том отряде полицаев, что первым был отправлен на поиски метеорита, – продолжил Александр. – Вполне возможно, что он единственный из всего отряда, кто умудрился уцелеть. Он же был в отряде финских фронтовых разведчиков сперва вроде как в роли проводника, а после был оставлен чернорабочим при кухне. Откровенно говоря, в обоих случаях гражданин Сулов уцелел лишь благодаря своей феноменальной трусости.

– Да, я читал показания гражданина Сулова, и что он же был свидетелем, пусть и косвенным, действий третьего отряда поисковиков, на этот раз эсэсовцев. Но всё остальное? Летающие тарелки и тазики.

– В рамках расследования исчезновения местных жителей я лично посетил Дубуяну, – продолжил Александр. – Вот, по-

жалуйста, протоколы осмотра сгоревшего грузовика и деревни в целом. Отдельные протоколы странного случая с простреленными стенами сарая, поваленной сосной и оплавленным валуном. А ещё тех мест, где располагались лагеря финнов и немцев.

Александр выложил перед капитаном Давыдовым протоколы осмотров.

– Но самое главное, – Александр с трудом подавил в собственном голосе такие неуместные нотки торжества, – мне удалось найти кое-какие вещественные доказательства.

С этими словами Александр выложил на стол перед начальником каменную каплю, которую нашёл возле оплавленного валуна, и три оплавленных катышка из песка, что подобрал в воронке в разгромленном финском лагере.

– Со всей серьёзностью заявляю: – Александр выразительно ткнул пальцем в каменную каплю, – обычные снаряды и пули сделать такое с камнем не могут.

Капитан Давыдов принялся с интересом разглядывать вещественные доказательства. Больше всего его заинтересовала каменная капля.

– Удивительно, – капитан Давыдов опустил обратно на стол каменную каплю, – ничего подобного раньше я не видел. Хотя подобные катышки, говорят, можно найти на местах грандиозных пожаров.

– Товарищ капитан, – тут же произнёс Александр, – в моих протоколах чётко указано, где именно я нашёл каменную

каплю и оплавленные катыши. Вы можете лично проверить мои показания. Уверен, что на месте вы сами сможете найти и каменные капли, пусть и гораздо меньше этой, – Александр ткнул пальцем в каплю на столе, – и оплавленные катышки из песка.

– Ладно, верю, – капитан Давыдов махнул рукой. – Ваше расследование зашло достаточно далеко, чтобы на проверку вдруг оказаться глупой и неуместной шуткой. Но, признаться, вы ещё больше меня заинтриговали. Продолжайте.

Александр тихо перевёл дух. Капитан Давыдов не зря занимает должность начальника районной милиции. У капитана хватило и ума, и серьёзности, и здравого смысла, чтобы тупо не отмахнуться от бредовых показаний беглого прихвостня оккупантов.

– Среди прочего, – с воодушевлением продолжил Александр, – я обследовал не только саму Дубуюну, но и её ближайшие окрестности. Ни трупов, ни костей, ни могил, ни даже наспех заваленных ям я так же не нашёл. А если учесть показания гражданина Сулова, то можно сделать более чем смелое предположение: – Александр на миг умолк, но почти сразу продолжил, – оккупанты, что финны, что немцы, не имеют никакого отношения к исчезновению жителей деревни Дубуяна.

– Иначе говоря, – капитан Давыдов подхватил его мысль, – ни финны, ни немцы жителей Дубуяны не расстреливали, не жгли живьём, не убивали иным образом.

– Так точно, – Александр кивнул. – По косвенным данным можно предположить, что на июнь 1944 года в Дубуяне проживало около тридцати человек. Но у карателей не было никакого резона прятать либо иным образом уничтожать трупы. Если уж на то пошло, то ни финны, ни немцы саму деревню так и не спалили.

Капитан Давыдов на минутку задумался.

– Хорошо, – капитан Давыдов вновь глянул на Александра. – Если предположить, что каратели к исчезновению жителей Дубуяны не имеют никакого отношения, тогда, чёрт побери, что же там произошло?

Начальник районной милиции так и не сумел сдержать собственное раздражение.

– Вы ещё забыли спросить, куда делся метеорит, и с чем столкнулись сперва полицаи, потом финны и, под конец, немцы. И кто расправился с полицияями и финнами, и с кем успели повоевать немцы. Я уверен, – Александр поднял перед собой руку, – это всё звенья одной цепи.

От таких слов капитан Давыдов усмехнулся, былое раздражение начальника районной милиции испарилось, словно по волшебству.

– Продолжайте, товарищ старший сержант, – капитан Давыдов улыбнулся. – По глазам вашим вижу: какая-никакая, но, всё-таки, версия у вас есть.

– Так точно, товарищ капитан, – Александр улыбнулся в ответ. – Ещё допрашивая гражданина Сулова, у меня сло-

жилось впечатление, что я уже где-то читал о зелёном свете. А потому сегодня утром, едва вы меня отпустили, я направился в районную библиотеку, где и познакомился с чудной женщиной Кулибякиной Анастасией Фёдоровной.

– Вы её допросили о событиях июня сорок четвёртого, – уточнил капитан Давыдов.

– Так точно, – тут же подтвердил Александр, – но это уже по ходу дела. Главное же, я в несколько других словах, не раскрывая подробностей дознания по делу гражданина Сулова, рассказал о зелёном свете. Анастасия Фёдоровна тут же принесла мне две книги.

Александр выразительно умолк, однако капитан Давыдов лишь кивнул, чем разрешил продолжить объяснение.

– Разрешите, я, лучше, сразу прочитаю.

Александр вытащил из планшетки книгу, между страниц которой торчит несколько закладок из сложенных бумажек.

– Вот, послушайте: – Александр распахнул книгу.

«На краю воронки стояла кучка людей с белым флагом, оцепеневших от изумления, маленькие чёрные силуэты вырисовывались на фоне неба над чёрной землёй. Вспышка зелёного дыма осветила на миг их бледно-зеленоватые лица.

Шипение перешло сперва в глухое жужжание, потом в громкое непрерывное гудение; из ямы вытянулась горбатая тень, и сверкнул луч какого-то искусственного света.

Языки пламени, ослепительный огонь перекинулись на кучку людей. Казалось, невидимая струя ударила в них и

вспыхнула белым сиянием. Мгновенно каждый из них превратился как бы в горящий факел.

При свете пожиравшего их пламени я видел, как они шатались и падали, находившиеся позади разбегались в разные стороны.

Я стоял и смотрел, ещё не вполне сознавая, что это смерть перебегает по толпе от одного к другому. Я понял только, что произошло нечто странное. Почти бесшумная ослепительная вспышка света – и человек падает ничком и лежит неподвижно. От невидимого пламени загорались сосны, потрескивая, вспыхивал сухой дрок. Даже вдалеке, у Нэп-Хилла, занялись деревья, заборы, деревянные постройки.»

– Вот ещё интересный отрывок, – Александр разом перелистнул несколько десятков страниц.

«Миноносец всё ещё боролся; руль, по-видимому, был не повреждён, и машины работали. Он шёл прямо на второго марсианина и находился в ста ярдах от него, когда тот направил на «Сына грома» тепловой луч. Палуба и трубы с грохотом взлетели вверх среди ослепительного пламени. Марсианин пошатнулся от взрыва, и через секунду пылающие обломки судна, всё ещё нёсшиеся вперёд по инерции, ударили и подмяли его, как картонную куклу. Брат невольно вскрикнул. Снова всё скрылось в хаосе кипящей воды и пара.»

– А вот этот отрывок меня едва не убил, – Александр перелистнул ещё несколько десятков страниц, но уже в обратном направлении.

«Затем наступила ночь первой падающей звезды. Её заметили на рассвете; она неслась над Винчестером, к востоку, очень высоко, чертя огненную линию. Сотни людей видели её и приняли за обыкновенную падающую звезду. По описанию Элбина, она оставляла за собой зеленоватую полосу, горевшую несколько секунд. Деннинг, наш величайший авторитет по метеоритам, утверждал, что она стала заметна уже на расстоянии девяноста или ста миль. Ему показалось, что она упала на Землю приблизительно за сто миль к востоку от того места, где он находился.»

– Да что это за книга такая? – капитан Давыдов едва не подпрыгнул на стуле от удивления.

– Герберт Уэллс «Война миров», – Александр выразительно захлопнул книгу.

– Как будто из протокола допроса гражданина Сулова, – нехотя признал капитан Давыдов.

– Книга «Война миров» была издана ещё в прошлом веке, в 1898 году, если быть точным, – пояснил Александр.

– То есть, вы хотите сказать, – капитан Давыдов нахмурился, – что 1 июня 1944 года над Кондопогой пролетел космический корабль марсиан? Они же уничтожили сперва полицаев, чуть позже финнов, а потом ещё успели повоевать с немцами?

– Марсиане это были или нет – сказать точно я не могу, – осторожно ответил Александр. – Однако, если предположить, что метеорит – это космический корабль марсиан, а

зелёный свет – тепловой луч, то получается более чем правдоподобная версия. По крайней мере, в неё отлично укладываются все известные нам факты.

– Но это же художественное произведение, сказка, вымысел, – произнёс капитан Давыдов.

– Вы знаете, товарищ капитан, – Александр невольно улыбнулся, – уважаемой Анастасии Фёдоровне я заявил точно так же, почти слово в слово. На что библиотекарша ответила мне, что книга «Война миров» хоть и вымысел, но во все не сказка, а научная фантастика.

– И какая же разница между «сказкой» и «научной фантастикой»? – в голосе капитана Давыдова звякнул сарказм.

– В сказках описывается то, чего нет и не будет. Вряд ли наши учёные когда-нибудь изобретут говорящих щук и кирпичные печи, что будут ездить сами по себе без колёс и гусениц. Тогда как в научной фантастике описывают то, чего сегодня нет, но что вполне возможно появится завтра, – пояснил Александр.

Как я уже говорил, Анастасия Фёдоровна принесла мне две книги, – с этими словами Александр вытащил из планшетки ещё один бумажный томик. – Это Жюль Верн «80000 километров под водой». Здесь автор весьма детально описывает подводную лодку.

– И что здесь такого? – капитан Давыдов делано удивился. – В войну наши доблестные подводники столько фрицев потопили.

– В этом вся соль, товарищ капитан, – Александр едва сдержался, чтобы не улыбнуться с видом тотального превосходства. – Книга «80000 километров под водой» была издана в 1870 году. А тогда никаких подводных лодок не было. Жюль Верну точно так же говорили, что это всё вымысел, сказка, что никаких аппаратов, что могут плавать под водой, нет и быть не может. Однако уже в Империалистическую войну подводные лодки громко заявили о себе. Именно так научная фантастика, в данном случае подводные лодки, стала реальностью.

– Хм-м-м..., – озадаченно протянул капитан Давыдов.

Начальник районной милиции задумался, крепко задумался. Александр принялся терпеливо ждать. Признаться, он и сам не сразу поверил в подобное. Однако Анастасия Фёдоровна двумя книгами не ограничилась, а принесла ещё четыре и прочла целую лекцию. К стыду своему Александр осознал, как же он много упустил, когда, после окончания школы, практически забросил чтение. Если не считать газет, разумеется.

– Хорошо, – наконец-то произнёс капитан Давыдов, – метеорит – это космический корабль марсиан, зелёный свет – это... Как там его?

– Тепловой луч огромной разрушительной силы, – подсказал Александр.

– Да, огромной разрушительной силы. Тогда почему марсиане грохнули полицаев сразу, финнов грохнули чуть поз-

же, а немцев не тронули вовсе?

– Насчёт немцев у меня такой уверенности нет, – произнёс Александр. – Как я указал в протоколе, в бывшем лагере эсэсовцев в изобилии валяются стрелянные пулемётные гильзы. А ещё нет никакой ясности, зачем марсиане похитили жителей Дубуяны?

– Вы хотите сказать, – глаза капитана Давыдова недоверчиво сузились, – что жителей Дубуяны похитили марсиане?

– Это всего лишь версия, товарищ капитан, – пояснил Александр. – Да, не буду отрицать очевидное: в версии с марсианами много пробелов. Но, опять же, именно в неё укладываются все известные на данный момент факты.

– И как же вы собираетесь проверить эту версию?

– Единственным возможным образом – самому прочесать местность вокруг Дубуяны. В первую очередь, конечно же, северней деревни. Если гражданин Суслов не врёт, то именно в том направлении сосредоточили все свои усилия сперва финны, а потом и немцы.

– И что вы надеетесь найти?

– Понятия не имею, товарищ капитан, – честно признал Александр. – Лишь одно могу сказать точно – гораздо более серьёзные вещественные доказательства, нежели это и это, – Александр ткнул пальцем сперва в каменную каплю, а потом в оплавленный катышек. – Пока у меня сложилось впечатление, что действия марсиан носят хаотический характер. Вполне возможно, что посадка космического корабля была

вынужденной, может даже аварийной. А в таких условиях, да ещё с перепугу, легко наломать дров.

– Надеюсь, вы понимаете, товарищ старший сержант, что вышестоящее начальство сперва вас, а потом и меня, на смех поднимет. И это в лучшем случае. В худшем может возникнуть вопрос о несоответствии занимаемой должности сперва вас, а потом и меня.

– Прекрасно понимаю, товарищ капитан, – заверил Александр. – Но, с другой стороны, я не имею права действовать за вашей спиной.

– Это точно, – нехотя признал капитан Давыдов. – Иначе говоря, вам требуется моё одобрение, хотя бы устное.

– Так точно, – Александр кивнул. – От Четвёрочки до Дубяны пятнадцать километров. Я физически не могу каждый вечер после работы наведываться в деревню, проводить поиски, а потом возвращаться назад, чтобы с утра вновь быть на рабочем месте. Да, мне, как и любому гражданину СССР, полагаются два выходных дня, суббота и воскресенье. Но не мне объяснять вам, что как раз на выходные дни чаще всего и возникает нужда в участковом инспекторе милиции. Как ещё на первом инструктаже вы сами предупредили меня, участковый – понятие круглосуточное.

– Я понял вас, – капитан Давыдов откинулся на спинку стула, – вам нужно разрешение отлучаться из Четвёрочки на несколько дней по будням.

– Так точно, – Александр кивнул.

– Ну что же, предлагаю поступить следующим образом: пятница, суббота, воскресенье и понедельник вы будете находиться на рабочем месте; вторник, среда и четверг, так и быть, вы можете посвятить поискам в районе Дубуяны. Такой график вас устроит?

– Более чем, – с радостью согласился Александр. – Мне бы ещё фотоаппарат. А то, сами понимаете: одно дело протокол, и совсем другое фотографическая карточка.

– Понимаю, но, увы, – капитан Давыдов виновато развёл руки в стороны, – фотоаппарата даже у меня нет. Фотолабораторию в Кондопоге ещё только предстоит воссоздать. Но, обещаю, как только появится такая возможность, обязательно выделю вам фотоаппарат и фотоплёнку. В перспективе, в принципе, помогу организовать фотолабораторию прямо у вас в Четвёрочке. Но только в перспективе. А пока, раз в неделю, буду ждать от вас письменных отчётов.

– Будет исполнено, – с радостью ответил Александр.

– Раз такое дело, то могу выдать вам ППШ-41, – предложил капитан Давыдов.

– Лучше ППС, ещё лучше ППС-43, – тут же попросил Александр.

– Хорошо, ППС у нас есть. Если найдётся образца сорок третьего года, то выдам вам образец сорок третьего года, – легко согласился капитан Давыдов.

Пистолет-пулемёт Шпагина отлично зарекомендовал себя на полях сражений минувшей войны. Простой и надёж-

ный, ёмкий магазин барабанного типа на семьдесят один патрон. Но ППШ-41 несколько тяжеловат, больше пяти килограмм со снаряженным барабаном. Почему прямо во время войны и был принят на вооружение пистолет-пулемёт Судаева, ППС-42, и, несколько позже, ППС-43 более продвинутой конструкции.

По сравнению с ППШ, пистолет-пулемёт Судаева более лёгкий, компактный и удобный. В первую очередь им вооружали разведчиков, танкистов, связистов и прочих, кому не приходилось каждый день воевать с ним, но кому требовалось иметь гораздо более серьёзное оружие, нежели пистолет.

– Ещё просьбы будут? – спросил капитан Давыдов.

– Никак нет, – ответил Александр.

– Ох, старший сержант, – капитан Давыдов качнул головой, – чудное дело вы затеяли. Но, как я понимаю, в первую очередь вас интересуют не марсиане. Вы не теряете надежду узнать, что же на самом деле произошло с вашей семьёй. Я прав?

– Так точно, товарищ капитан, – Александр не стал отпираться. – Как не странно, одно дело осознавать, что твои родные стали жертвой оккупантов. В СССР очень многие потеряли в оккупации родных и близких. А тут даже не чертовщина, а какая-то научная фантастика вырисовывается. Честно говоря, мне и самому не верится, что где-то по лесу северней Дубуяны шатаются какие-то там марсиане.

– Тут я с вами полностью согласен, – капитан Давыдов понимающе кивнул. – Работайте, товарищ старший сержант, работайте. Желая вам тем или иным образом докопаться до правды. А розыскное дело вы и дальше ведите. После допроса гражданина Сулова, придумать нечто ещё более невероятное сложно, если вообще возможно. Главное, соблюдайте Уголовно-процессуальный кодекс.

– Непременно, товарищ капитан, – заверил Александр.

На этом разговор с начальником закончился. Капитан Давыдов, как и обещал, нашёл-таки на складе единственный ППС и торжественно вручил пистолет-пулемёт Александру. Тем же вечером подвернулась попутная машина до Четвёрочки. Ещё до наступления темноты Александр вернулся домой. Одобрение от начальства на дальнейшие поиски получено, и это пока самое важное.

Глава 10. Летающий тазик

По задумке немцев сие свободное от деревьев пространство должно было стать дорогой. Возможно, оно бы и стало дорогой, пусть лесной, узкой, грунтовой, но дорогой, по которой может проехать пусть не городской автобус со школьниками, так хотя бы мощный армейский грузовик. Александр в очередной раз присел на колено возле толстой сосны и замер. Руки сами собой вытащили из-за спины ППС. Ствол с сошкой прицела принялся медленно скользить из стороны в сторону.

Тишина. Лесная тишина. Чирикают невидимые в ветвях птицы, где-то рядом стучит дятел, да ветер шумит. Ни разговоров, ни рёва моторов, ни тем более стрельбы не слышно, однако на душе всё равно беспокойно. А раз беспокойно, то не будет лишним присесть, притаиться, прислушаться и тщательно оглядеться по сторонам. Во время войны Александр научился доверять собственной интуиции. Иначе нельзя. Как не горько это признавать, но немцы – хорошие солдаты, какими бы дебилами не рисовали их на плакатах. А в диверсанты так вообще отбирали самых лучших.

Но нет, всё тихо. Александр вновь осторожно поднялся на ноги. Идти с пистолетом-пулемётом наперевес не очень удобно, зато гораздо спокойней. Ещё бы тонкие веточки, что скрылись в густой траве, не хрустели бы время от времени

на всю округу.

После памятного разговора с капитаном Давыдовым прошло больше недели. Александр изо всех сил рвался в бой. Сам не ожидал, насколько же сильно вся эта чертовщина с марсианами застрянет у него в голове. Однако первые же три дня, вторник, среда и четверг, пришлось потратить на организацию постоянной базы в Дубуяне.

В первую очередь Александр оборудовал ночлег. Так-то можно было бы поселиться в том же тёплом сарае, где минувшую зиму терпеливо голодал Суслик. Только Александр, откровенно говоря, побрезговал им. В «наследство» беглый полицаи мог запросто оставить блох, клопов и вшей. Пришлось искать новый, ибо протопить небольшой сарай и в самом деле легче и проще, чем избу. Хорошо, что хоть с дровами возиться не пришлось. Пропавшие жители заготовили топлива впрок, даже немцы с финнами не успели их сжечь.

Во вторую очередь пришлось завести побольше продовольствия. Александр потратил все свои и без того невеликие денежные средства. Хорошо, что хоть Аркадий Назарьевич, председатель леспромхоза, пришёл на выручку родной милиции. По его личному распоряжению Александр получил в столовой леспромхоза небольшие мешки гречневой крупы и макарон, так сказать, авансом. Заодно председатель позволил взять в конюшне леспромхоза телегу с конём и свезти все припасы разом в Дубуяну. Увы, но верховую лошадь для поиска Аркадий Никифорович выделить отказал-

ся наотрез. Леспромхоз и так только-только встаёт на ноги.

Зато на следующую неделю, ещё в понедельник вечером, Александр сразу отправился в Дубуяну и, с рассветом во вторник, принялся за поиски. Сперва Александр как следует ещё раз обошёл Дубуяну и её ближайшие окрестности. В среду впервые углубился дальше на север и, к собственному удивлению, наткнулся на дорогу. Точнее, на заброшенную, даже толком недостроенную, но, всё же, дорогу.

Элементарный осмотр помог понять главное – немцы для какой-то надобности решили проложить дорогу в северном направлении. Пусть самую элементарную, грунтовую и узкую, но дорогу. Где-то вполне хватило свалить деревья. Где-то пришлось сперва валить толстые стволы, а под пеньки закладывать динамитные шашки и взрывать. Однако с тех пор высокая трава затянула едва заметную просеку, следом в атаку перешли кусты. Ещё несколько лет и так называемая дорога вновь станет непроезжей. Ну, за исключением тяжёлой техники, танков, например.

Как бы то ни было, а так называемая дорога задала очень хорошее направление для поисков. Ведь куда-то она должна была привести. Вот почему в четверг с утра пораньше Александр отправился напрямик по едва пробитой через лес дороге на север. На удивление, за столь короткий срок немцы успели пробить не меньше четырёх-пяти километров. И всё бы ничего, однако буквально на последних сотнях метрах на Александра навалилось дурное предчувствие.

Дорога изгибается и петляет весьма причудливым образом. На миг Александр остановился возле толстой ели с ободранной корой. Немцы как могли старались экономить и время, и взрывчатку. На душе всё тревожней и тревожней, но Александр твёрдо решил дойти до конца. Или хотя бы до конца этой дороги.

Поворот, ещё поворот.

– Ах ты чёрт, – прошептал Александр и опустился на колени.

Ствол ППС смотрит вперёд. Александр напряг глаза. Среди деревьев угадывается силуэт какой-то чёрной машины. Однако всё тихо, ни шагов, ни голосов, ни рёва моторов. Александр вновь поднялся на ноги.

Это, это... Александр подошёл ближе, это немецкий полугусеничный транспортёр с характерными наклонёнными бортами. Стальные гусеницы вместо задних колёс существенно повышают проходимость – весьма ценное качество для здешних мест. На таком транспорте можно и личный состав перевозить, и различные грузы, и буксировать пушки и гаубицы. Хорошая машина, да только никуда она больше отсюда не поедет.

Спрашивается, чего тут бояться? Александр обошёл некогда грозную боевую машину кругом. По бортам до сих пор закреплены знаменитые «циркуляционные пилы Гитлера», пулемёты MG-42. От привычной тёмно-зелёной камуфлированной окраски не осталось и следа. Бронетранспортёр не

просто подбит. Нет. Он сгорел самым натуральным образом. На язык само просится слово «дотла». Хотя, конечно, это не так. Броня почернела до голого металла. От шин передней пары колёс остались лишь голые ободки. Александр уже видел подобное с грузовиком на дороге возле Дубуяны.

Что же такое случилось с броневиком? Те самые тепловые лучи, что были описаны в романе Герберта Уэлса? Тогда... Александр забрался на длинный капот, должны быть... А вот и она. Маленьким овальным провалом зияет дыра. Тепловой луч легко пробил броню. Точнее, палец прошёлся по оплавленному краю, прожёл металл. Причём, не один раз, а... Александр поднял голову, не меньше четырёх раз. В немецкий броневик угодила целая очередь. Но это ещё не всё.

За год дожди и снег смыли с брони всю копоть. Вопреки ожиданиям, ладони и коленки остались чистыми. Однако чуть овальные отверстия помогли определить, пусть и весьма приблизительно, угол, под которым в боевую машину угодили тепловые лучи марсиан. Получается... Александр поднял голову.

– Ни хрена себе, – удивлённо выдохнул Александр.

Штурмовик марсиан, или как он там называется на самом деле, зашёл на немецкий броневик с западного направления. Причём, очень низко, над самыми кронами деревьев. Причём, стрелял он, в буквальном смысле, через лес. Несколько стволов срезаны словно ножом. Александр опустил голову и

проследил глазами к ближайшей дыре. Точно! Отлично видно, как тепловой луч сперва срезал тонкую вершину сосны, а потом угодил в длинный капот полугусеничного транспортера.

Новое дело! Александр задумчиво нахмурился. А как же, тогда, штурмовик марсиан прицелился? Бронетранспортёр стоял на месте? Но даже если это так и было на самом деле, то за деревьями его всё равно не видно. Новоявленная дорога настолько узкая, что вряд ли её можно разглядеть даже с воздуха. Уж точно не в первом приближении.

Полугусеничный бронетранспортёр сгорел капитально, можно смело сказать, сгорел с гарантией. Только всё равно нужно довести осмотр до конца. Александр перебрался с длинного капота в открытый кузов.

– Ну, дела, – Александр лишь качнул головой.

В напрочь сгоревшем недалеко от Дубуяны грузовике чего, чего, а трупов не было. Здесь же, Александр невольно прижался спиной к борту, эсэсовцам крупно не повезло. Не меньше пяти верных приспешников Гитлера нашли здесь свою смерть. Может даже и больше. Тела очень сильно обгорели. Мундиры так вообще в пепел, ремни и сапоги ненамного лучше. Каски и бляхи ремней покорёжило от жара. А пуговицы так вообще расплавились. В результате кости стали хрупкими. С момента пожара прошёл год, костяные останки почти разрушились. Теперь даже профессиональный патологоанатом вряд ли сумеет собрать из костей хотя

бы один целый скелет.

Больше всего не повезло водителю. Тепловой луч марсиан угодил ему в левый бок и буквально взорвал тело, словно фугасный снаряд. Черепа нет совсем. Правая рука отлетела к правому борту, а левая упала рядом на пол. Остальные эсэсовцы валяются на полу боевой машины сторевшими грудями костей.

Огонь не пощадил боеприпасы. Патронные ящики к пулемётам разорваны в клочья. Александр осторожно переступил через обугленный костяк. Что же получается? Марсиане атаквали немцев, это понятно. В свою очередь эсэсовцы отступили, а то и убежали. На последнее более чем жирно намекают брошенные тела, которые так никто и не озаботился предать земле. Да хотя бы закопать в одной братской могиле прямо здесь на обочине дороги.

Нервы и без того натянуты, словно гитарные струны. Александр дёрнулся всем телом, когда на него сверху упал лёгкий шелест. Будто и этого мало, следом пролился холодный воздух, а волосы под пилоткой зашевелились словно живые. Александр медленно развернулся.

Твою мать! Руки судорожно выдернули на изготовку к стрельбе пистолет-пулемёт. Неимоверным усилием воли Александр едва сдержался, чтобы не вдавить со всей дури спусковой крючок.

Марево. Над Александром зависло то самое марево, о котором говорил Суслик. Дневной свет преломляется словно в

стеклянном почти прозрачном шарике. Хотя по форме марево не шарик, а, чёрт побери, самый настоящий тазик. Точно, Александр медленно распластался по борту бронетранспортёра, всё как Суслик говорил.

И что теперь? Душа в ужасе мечется в левой пятке. Жуть как хочется рвануть из бронетранспортёра прочь! Но нет, Александр лишь плотнее стиснул зубы. Поздняк метаться. Летающий тазик стреляет тепловыми лучами, об этом тоже Суслик рассказывал. Но раз он до сих пор так и не выстрелил, то не стоит дёргаться, провоцировать его. Кто знает, что в голове у этого летающего марсианского тазика.

Ещё один урок, который Александру довелось усвоить во время войны: если противник смотрит на тебя в упор, но не стреляет, то это ещё не значит, что он тебя заметил. Люди весьма невнимательны, а гражданские невнимательны до жути. Вот и этот «тазик» хоть и «смотрит в упор», но пока не стреляет. А раз так, то ненужно дёргаться раньше времени, не нужно провоцировать его.

Окутанный непонятным маревом летающий тазик в задумчивости завис на горелым бронетранспортёром. Александр чувствует себя не живым, не мёртвым. Но вот марсианская хрень медленно отвалила в сторону. Тихий шелест перевалился за борт, да и холодный воздух перестал литься на лицо словно студёная вода из ушата. Александр медленно перевёл дух и чуть приподнялся на ногах.

Жуткая смесь зависти и восторга вырвалась из груди вме-

сте с тихим выдохом. Вот это маскировка! Летающий тазик успел отлететь от горелого бронетранспортёра едва ли на несколько метров, однако уже сейчас его едва можно заметить на фоне леса. Словно зачарованный, Александр проводил глазами непонятно что марсианского производства. Но вот «летающий тазик» поднялся над деревьями и пропал, будто растворилось в синем небе где-то в восточном направлении.

И что теперь? А теперь самое время уносить ноги. Александр легко выскользнул из кузова горелого бронетранспортёра. И ходу, ходу, ходу. Прежним путём, по едва проторённой, но уже сильно заросшей травой, дороге Александр торопливо отправился обратно в Дубуяну.

Лишь на окраине брошенной деревни, когда лесная опушка осталась за спиной, Александр несколько успокоился и пришёл в себя. Чего уж там врать самому себе – перепугался так, что едва не наложил в штаны. На войне и то не так страшно было. А всё потому, что опасность там была знакомая, даже привычная. Здесь же, Александр судорожно бросил взгляд на лесную опушку, непонятно что, едва видимое невооружённым взглядом, летает непонятно как, да ещё стреляет тепловыми лучами.

Возле утеплённого сарая Александр без сил опустился на грубую скамью из толстых досок. Рядом на траву плюхнулся вещмешок. Чёрт побери, сюрприз, однако: показания Суслика подтвердились самым невероятным образом. Одно де-

ло круги на полях и даже воронки от взрывов, и совсем другое дело узреть непонятно что, которое летает непонятно как и при этом обладает невероятной маскировкой. Лишь возле постоянной базы Александр окончательно пришёл в себя, а голова опять начала рассуждать логически.

По словам Суслика, ему тоже довелось встретиться с летающим тазиком северней Дубуяны. Тогда беглому полицаю тоже удалось удрать, хоть он и потерял винтовку. Но, но, но... Александр задумчиво нахмурился. Как любил повторять капитан Агапов, под чьим командованием Александру довелось ловить немецких шпионов и диверсантов, просто так и ворона не каркает. Летающий тазик летает не просто так. Он, он... Он патрулирует территорию.

Точно, Александр кисло улыбнулся. Космический корабль марсиан всё ещё здесь, где-то северней Дубуяны, и вряд ли очень далеко. Почему марсиане так и не улетели – это другой вопрос. Если получится найти на него ответ, то будет очень хорошо. Сейчас же важно решить другое – что делать? Летающий тазик пролетел мимо и не заметил, но нет никакой гарантии, что не заметит во второй и последующие разы. А как вообще он замечает людей, технику и прочие потенциально опасные объекты? Александр задумчиво нахмурился. А если ночь? А если через деревья? Хотя... Есть идея.

Александр поднялся с лавки и машинально подхватил с земли вещмешок. На сегодня, да и вообще на эту неделю, поиски закончены. Он вернётся в Дубуяну в следующий втор-

ник. Времени более чем достаточно, чтобы всё как следует обмозговать и подготовиться.

Глава 11. Аварийная посадка

Хорошо знакомое марево, что едва можно заметить на фоне деревьев. Всё та же чуть пробитая немцами лесная дорога северней Дубуяны, но почти неделю спустя. Лишь вблизи в глубине марева можно узнать летающий тазик марсиан. Александр всем телом прижался к толстому стволу старой берёзы, пальцы ощутили чуть влажную шершавую прохладу. От волнения сердце молотит в груди так, что отдаётся гулом в ушах.

Сработает или нет? Сработает или нет? Летающий тазик всё ближе и ближе. Вот уже отчётливо слышен слабый шелест и веет холодом. Непонятно как, непонятно зачем и по какой причине, однако от летающего разведчика марсиан несёт жутким холодом. Вот и волосы на голове зашевелились, будто решили зажить собственной жизнью. Так сработает или нет?

Летающий тазик марсиан слабо прошелестел над головой. Александр поёжился, опять будто окатило ледяной водой. Однако отлично замаскированный разведчик марсиан без остановки проследовал дальше над едва пробитой немцами лесной дороге. Там, дальше, примерно в двух-трёх сотнях метрах, стоит тот самый сильно обгоревший бронетранспортёр.

Но вот шелест пропал, холод пропал, а летающий тазик

окончательно растворился в воздухе. Александр прислонился спиной к берёзе и без сил сполз на землю.

Сработало! Александр нервно улыбнулся. Чёрт побери, сработало самым невероятный образом! От радости хочется хохотать во всё горло, а потом плясать. Ещё жуть как хочется начать горланить самые похабные частушки. Но не стоит шуметь в лесу. Лес, того, шум не любит. Да и не стоит искушать судьбу. Как знать, может быть этот плохо видимый разведчик среагирует на шум и вернётся. Нет, Александр с усилием воли поднялся на ноги, лучше продолжить движение.

Встреча с летающим тазиком марсиан самым блестящим образом подтвердила изначальное предположение – почти невидимый разведчик патрулирует местность. Естественно, в первую очередь он стережёт дорогу. Ведь именно по ней в первую очередь пройдёт вероятный противник, и на ней же, если что вернее всего будет его перехватить и уничтожить. Но именно по этим же причинам именно на этой едва пробитой через лес немцами узкой дороге Александр решил проверить свою идею на грани здравого смысла.

Ещё на прошлой неделе, когда Александр благополучно ушёл от марсианского разведчика, его самым серьёзным образом заинтересовало, почему же этот летающий тазик его не заметил? И при этом при том, что марсиане более чем успешно разгромили полицаев, финнов, да и немцам навалили по самые помидоры. Причина подтвердилась буквально только что – в первую очередь, а то и в единственную,

разведчик реагирует на металл. Стальная громада сгоревшего бронетранспортёра очень вовремя прикрыла Александра от «глаз» марсианского разведчика.

Научно-технический прогресс не стоит на месте. Во время службы в Войсках НКВД по охране тыла Александр слышал, что небо на подступах к Москве стерегут так называемые радары. Для обнаружения самолётов, даже ночью, даже в густых облаках, учёные додумались использовать радиоволны. Признаться, Александр до сих пор весьма и весьма смутно представляет, как работают эти самые радары. Однако кое-что он сумел узнать точно – в первую очередь радары замечают железо, сталь и металлы вообще.

Если подумать, то использовать радар для обнаружения противника в густом лесу – самое то. Дикае звери, будь то кабан, медведь или олень, вряд ли будут вооружены стальной винтовкой и гранатами в чугунной «рубашке». Какие там винтовки? У дикого оленя нет даже стальных подков на копытах. А вот человек, как единственный возможный противник, едва ли не в прямом смысле нашпигован металлом. Те же стальные винтовки и гранаты с чугунными «рубашками». А ещё ременная пряжка, пуговицы, подкованные сапоги. В вещмешке любого уважающего себя солдата в обязательном порядке найдётся котелок, фляжка, бритва, ложка, тарелка, нож, да и мало ли что ещё. Безумная идея, как скрыться от летающего тазика марсиан, как раз в том и состояла – целиком и полностью избавиться от металла в собственном сна-

ряжении.

Решить легко, а вот избавиться от металла на практике оказалось очень даже сложно. Александр понятия не имел, до какой же степени он сам едва ли не в прямом смысле нашпигован железом. В первую очередь, едва ли не со слезами на глазах, пришлось отказаться от оружия. ТТ и ППС теперь надёжно припрятаны в Дубуяне, в том самом утеплённом сарае, где он организовал базу. Легче всего удалось заменить стальные ложку с тарелкой на деревянные. Без проблем нашлась замена для кожаного ремня с металлической пряжкой. Деревянные пуговицы сменили алюминиевые. Чтобы обойтись без котелка и ножа, запас провизии, хлеб с ветчиной, пришлось заранее, ещё на базе, порезать на бутерброды. Пузатую армейскую фляжку сменили стеклянные бутылки с деревянными пробками.

Сложней всего пришлось с сапогами. Едва ли не библейским чудом оказалось то, что у Василия Потапова нашлись самодельные охотничьи сапоги. В обмен Александр отдал свои добротные армейские кирзачи. Зато теперь в новый разведывательный рейд по едва пробитой немцами лесной дороге Александр отправился без единого грамма металла в собственной амуниции. Да ещё с тихой радостью, что у него в зубах нет ни одной металлической пломбы или коронки.

Но оно того стоило! Прямо на ходу Александр улыбнулся, однако тут же бросил настороженный взгляд назад. Сработало – для почти невидимого разведчика марсиан он сам стал

почти невидимым. Хотя, конечно, это не повод красоваться перед летающим тазиком и тыкать в него обоими кукишами сразу. Маскировка лишней не бывает. Ведь теперь ему придётся в чём-то изображать диких животных, того же кабана, к примеру, который просто не полезет на что-то тихо шелестящее над землёй. Хотя, конечно без пистолета и пистолета-пулемёта, даже без обычного ножа, Александр невольно чувствует себя голым.

Прогуляться по Берлину Александру так и не довелось, а вот по Германии всё же пришлось. В том числе проехаться по знаменитым немецким автобанам. Вот уж дороги так дороги. Но здесь и тогда, летом сорок четвёртого, немцам было не до изысков. Ширина лесной дороги ровно такая, чтобы по ней мог протиснуться грузовик. И то время от времени на стволах деревьев Александр замечает содранную бортами кору. По этой же причине дорога петляет самым замысловатым образом, обходя не только мелкие овраги и кусты, но даже наиболее старые и толстые деревья.

Тупик. Александр в недоумении уставился на завал из древесных стволов. Несколько елей рухнули крест на крест, будто и в самом деле поставили крест на дальнейшем строительстве. Чуть дальше сплошной стеной возвышает нетронутый лес.

И как это понимать? Александр переступил через поваленный ствол. Вполне логично было бы ожидать, что лесная дорога приведёт его хоть куда-нибудь. Воображение рисова-

ло некий полевой лагерь, на худой конец берег реки или озера. Но чтобы вот так, прямо по среди леса? Или немцы просто не успели довести дорогу до некой цели? Александр задумчиво хмыкнул. Очень даже может быть.

На всё про всё у немцев было всего две недели, четырнадцать дней. 13 июня сорок четвёртого года отряд эсэсовцев был замечен в Кондопоге. А уже 27 июня, согласно показаниям Суслика, они убралась обратно на запад. Ибо буквально уже на следующий день передовые части Красной армии выбили финнов из Кондопоги. И за эти четырнадцать дней, Александр обернулся и глянул на пройденный путь, немцы успели пробить около восьми-девяти километров. Не так уж и мало, если не сказать, что много. Но куда они вели эту дорогу?

Из вещмешка Александр вытащил карту и развернул её. Если прикинуть, палец упёрся в толстую бумагу, то он находится где-то здесь, почти точно на север от Дубуяны. Но тут нет ничего, сплошной лес. Лишь ещё дальше на северо-востоке тянется цепочка озёр. Или немцы вели дорогу к ним? Остаётся только одно, Александр аккуратно свернул карту и убрал её обратно в вещмешок, идти в предполагаемом продолжении дороги.

Не зря говорят, что всё познаётся в сравнении. Едва пробитая, и уже заброшенная, лесная дорога показалась едва ли не германским автобаном, когда Александр сошёл с неё и двинулся напрямиком через лес. Валежник, мох, старые напо-

ловину гнилые стволы и ветки, что так громко трещат на всю округу. А ещё приходится то и дело внимательно поглядывать по сторонам, постоянно проверять направление на север, чтобы не сбиться и элементарно не заплутать. Увы, но на базе в Дубуяне пришлось оставить и компас в железном корпусе с металлической магнитной стрелкой.

Но опыт, тот самый опыт, что приобретается потом, кровью и слезами, уверенно ведёт его вперёд и только вперёд. Александр лишь плотнее стиснул зубы. Он зашёл слишком далеко, чтобы бросить расследование на половине пути. Был великий соблазн прибежать к капитану Давыдову и рассказать ему о летающем тазике. И что тогда? В лучшем случае начальник районной милиции потребовал бы от него реальных доказательств. Как раз этим сейчас Александр и занимается. Было бы гораздо хуже, если бы капитан Давыдов поверил ему, и сейчас сюда, на десяток километров северней Дубуяны нагрянул бы большой отряд военных и милиции. И вот тогда запросто могла бы разыгаться ещё одна трагедия, наподобие той, что пришлось пережить отряду полицаев и финским фронтовым разведчикам.

Да, это звучит очень цинично, однако новая трагедия, новые жертвы лишь доказали бы правоту Суслика, что северней Дубуяны творится непонятная чертовщина. И вот тогда началась бы большая буча. Какими бы сильными не были бы марсиане, однако им не совладать со всей мощью СССР. Несомненно это же понимают и сами марсиане. Так что ни-

какой новой мелкомасштабной войны не будет в принципе. Марсиане либо просто улетят по-тихому, либо залягут на дно, да так глубоко, что ни с какими собаками их не найдёшь. И такой самый вероятный исход лично для Александра обернётся позором. Из милиции может и не выгонят, но на смех точно поднимут. А самое печальное, что придётся навсегда расстаться с надеждой узнать, что же на самом деле произошло с его семьёй?

– Что за? – тихо воскликнул Александр, когда в очередной раз замер на месте и огляделся по сторонам.

Лес изменился. Так-то это всё тот же лес, сосны и ели, берёзы и осины. Однако свежая трава, густая хвоя и зелёные листья не в силах скрыть главное – не так давно здесь бушевал лесной пожар. Одинокие сухие стволы и нижние ветки деревьев превратились в обугленные головёшки. Но, самое главное, Александр рывком подскочил к ближайшей сосне, кора опалена лишь с одной стороны. Кажется, будто буквально рядом с каждым стволом горел огромный костёр, от чего деревья получили серьёзные ожоги. Либо, Александр проследил глазами, либо где-то над лесом что-то очень ярко и очень жарко вспыхнуло. Метеорит? Корабль марсиан? Александр торопливо зашагал дальше, хотя душа жаждет и требует припустить со всех ног.

Мысли вон, Александр перешагнул через очередной поваленный ствол. Рано, рано думать и делать какие-либо выводы. В груди запульсировал охотничий азарт. Леший ведает,

что его ждёт впереди, но то, что сегодня, буквально сейчас, он совершит очередное очень важное открытие... Неожиданно лес кончился, Александр едва ли не в прямом смысле выскочил на...

То, что открылось перед изумлённым Александром, трудно назвать поляной, пусть и большой лесной поляной. Нет, не так. Александр осторожно двинулся вдоль кромки леса, в голове с тихими щелчками заработали шарики с роликами, логические цепочки посыпались как из пулемёта. Да и не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять очевидное.

Ещё прошлым летом никакой большой поляны здесь не было и в помине, а был обычный карельский лес. Скорей всего, ели и сосны. Но потом с небес посыпались авиабомбы особой мощности. Невероятной силы взрывы даже не повалили, а буквально скосили деревья. Некогда толстые стволы разнесло буквально в щепки. Не осталось даже пней. Но, с другой стороны, не осталось и глубоких воронок. Александр, словно боясь переломать ноги, отошёл от кромки леса.

Расщеплённые, поломанные стволы и вывороченные корни толстым нереальным ковром устилают землю. Взрывы были, сильные взрывы, но на небольшой высоте, от силы метров пять-десять. Многочисленные ударные волны буквально скосили лес.

Обычные авиабомбы так не взрываются. Александр лично и много раз видел, как это происходит. Прежде, чем срабатывает взрыватель, обычная авиационная бомба успева-

ет несколько углубиться в землю, а в мягкую лесную почву может зарыться на метр-другой. Почему, собственно, после взрыва и остаются глубокие воронки.

– Ох ты ж! – Александр едва успел остановится.

Прямо перед ним распахнулась прямоугольная яма, охотничьи сапоги едва не соскользнули по буйной траве. Александр осторожно склонился над провалом. Нет, это не просто яма. Это, это, голова кругом, это след от опоры, от большой, метра два на четыре, опоры. Тогда получается...

Азарт бывалого охотника придал сил. Александр обошёл огромную поляну несколько раз и в нескольких направлениях. Шесть, ровно шесть глубоких прямоугольных следов. Если прикинуть их расположение, то получается ещё один гораздо более крупный прямоугольник.

Что же это такое наклёвывается? Александр спрыгнул в очередной прямоугольный провал. Трава успела затянуть не только дно, но и стенки странной ямы. Однако отлично видно, что вот здесь пенёк буквально нечеловеческой силой вдавлен в землю. Рядом ствол того же дерева. Взрыв расщепил его, буквально раскатал, а потом что-то прямоугольное, примерно два на четыре метра, вдавило ствол в землю рядом с обугленным пеньком.

Мысли путаются, от логических предположений кружится голова, а разум заходит в истерическом смехе. Такое не может быть. Просто не может быть. Но здравый смысл и элементарная логика упорно гнут своё – именно здесь призем-

лился космический корабль марсиан. Александр сел прямо на землю и вытянул ноги.

Как-то раз Александру довелось наблюдать аварийную посадку. Потрёпанный фашистскими стервятниками транспортный Ли-2 едва дотянул до аэродрома. Вместо того, чтобы с изяществом стальной птицы мягко коснуться колёсами шасси взлётно-посадочной полосы, транспортник грузно шмякнулся на землю брюхом. Скрежет металла и дым горящих движков. Следом на взлётно-посадочную полосу выскочили пожарные машины. Лишь благодаря умелым и решительным действиям пожарных, транспортный Ли-2 не окутался синим пламенем. Уцелели не только пассажиры с экипажем, но и груз. Однако сам самолёт после столь жёсткой аварийной посадки ремонту и восстановлению не подлежал.

В голове шарики громко стукнулись с роликами, пазл сложился. Показания очевидцев, грохот и огненный след в небе над Кондопогой. Посадка космического корабля марсиан тоже была аварийной. Что с ним произошло в космосе – гадать бесполезно. Но то, что он едва не рухнул подстреленной птицей на землю, это точно. Как успел заметить Суслик, буквально перед самым столкновением с землёй марсиане всё же сумели вывести свой космический корабль из крутого пике. Сумели, но лишь для того, чтобы странными авиационными бомбами расчистить эту поляну от леса. На последнем издыхании космический корабль успел выпустить шасси и плюхнуться на землю. Вот почему остались шесть пря-

моугольных и довольно глубоких ям.

Что это была за яркая и горячая вспышка, гадать также бесполезно. Важно другое – возгорание едва не переросло в грандиозный лесной пожар. Может очень вовремя пролился дождик, может ещё что-то. О технических возможностях космического корабля марсиан так же бесполезно гадать. Понятно одно – техника марсиан по своим возможностям очень сильно превосходит технические возможности людей. Точно так же как у средневекового рыцаря на боевом коне нет никаких шансов выстоять против современного танка ИС-3.

И, опять же, от досады Александр что было сил саданул кулаком по земле. Боль несколько отрезвила. И, опять же, у него до сих пор нет никаких серьёзных доказательств. Да, конечно, он старательно напишет очередной протокол осмотра места возможной аварийной посадки, куда запишет возможные размеры поляны, размеры опор и возможные размеры космического корабля марсиан. Но это все не то, совсем не то. Проклятье, раздражение холодной волной расплескалось в груди, у него даже фотоаппарата нет, чтобы заснять место аварийной посадки. Всё, что пока в его силах, Александр поднялся на ноги, так это как можно более тщательно обследовать эту поляну и местность возле неё.

Первый же более внимательный осмотр принёс результат, Александр нашёл следы присутствия немцев. Несколько прямоугольных ям, так называемых шурфов, и несколько

прошлогодных кострищ. Отряд эсэсовцев нашёл-таки место аварийной посадки космического корабля марсиан. И как только смогли? Наткнулись случайно? Сперва нашли пожараще, а уже по нему вышли на это место? Всё может быть.

Самый большой сюрприз больше года терпеливо поджидал Александра на северной стороне места посадки. Чуть в глубине леса, на пяточке едва свободном от деревьев, нашёлся грузовой трактор Steyr RSO/01. Что самое удивительное, целый, не горелый. Кабина, кузов и тент насыщенного серого цвета. За год стальные гусеницы увязли в лесной почте едва ли не по оси стальных колёс.

Упорству немцев нужно отдать должное. Каким-то невероятным образом они всё же сумели провести к месту аварийной посадки космического корабля грузовой трактор. Наверно потому и смогли, что из всего транспорта только он обладал необходимой проходимостью.

Рядом с грузовым трактором эсэсовцы разбили лагерь. Две палатки растянуты между стволами сосен. Кострище из красных кирпичей, стальные подпорки для котла, два стёсанных бревна вместо скамеек.

О том, что здесь произошло, прозрачно намекают рваные дыры в плотной ткани обоих палаток. А ещё возле костра Александр нашёл разбросанные в изобилии стрелянные гильзы. Однако ни трупов, ни брошенного оружия нет. На всякий случай Александр тщательно обследовал и грузовой трактор, но и в нём ни трупов, ни брошенного оружия не

оказалось, только в кузове россыпь стрелянных гильз от пулемёта МG-42.

Последней надеждой остался стальной ящик, что нашёлся в дальнем углу одной из палаток. Радостное предвкушение сменилось разочарованием, когда Александр поднял плоскую крышку – личные вещи одного из эсэсовцев, наверняка главного, кто командовал на месте аварийной посадки космического корабля марсиан. Носки, трусы, полотенце и прочая одежда, а так же мыло, плоская коробочка с зубным порошком и прочие средства личной гигиены. Голяк полнейший. Или не совсем? Из-под аккуратно свёрнутой рубашки Александр вытащил чёрную кожаную паку, весьма толстую на вид и тяжёлую на вес.

В другом углу стального ящика нашлись две стеклянные банки. Александр в недоумении вытащил их наружу. Объём каждой примерно литр. Что самое интересное, пробки тоже стеклянные, так называемые притёртые. Александр много раз видел стеклянные бутылочки для хранения разных химических препаратов и лекарств. Стальные скобки крест на крест ещё надёжней прижимают стеклянные пробки к банкам. Внутри непонятная жидкость. Может и вода, только мутная какая-то, а на дне серый осадок.

Что за жидкость – хрен его знает. Александр аккуратно убрал банки обратно в металлический ящик. Как бы не бы велик соблазн вынести хотя бы одну из них, но рисковать не стоит. Без металлических скобок крышки могут слететь,

а с ними в его амуниции появится металл. Сколько именно грамм металла требуется, чтобы летающий тазик сумел его засесть – хрен знает. Александр не имеет ни малейшего понятия, но рисковать всё равно не хочет.

Кожаная папка, стальной ящик с плотной крышкой и палатка над ним хорошо сохранили бумагу, листы даже не пожелтели. На импровизированной скамейке снаружи возле кострища Александр разложит документы. Облом. А чего он хотел? Как следовало ожидать, рукописный и печатный текст на немецком языке, которым Александр не владеет вовсе.

В первую очередь внимание привлёк герб. То ли щит, то ли просто двойной овал. То ли лента, то ли проволока в центре согнута в петлю. И в эту самую петлю воткнут прямой меч. И какие-то то ли надписи, то ли кривые узоры по краю то ли щита, то ли двойного овала. Ничего подобного ранее Александр не видел. Зато в папке нашлись фотографии, точнее, аэрофотоснимки. Теперь понятно, как именно эсэсовцы нашли место аварийной посадки. Такое кострище трудно заметить даже с большой высоты. Для поисков немцы использовали самолёт-разведчик с фотокамерой.

А это что такое? Александр поднял один из снимков. Фотография сделана с большой высоты. Неровным пятном выделяется место аварийной посадки. Но это ладно. Не так далеко от этого места находится несколько озёр. Что самое интересное, одно из них помечено маленьким чёрным крестиком. И какие-то надписи на немецком языке, но что именно

– бог его знает. Александр задумчиво опустил снимок обратно на импровизированную скамейку.

Как же не хватает свидетельских показаний хоть кого-нибудь из немецкого отряда. Даже из финнов допросить некого. Конечно, можно, и даже нужно, будет пообщаться на эту тему с капитаном Давыдовым. Как знать, может быть по другим каналам получится выйти на немцев или хотя бы на финнов. А пока остаётся только предполагать, едва ли не гадать на кофейной гуще.

Гибель двух отрядов, полицаев и финских фронтовых разведчиков, не на шутку заинтересовала немцев. Наверняка финны сообщили обо всём союзникам. Однако эсэсовцы наобум в лес не полезли. Самолёт-разведчик без проблем нашёл место аварийной посадки марсиан.

Наверняка немцы решили, будто космический корабль марсиан всё ещё здесь. Александр поднял глаза на выжженную поляну. Наверняка они понадеялись, что он не просто здесь, но и не разбился вдребезги. И уже наверняка они знали, что марсиане выжили. Вот почему буквально с первого же дня своего появления в Дубуяне эсэсовцы принялись пробивать дорогу к этому месту. Летом сорок четвёртого года уже мало кто сомневался, что Германия проиграет войну. Вопрос лишь был когда именно это случится. А тут такой подарок, такая прекрасная возможность обрести вожака вундерваффе. Но не срослось. И можно предположить, почему именно не срослось.

Марсиане всё ещё здесь, это точно. Иначе летающий та- зик не стал бы усиленно патрулировать местность. Скорей всего им удалось тем или иным образом перенести свой кос- мический корабль с места аварийной посадки в другое более надёжное место. Рука вновь подхватила фотографию, Алек- сандр задумчиво нахмурился. Озеро – вполне себе хороший вариант. В Карелии полно озёр. Не удивительно, что неда- леко нашлось такое, куда марсиане погрузили свой космиче- ский корабль. Причём, и это важно, марсиане перепрятали свой космический корабль в промежутке между разгромом отряда финских разведчиков и появлением немцев.

В свете новых фактов поведение марсиан более не кажет- ся глупым. Пока космический корабль дымил на этой поля- не, марсиане очень нервничали. Вот почему ещё на подходе к Дубуяне они грохнули отряд полицаев. Перепугались, если называть вещи своими именами. С финнами столь глупую ошибку марсиане повторять не стали. Однако несколько поз- же разгромили и финнов, когда те, на свою беду, либо вышли на эту поляну, либо оказались от неё в опасной близости.

К моменту появления немцев марсиане успешно перепря- тали свой космический корабль и попытались затихариться, словно мыши под веником. Но дотошные немцы всё равно выследили их. И тут, в некотором смысле, на помощь мар- сианам пришла Красная армия. Эсэсовцам в экстренном по- рядке пришлось уносить ноги. Со своей стороны марсиане лишь помогли им это сделать. Очень похоже на то, Алек-

сандр бросил взгляд на порванные палатки, что именно марсиане не дали немцам увезти этот грузовой гусеничный трактор, а так же, что тоже исключить нельзя, перебили эсэсовцев, что ещё оставались здесь. Правда, непонятно, куда делась трупы и оружие. Хотя, вполне возможно, что как раз марсиане и подобрали их для дальнейшего изучения.

И при всём при этом марсиане допустили очень грубую ошибку – оставили документы. Александр сгрёб листы в стопку, после чего убрал их обратно в кожаную папку. Как они смогли так лохануться – бог его знает. Но тем лучше. Если уж не материальные доказательства существования марсиан, то документы некого весьма таинственного отряда эсэсовцев вполне могут стать обоснованием для более тщательной и многочисленной экспедиции.

Офицерскую планшетку тоже пришлось оставить на базе в Дубуяне. Из вещмешка Александр вытащил карту. Левая рука подхватила с импровизированной скамьи один из аэрофотоснимков. Если прикинуть, то место аварийной посадки находится здесь. Александр нарисовал на карте крестик. Едва пробитая дорога идёт примерно вот так. Пунктирная линия протянулась от Дубуяны на север. Тогда получается, что озеро, где, возможно, марсиане спрятали свой космический корабль, находится... Александр в задумчивости заводил по карте пальцем. Да, оно называется Ингрида. Если судить по карте, то оно около двух километров длиной и около километра шириной – вполне достаточно, чтобы спрятать не

один, а сразу десять космических кораблей.

Эх! Александр сердито поморщился. Как же хочется прямо сейчас рвануть на берег Ингриды, чтобы проверить собственные предположения. Ведь если космический корабль марсиан там, то это будет охренеть какое важное открытие. Правда, и это тоже надо признать, по неизвестным причинам марсиане сами не стремятся вступить в контакт с человечеством. Почему? Это уже другой вопрос. Сперва их нужно найти, либо найти серьёзные доказательства существования марсиан.

Очень хочется, но нельзя. Александр сгрёб фотографии в стопку и убрал в кожаную папку к остальным бумагам. Сперва нужно составить протокол осмотра места аварийной посадки космического корабля марсиан, пока он непосредственно здесь. А потом всё равно придётся вернуться на базу в Дубуяну для отдыха. И лишь завтра днём, если всё сложится благополучно, он сможет выйти на берег озера Ингрида.

Глава 12. Что-то под водой

Летающий тазик под маревом на едва пробитой лесной дороге говорит о том, что марсиане всё ещё здесь. А, значит, что их космический корабль может быть здесь и только здесь. Лево́й рукой Александр осторожно отвёл ветку куста в сторону. Впереди, в каких-то пяти-шести метрах, лёгкий ветерок едва-едва шевелит серую гладь озера Ингрида. Александр машинально пригнул голову, как минимум космический корабль марсиан здесь был. Это точно. Заодно стало понятно, что это была за странная мутная жидкость с осадком на дне в тех двух литровых банках с притёртыми стеклянными крышками. Это же пробы воды, что немцы взяли как раз из этого озера. Тоже, поди, сразу догадались.

Низменные берега озёр традиционно зарастают камышом. Ингрида не стала исключением. Другое дело, что трёхгранные стебли водных растений неприятно поражают желтизной и болезненной хилостью. Длинные и широкие листья будто варёные стелются по воде. Александр невольно скривился, от озера неприятно несёт тухлятиной. Возле самой кромки воды валяетсядохлая утка. Никто из лесных падальщиков на неё так и не позарился. Перья будто вывернулись наружу, а клюв бессильно распахнулся. Не иначе, это отдохлой утки несёт тухлятиной. Не повезло птичке, а всё потому, что вода в озере отравлена.

Опыт, опыт, опять личный опыт, который великолепно ложится и на нынешнюю фантастическую во всех отношениях ситуацию. Во время войны Александр много раз видел, как упавшие в воду грузовики и танки исходили разноцветными плёнками бензина, солянки и масла. А разок довелось наблюдать, как на переправе во время бомбёжки сыграла в воду автоцистерна с какой-то химией. Вот тогда реально вся рыба на протяжении двух километров ниже по течению всплыла кверху брюхом.

Вот и космический корабль марсиан оказался напичкан убойной химией. Что это было, масло, солянка или какая-нибудь кислота, то сможет сказать только хорошая химическая лаборатория. Не удивительно, что побитый ещё в космосе и едва живой космический корабль инопланетян банально потёк.

В идеале, конечно, обследовать озеро на всю глубину, но пока придётся ограничиться обходом по периметру. Александр осторожно двинулся в восточном направлении. В вещмешке за спиной едва шевелятся стеклянные бутылки. Как раз одну из них можно будет использовать для пробы воды из озера. И вот тогда... На мгновение Александр остановился, в груди аж забурлило от восторга и предвкушения. В вот тогда у него будет более чем достаточно доказательств для более основательной экспедиции.

На первую весьма показательную находку Александр наткнулся через сотню метров – ещё одна немецкая стоянка.

Большая брезентовая палатка свалена на землю большой мятой кучей. Кто-то, или что-то, перерезал все растяжки и поломал опорные столбики. Небольшое кострище, пустые консервные банки и опрокинутый стальной бидон с пробитой стенкой. Самое интересное нашлось у кромки воды.

Человек, точнее, труп, ещё точнее, убитый аквалангист в посеревшем гидрокостюме лежит лицом вниз. Стальной баллон с облезшей на Солнце краской словно придавил его к земле. Кисти рук погрызены местными хищниками. Возможно, Александр повернулся лицом к рухнувшей палатке, если в ней покопаться, то получится найти какое-нибудь брошенное водолазное снаряжение. Только нет никакого желания.

Ещё один кусочек пазла с тихим щелчком встал на место. Эсэсовцы не просто нашли озеро, где притаился космический корабль марсиан. Нет, они решили его обследовать на всю глубину, благо, Александр глянул на водную гладь Ингриды, оно не такое уж и большое и вряд ли может похвастаться большими глубинами. На свою беду немцы переполнили чашу терпения марсиан.

По внешнему виду аквалангиста трудно понять, что именно и каким образом убило его. Переворачивать труп, сдирать с него гидрокостюм и мараить руки упорно не хочется. Да и неважно, если разобраться. Пока неважно. Александр двинулся вдоль берега дальше. Вот будет большая экспедиция, вот будут в ней профессиональные патологоанатомы, тогда

другое дело.

Но, увы, брошенная стоянка эсэсовцев оказалась последней значимой находкой. Больше двух часов Александр старательно обходил озеро по кругу, пока не дошёл до протоки в соседнее озеро Перико, а потом повернул обратно. Александр прошёл по собственным следам и обошёл озеро с другой стороны – опять ничего. Если бы не едва живой камыш и противный трупных запах, то можно было бы подумать, будто Ингрида – самое обычное озеро, которых в Карелии тысячи.

В расстроенных чувствах Александр вернулся к брошенной стоянке эсэсовцев. Но и более тщательный осмотр палатки ничего не дал. Это даже обидно, Александр разочарованно вздохнул. Ему удалось найти отличный охотничий нож, не говоря уже о двух пистолетах «Вальтер» и один пистолет-пулемёт «Шмайссер». Охотничий нож стал бы отличным трофеем, но брать с собой что-либо категорически нельзя. Ведь в его амуниции до сих пор нет ни грамма металла. И очень желательно, чтобы оно так и оставалось впредь.

Непонятный шум со стороны озера неприятно резанул по ушам. Фронтальные привычки сработали помимо сознания, Александр машинально упал на землю и отполз под прикрытие ближайшего куста. И лишь в относительной безопасности природное любопытство взяло вверх. Александр приподнялся на локтях. На серой глади озера что-то происходит.

– Чудеса, – чуть слышно пробормотал Александр.

Да и как можно подумать иначе, когда, прямо на его глазах, в каких-то десяти-пятнадцати метрах от берега, водная гладь озера сперва заколебалась, будто вскипела, а потом неторопливо разошлась в стороны. Это... Это.. От удивления Александр тряхнул головой. Это невероятно! Прямо на воде появился провал, идеально круглый провал чем-то похожий на кратер потухшего вулкана. От досады Александр скрипнул зубами, жаль, невозможно оценить его глубину. Понятно, что это дело рук марсиан, или что у них там на самом деле вместо кистей и пальцев. Но зачем?

Ответ нашёлся тут же. Над водной гладью озера, словно брошенные камешки, разлетелся уже хорошо знакомый шелест. Марево. Едва заметное на фоне леса на противоположном берегу марево медленно спускается в провал. Александр прищурился, от натуги глаза, того и гляди, лопнут. Но это не летающий тазик. Проклятое марево упорно не даёт оценить размеры, но это точно не летающий тазик, а нечто гораздо более крупное. За мерцающим воздухом может легко уместиться танк, и не легендарный Т-34, а гораздо более крупный и тяжёлый ИС-3.

Александр и сам не сразу заметил, как от жуткого волнения и любопытства задержал дыхание. В голове запульсировала глупая мысль: «Так ведь не поверит никто». Технические возможности марсиан не просто больше технических возможностей людей, они вообще за гранью понимания и веры.

Между тем марево неторопливо и даже величественно опускается в водяной провал. Вот уже нижний край скрылся за кромкой воды. Ещё немного, и... От напряжения Александр стиснул зубы. Но нет, как бы не так – марево зависло на одном месте, как будто чего-то испугалось, либо его что-то насторожило.

И тут зудящая боль раскалёнными иглами прошла голову. От неожиданности Александр дёрнулся всем телом и рухнул ничком на землю. Что это было? Однако боль тут же вернулась и нахлынула с новой силой. Будто её мало, к горлу тугим холодным комком подступил страх. Но неизвестность ещё хуже, ещё страшней. Александр вновь приподнялся на локтях.

– Проклятье, – тихо ругнулся Александр.

Логично было бы ожидать, что марево, и что бы там за ним не пряталось, соскользнёт в глубину, после воды озера сомкнуться над ним. Вода как раз начала смыкаться, а вот само марево так и осталось снаружи. Более того, едва заметное нечто поднялось над озером сразу на десяток метров.

Зудящая боль в голове накатывает волнами и вновь, раз за разом, отступает. Александр, будто после тяжкого, но очень крепкого сна, едва проморгался. Происходящее нравится ему всё меньше и меньше. К чёрту, пора уносить ноги. Александр ужом развернулся на месте и пополз прочь от озера.

Через десяток метров головная боль нехотя отступила. Александр рискнул подняться на ноги. Полоса леса ху-

до-бедно отделила его от озера, но лучше не останавливаться. Александр торопливо направился на юг. Если не знаешь, что делать, то отступи и перегруппируйся. Либо, как в его нынешней ситуации, вернись на базу в Дубуяну, а там дальше видно будет. Но и ломиться сквозь лес ополоумевшим кабаном тоже не стоит.

Такие родные, такие привычные ели и сосны надёжно укрыли Александра от зловещего марева над озером Ингрида. Ноги сами несут тело на юг, а в голове копошатся, сталкиваются и даже воюют друг с другом очень нехорошие мысли и предчувствия. Что? Что это было?

Если мыслить логически, то марсиане обладают фантастической маскировкой. Какие там сети с лоскутками тёмно-зелёной ткани. Перед подобным блекнут даже самые продвинутые маскировочные халаты. Вполне логично предположить, что маревом в качестве маскировки обладает не только летающий тазик, то есть малый разведчик, но и летающий... На этой мысли Александр едва не споткнулся. Летающий самолёт? Звучит глупо, но в той штуке, что надёжно укрылась за маревом, вполне может быть некий летательный аппарат на двух, трёх, а то и на пять человек сразу. Если продолжить аналогию, то маревом в качестве маскировки вполне может обладать космический корабль марсиан в целом.

Ещё один вопрос упорно не даёт покоя – так его засекли или нет? До этого момента его маскировка, ни грамма металла на теле и в амуниции, работала безупречно. По край-

ней мере, сперва марсиане на его появление никак не отреагировали. Однако у Александра сложилось впечатление, что марсиане каким-то образом всё же засекли его. Да ещё эта непонятная головная боль? Чем, чем, а внезапными приступами мигрени он никогда не страдал. Ничего подобного не было даже после ранения. Поясница тут же выстрелила болью, Александр едва не сбился с шага. Проклятое ранение опять и опять, и, как обычно, очень не вовремя, напомнило о себе.

От логических умозаключений голова кругом. Но это всё домыслы, домыслы и ещё раз домыслы. Истина может оказаться другой, совсем другой. Впрочем, здесь и сейчас всё это не имеет ни малейшего значения. Каким-то шестым чувством Александр понял, что настал момент уносить ноги. И не только до базы в Дубуяне, а вообще вернуться в Четвёрочку, причём, чем быстрее, тем лучше. В конце концов марсиане не дураки, это лишь вопрос времени, когда они заметят одинокого человека, что так нагло ошивается в окрестностях озера Ингрида.

Торопливый переход на десять с гаком километров не прошёл бесследно. На последних морально-волевых Александр добрался до окраины Дубуяны. Трава недалеко от дороги умята в хорошо знакомый круг. Однако Александр без остановки прошёл мимо. Как бы мало не шарился он по окрестным лесам, однако круги на траве уже перестали его удивлять. Понять бы ещё, что это за штука такая.

Вторая изба слева. За ней, возле заброшенного и вконец заросшего сорняками огорода, в добротном сарае Александр оборудовал себе базу. Когда-то сарай был забит дровами под завязку. Но то ли немцы с финнами, то ли сами хозяева ещё до таинственного исчезновения постарались, однако большая часть сарая оказалась свободной. Из красных обожжённых кирпичей Александр сложил простейшую печку. Две широкие скамьи превратились в топчан для сна. Пусть спать на них не очень удобно, но всё лучше, чем на голой земле. Александр не поленился притащить из брошенной избы кухонный столик и стул. Логическим завершением спартанской обстановки стала керосиновая лампа.

На всякий случай Александр плотно прикрыл за собой дверь и привалил к ней широкую доску. Ни замка, ни обычного запора изнутри нет, а так хоть какая-то сигнализация. Сперва зажжённая спичка, а потом и керосиновая лампа осветила сарай. Александр без сил присел на импровизированный топчан. Пеший переход в десять километров, да ещё в бойком темпе, дался ему нелегко. Опять заныла поясница. Как же не вовремя напомнило о себе бывшее ранение. То самое, из-за которого его вчистую списали из действующей армии. Хочется есть, ещё больше хочется спать, но предаться долгожданному отдыху ещё не время. С простенькой самодельной полки над столом Александр стащил планшетку. Пока ещё свежа память нужно, даже необходимо, написать очередной протокол, зафиксировать на бумаге то, что успели

заметить глаза. К горлу подкатила горькая обида, Александр тихо замычал от злости, как жаль, что у него нет даже самого простенького, самого заваливающего фотоаппарата. Впрочем, может статься, что оно и к лучшему.

Первые пять страниц быстро покрылись торопливыми и несколько нервными записями. Ещё осталось изложить собственные выводы и предположения. Но, Александр поднял голову и сел прямо, что-то не так. За пределами сарая что-то происходит. Что именно – непонятно, однако война быстро научила Александра доверять собственной интуиции и, особенно, дурным предчувствиям.

Руки запихнули исписанные листы обратно в планшетку. Александр настороженно поднялся с импровизированного топчана. На гвоздике на стене висит надёжный ППС, Александр тихо подхватил его за ремень. Боевое оружие сразу же придало уверенности. Да, ещё распахать по карманам гимнастёрки запасные магазины. Спасибо капитану Давыдову, который не только выдал пистолет-пулемёт, но и не покусился на боеприпасы.

Медленно и настороженно, будто он снова на боевом задании, будто он снова ловит диверсантов в тылу Красной армии, Александр направился к двери. Привычная боевая настороженность охватила его. Нервы словно натянутые гитарные струны, азарт кипит в крови, однако голова остаётся холодной.

В первую очередь аккуратно приподнять и переставить к

стене широкую доску. Может и бред, но лучше перестраховаться, нежели недостраховаться. Теперь опуститься на корточки и... И осторожно толкнуть дверь наружу. Александр внутренне собрался, именно в этот самый момент в сарай может залететь граната. Такое бывало, и не раз. Но нет, дверь распахнулась на половину метра. Снаружи, вместе с привычными звуками леса, пахнуло влажной прохладой.

Всё так же не поднимаясь с корточек, Александр выглянул наружу. Никого. Но это ещё ничего не значит. А теперь осторожно выскользнуть наружу. Большая часть людей привыкла видеть других людей в полный рост. А тут кто-то утиной походкой вываливается из сарая. Конечно, любому нормальному человеку хватить одной секунды, чтобы разобраться в происходящем. Однако именно одна секунда часто способна решить исход схватки.

Всё равно никого. Снаружи тишина и прохлада. Солнце уже опустилось за деревья на западе, скоро наступит ночь. Александр медленно вытянулся в полный рост.

За спиной шелест. Александр рывком отскочил в сторону, упал на землю и перевернулся. Там, где он только что стоял, в бревенчатую стену сарая ударил синий луч. Кто стрелял – не видно, но Александр и так прекрасно знает, кто в заброшенной деревне может устроить на него охоту.

Хватило мгновенья, чтобы хотя бы приблизительно понять, откуда стрельнул яркий синий луч. Александр поднял ППС. Длинная очередь хлестанула по стене сарая почти под

самой крышей. В одном месте пули вспыхнули красным. Александр машинально скорректировал огонь, ППС выпустил остатки обоймы.

Пустой магазин шлёпнулся на землю, Александр с щелчком воткнул на его место полный и передёрнул затвор. Вот оно! Марево, такое почти прозрачное, на этот раз пошло белыми изломанными волнами. Второй магазин на тридцать пять патронов в считанные секунды опустел. Но и марево не выдержало столь грубого обращения и сломалось.

От удивления Александр замер на месте с ППС на изготовку. Перед ним в воздухе и в самом деле завис летающий тазик. Точнее, не сколько тазик, а толстый диск метра полтора в диаметра и в половину метра толщиной. В боку летающего диска зияет с пяток дыр от пуль.

Внутри диска что-то хрустнуло, щёлкнуло. На миг его вновь окутало марево, но почти сразу оно пропало. Ещё секунда... Диск плюхнулся на землю. Из дыр повалил чёрный жирный дым.

Ни фига себе! Александр потрянул головой, удивление вместе с остолбенением нехотя отпустили. Руки тут же перезарядили магазин. Летающий разведчик марсиан не был рассчитан на стычку накоротке. Марево, почти идеальная маскировка, была его единственной «бронёй». Но раз разведчик здесь, то это значит... Александр судорожно развернулся на месте. Ствол ППС описал широкую дугу.

Голову пронзила острая боль, Александр натужно захри-

пел и опустился на одно колено. Да что это такое, чёрт побери? В мозгах свербит так, будто ему в уши вставили мелкие лопатки и принялись их бешено вращать.

Но нет, просто так его не возьмут. С огромным усилием Александр поднял голову, руки нехотя, будто делая невероятное одолжение, подняли тяжеленный пистолет-пулемёт. Глаза, того и гляди, взорвутся от напряжения. Однако Александр всё равно сумел заметить, как от бревенчатой стены жилого дома отделилось марево. Ещё одна почти идеальная маскировка, только на этот раз её контур похож на образ человека.

Враг! В сознание, сквозь боль в голове, прорвалась единственная мысль. Александр как мог навёл на марево в образе человека пистолет-пулемёт. Только поздно. Расплывчатая фигура подняла руку. Яркий синий луч ударил Александра в грудь. Сознание тут же вылетело из тела прочь.

Глава 13. Смелость обречённого

Возвращение к жизни получилось медленным и мучительным. Сперва сознание будто нехотя вынырнуло из глубин небытия. Первое, что Александр почувствовал, так это боль. Тупая боль разлилась по всему телу. Вторым по счёту вернулось зрение, Александр распахнул глаза. Ну, как вернулось? Перед глазами развернулся и заплясал калейдоскоп из ярких и тусклых, зелёных и чёрных, а так же светлых и совсем уж чёрных пятен. Последним вернулся слух, Александр более чем отчётливо услышал шелест, писк, скрип, вой.

Живой!!!

Спасительная мысль враз прояснила сознание. Казалось бы, в тот момент, когда в его грудь ткнулся зелёный тепловой луч, то всё. Для него должен был бы наступить окончательный и бесповоротный конец. Ведь он сам видел, во что превратили тепловые лучи марсиан технику немцев. Тот же полугусеничный бронетранспортёр «Ганомаг» (даже вспомнил его название), выгорел до голого металла. А что же тогда должно было бы произойти с гораздо менее прочной человеческой плотью? Однако он жив, как не странно. Или, Александр несколько раз энергично моргнул, тот тепловой луч был не зелёным? Или Суслик что-то напутал?

Как бы то ни было, а сознание окончательно прочистилось. Окружающий мир перестал быть размытым и невнятным.

ным. Вместо этого он враз обрёл чёткость и глубину. Александр осознал, что находится в вертикальном положении. Ладно, в почти вертикальном. Если бы его руки были разведены в стороны, то можно было бы смело сказать, что его распяли. А так обе верхние конечности висят рядом с телом. Александр склонил голову. А почему он голый?

Многочисленные серо-стальные скобки через руки, ноги, корпус и шею удерживают его на чуть наклонённой назад стене. Держат вроде и мягко, но, Александр несколько раз энергично дёрнулся, не вырваться и даже не повиснуть на манер поломанной куклы. Лишь кончики пальцев ощущают приятную гладкую прохладу. Однако собственное положение из ряда вон и внешний вид разом затмила окружающая обстановка.

– Этого не может быть, ибо этого не может быть никогда, – рассеянно прошептал Александр.

Это... Это... Это... Мысли в голове заметались в тщетных попытках найти нужные слова, чтобы хоть как-то осознать увиденное. Больше всего это похоже на лабораторию. Точно, Александр вскинул голову, от чего затылок мягко ткнулся в стенку. На лабораторию по изучению электричества.

Просторное помещение прямоугольной формы заставлено непонятными электрическими приборами и аппаратами. И всё это научное великолепие мигает многочисленными цветными лампочками, тихо гудит, либо тихо пищит. По середине возвышается широкий стол на массивном основании

с зелёной столешницей. А над ним свисает... Александр на миг растерялся. На первый взгляд такая огромная операционная лампа. Но это только на первый взгляд, ибо нечто овальной формы совсем и никак не светит.

А где же вход? Александр как мог вывернул голову в левую сторону. Как раз левый угол прямоугольного помещения ускользнул от его взгляда. Но, увы, не разобрать. Вместо электрических приборов ещё более непонятные ящики всё того же зелёного цвета. Однако дверцы отполированы до такой степени, что кажутся зеркалами.

Тогда, Александр как мог вывернул голову в правую сторону...

Что? Не может быть! Только не это!!!

От невероятного усилия шейные позвонки отозвались болью. От эмоционального шока Александр едва не свернул сам себе шею. Страх узнавания сменился на горечь и печаль. Справа от него в стеклянной бочке, больше похожей на широкий и высокий цилиндр, медленно колыхается голая девочка лет десяти. Длинные волосы будто водоросли развиваются в незаметном течении слегка зеленоватой жидкости. Лицо как живое. Глаза удивлённо распахнуты, а рот так и замер в приоткрытом положении, будто девочка хотела что-то крикнуть, но так и замерла.

– Ирина... Иришка... Да как же так, – сдавленно прохрипел Александр.

Самая младшая, а от того и самая любимая, сестрёнка.

Когда в тридцать восьмом году Александра призвали в Красную армию, Иришке было всего три с половиной годика. Такая шептунья и заводная, она весёлой козочкой скакала вокруг него, а так же провожающих его родителей. По малости лет она искренне не понимала, что происходит. И вот теперь, спустя семь с лишним лет, Александр вновь увидел её, мёртвую, в стеклянной бочке, что так похожа на широкий и высокий цилиндр. Сестра заметно выросла, однако Александр сразу узнал её. Её, любимую Иришку.

Александр закрыл глаза, из груди вырвался стон очень похожий на плач. Горечь утраты наполнила сердце скорбью и болью. Лишь сейчас до него снизошло горькое откровение. С того самого момента, когда он понял, что ни финны, ни немцы не имеют к гибели его семьи никакого отношения, он упорно надеялся, что его родители, младший брат и сёстры живы. Живы вопреки всему, наперекор всякой логике и здравого смысла. И вот он нашёл самую младшую Иришку.

Кажется, будто сестрёнка жива, будто спит с открытыми глазами. Но не стоит тешить себя теперь уж совсем и откровенно глупыми иллюзиями. Его любимая Иришка убита и заспиртована. Чуть дальше, за бочкой с младшей сестрой, можно разглядеть шкаф с широкими полками и всё новыми и новыми банками с заспиртованными руками, ногами, сердцами и даже головами. По светлым волосам и рубленым чертам словно с агитационного плаката можно опознать финна. Наверняка один из тех фронтовых разведчиков, что

после разгрома отряда полицаев пытались найти место падения странного метеорита.

Будто и этого мало! В некоторых банках можно легко узнать коровьи и козьи копыта, собачьи хвосты, огромную печень. И венчают ужасную коллекцию головы коровы, козы и собаки с висячими ушами. Значит, и домашние животные в полной мере разделили участь хозяев.

Тайн и надежд не осталось вовсе. Финны и в самом деле не при делах. За три года оккупации они и в самом деле просто не дошли до Дубуяны, до маленькой лесной деревеньки всего на пять дворов у чёрта на куличках. Отец правильно сделал, когда решил спрятать семью у дальних родственников. И это ему почти удалось. Почти. При иных обстоятельствах он вернулся бы вместе с семьёй следом за Красной армией в Четвёрочку, вновь поступил бы на работу в Леспромхоз №4. Но не судьба.

Огонь с небес, странный метеорит, а на деле космический корабль марсиан совершил аварийную посадку северней Дубуяны. Это проклятые марсиане похитили, увели, переловили жителей глухой деревни всех до одного. Вот почему избы выглядят так, будто жители покинули их в страшной спешки, вот почему они ничего не взяли с собой. Можно только догадываться, какая трагедия развернулась на единственной деревенской улице.

Проклятые марсиане переловили не только всех жителей Дубуяны, но и всех домашних животных. Чем чёрт не шу-

тит, может быть печальной участи не удалось избежать даже домашним мышам. Чего уж говорить о коровах и собаках.

Александр поднял голову. Совсем другими глазами, будто в первый раз, он глянул на широкий стол на массивном основании. Никакая это не электрическая лаборатория, а биологическая, даже прозекторская. Вот на этой зелёной столешнице, что сейчас аж сверкает надраенной чистотой, марсиане медленно и методично разделявали людей и домашних животных. Разделявали для изучения, точно так же как и сами люди, учёные-биологи, разделявают мышей, змей и прочих зверюшек. И, конечно же, наиболее интересные образцы частей тела и внутренних органов заспиртованы для дальнейшего изучения, либо для коллекции. И гвоздь ужасной коллекции – полностью заспиртованная девочка десяти лет, его самая младшая сестра, самая любимая Иришка. Теперь понятно, почему в избе осталась Дуня, тряпичная самодельная кукла, которую мама сшила и подарила Иришке на день рождения.

Силы вон, Александр бессильно обвис на чуть наклонённой назад стене. Невероятно, но ему удалось найти ответы на свои вопросы. И что теперь? А теперь он сам оказался пленником у проклятых марсиан. Непонятно только, почему он оказался здесь, на борту их космического корабля? Почему марсиане сразу не убили его? Звучит, конечно, цинично, но у них и без его тушки было более чем достаточно тушек для исследования. Но нет, Александр тяжело перевёл дух, он

здесь. А это значит, что он зачем-то марсианам нужен. А зачем – даже гадать не хочется.

Медленно потянулись минуты ожидания, которые ещё более медленно принялись складываться в часы. А, может, и не в часы. Александр полностью потерял ощущение времени. Можно было бы ожидать, что ему элементарно захочется есть и пить. Ничего подобного. По непонятным причинам голод и жажда будто забыли о его существовании. Несколько раз Александр проваливался в некое подобие сна. Или это сознание время от времени покидало его тело, будто тренируясь, чтобы однажды покинуть его навсегда.

В очередной раз Александр пришёл в себя. Прозекторская ничуть не изменилась. Однако что-то в ней не так. В висках тихо запульсировала едва заметная боль. По какому-то наитию Александр повернул голову в левую сторону. Тут же, словно по команде, часть стены отошла в сторону. Там вход? Только очень хорошо замаскированный?

Марсианин? Александр с удивлением вылупился на жителя далёкого Марса. Сказал бы кто раньше, ни за что бы не поверил, что такое вообще возможно. Пропорции тела почти как у человека, разве что голова несколько больше обычного, да и руки с ногами несколько тоньше обычного. На марсианине тёмно-зелёный комбинезон с короткими стальными полосками над карманами и одной длинной полосой от горла до паха. На руках вполне привычные пять пальцев. Сколько пальцев на ногах, и есть ли они вообще, не понять, марсиа-

нин обут в некое подобие ботинок, только без малейшего намёка на шнурки. На открытых участках тела можно разглядеть его кожу. На вид несколько более грубая, чем у человека, да и цвет другой. Александр никогда не учился на художника, чтобы точно определить его. Это что-то сиреневое с синим отливом. Но самое заметное отличие, это, конечно же, лицо.

Большие слегка миндалевидные глаза. Чёрные зрачки едва заметны на фоне синей роговицы. Черты лица более грубые, будто вырублены из камня. Сознанию упорно кажется, будто это маска такая, хотя, на самом деле, это не так. Но в целом марсианин сильно похож на человека, даже волосы на голове, только не привычного сиреневого цвета. И всё равно это не человек.

Марсианин будто не заметил прикованного к стене человека и принялся с озабоченным видом ходить по прозекторской. Пальцы, самые обычные на вид, без когтей и даже длинных ногтей, то и дело касаются многочисленных приборов. Но вот марсианин замер на месте, резко развернулся и подошёл ближе.

Александр чуть опустил взгляд. Он... Она женщина? Плотная ткань тёмно-зелёного комбинезона обтягивает на груди два хорошо заметных бугорка. У неё грудь? В принципе, а почему бы и нет? Как бы то ни было, а стоящая перед ним марсианка явно разумное существо. А потому назвать её женщиной более чем логично. Да и какая разница, Алек-

сандр вновь глянул в лицо марсианки, бывает, и не так уж и редко, что по части жестокости женщины ни в чём не уступают мужчинам.

Пауза затянулась. Марсианка молчит, ничего не говорит даже на своём языке. Однако, Александр неприятно поморщился, боль в висках усиливается. Вот уже опять в мозгу зашвербело и заискрило. Кажется? Или синие глаза марсианки на самом деле стали чуть больше и глубже?

Боль в голове нарастает медленно, но неотвратимо. Александр натужно замычал сквозь стиснутые зубы. Но нет, просто так он не сломается. Александр в ответ пристально уставился на марсианку. Злость и ненависть обречённого на смерть вскипели в его душе. Александр едва ли не физически представил, как прожигает марсианку взглядом, не хуже тех тепловых лучей, что разнесли к чёртовой матери немецкие грузовики и бронетранспортёры.

Показалось? Или в глазах марсианки и в самом деле мелькнуло удивление? Зато точно кожа на её некогда гладком лбу собралась в глубокие складки, на которых то тут, то там мелкими блестящими капельками выступил пот. И боль. Боль, что буквально раздирает мозг на куски. Однако боль только взбесила Александра ещё больше!

А теперь... Александр глубоко вздохнул. Смачный плевок в лицо. Получилось! Красная от крови слюна угодила марсианке точно в глаз. От неожиданности та отскочила назад. Боль, что едва не взорвала голову изнутри, разом отступила.

– Получи! Сука! – радостно выдохнул Александр. – Это тебе за сестру!

Ого! Оказывается, марсианка умеет не только удивляться и пугаться, ещё она умеет злиться. Совсем уж по-женски марсианка замахнулась правой рукой. И-и-и... Но вместо того, чтобы по-христиански подставить щёку для удара, Александр чуть повернул голову.

Сильный удар пришёлся прямо по губам, брызнула кровь, боль стрельнула в голову и отдалась в шейных позвонках. Однако Александр сознательно пошёл на это. В последний момент он сумел-таки впиться зубами в ладонь марсианки и судорожно стиснуть челюсти.

В голове сгустком шаровой молнии вспыхнула уже привычная боль, будто два раскалённых гвоздя проткнули мозг на вылет. Но Александр челюсти так и не разжал. Наоборот – впился зубами ещё сильнее. В ответ марсианка судорожно отпрыгнула назад и отдернула руку. Сквозь красную пелену в глазах Александр всё же сообразил, что сумел-таки откусить кусочек плоти врага.

– Получи! – Александр выплюнул кусок плоти прямо в лицо марсианки.

Смачно получилось! Зелёная кровь марсианки фонтаном выплеснулась ей же в лицо, а кусок плоти ударился ей в нос. От такой дерзости марсианка просто оторопела, лишь машинально зажала рану на ладони другой рукой. Заодно головная боль вновь отпустила Александра.

После такого логично ожидать удар в челюсть, в пах, а то и сразу клинок в сердце. Ничего подобного. На удивление марсианка быстро взяла себя в руки. Она даже не разразилась бранью, а лишь сурово нахмурилась. С видом удивлённого и уязвлённого достоинства марсианка развернулась и ушла. Замаскированная дверь тихо закрылась за её спиной. Александр вновь остался в прозекторской один.

Единственный удар марсианки разбил губы. Кровь тоненькой струйкой пролилась на грудь. Александр провёл языком по губам, да нет, вроде уцелели. Это было бы больно, но зубная боль померкла на фоне головной боли. Кажется, будто его мозги сперва раскалили до красна, а потом положили на полочку остывать.

В груди тихим ручейком через лесной бурелом пробилась радость. Какая-никакая, пусть и маленькая, и глупая, но всё равно победа. Александр печально вздохнул. Это даже не пиррова победа, а смелость обречённого. Будущее, даже ближайшее, покрыто мраком. Однако ясно как божий день, что живым из космического корабля марсиан ему не выбраться. Не выбраться хотя бы потому, что марсианам такой свидетель не нужен. Вопрос только в том, как быстро и каким образом его прикончат. На душе стало грустно и погано. Марсианка уже доказала, что умеет, очень хорошо умеет, контролировать собственные эмоции. А это очень печальный факт, который мягко намекает, что на гуманную пулю в лоб можно не рассчитывать.

Да ещё эта боль... Александр тряхнул головой. Один раз – ничего не значит, два раза – заставляет задуматься, а три – это уже закономерность. Александр понятия не имеет, но марсианка хрен знает каким образом умудряется вызывать у него головную боль, причём, от едва заметной, от которой лишь чуть пульсирует в висках, до адской, до воткнутой в мозг раскалённых гвоздей.

И вновь невыносимо медленно потянулось время. Постепенно разбитые губы перестали кровоточить. Да и сама кровь успела стать бурой и густой. Время от времени Александр всё так же проваливается то ли в сон, то ли в забытие. Чёрт побери, неужели и в самом деле голод и жажда забыли о нём? Александр понятия не имеет, сколько он уже висит на этой стене на манер распятого Прометея, однако достаточно долго, чтобы изнывать если не от голода, то от жажды точно.

В очередной раз Александр не услышал, а непонятным образом почувствовал, как нечто похожее на дверь в прозекторскую распахнулась вновь. Всё та же марсианка? Или будут другие? Александр поднял голову. Нет, всё та же. Или марсиане жуть как не любопытны, либо она и в самом деле единственная на этом чёртовом космическом корабле.

Не без злорадства Александр отметил, что ребро ладони залито чем-то белым. Марсианка залечила рану, заодно почистила свой тёмно-зелёный комбинезон. Стычка с непокорным человеком пошла впрок: на манер забрала лицо марсианки прикрыто полукруглым и прозрачным словно хрусталь

щитком. Теперь плевать бесполезно, да и вряд ли марсианка совершит прежнюю ошибку.

Так оно и получилось. Марсианка, вопреки всяким ожиданиям, не стала его бить. Вместо этого из кармана на бедре она извлекла узкий и длинный клинок. Лезвие никак не похоже на стальное, даже зачернённое, а будто стеклянное, да ещё бело-мутное. Александр едва успел стиснуть зубы, когда тонкое лезвие коснулось кожи.

Боль разлилась по груди и заполнила сознание. Александр дёрнулся всем телом, но многочисленные скобы, что удерживают его распятым на стене, даже не шелохнулись. Лицо марсианки как никогда похоже на маску, на сиреневую маску с большими синими глазами, но она явно наслаждается мезью. Тонкое лезвие легко скользит по коже, будто прутик по воде, но боль, боль адская, расходится следом за ним словно волны за кормой боевого корабля.

Александр тужился и крепился как мог, и всё равно сорвался на крик. Однако истязание не прекратилось. Марсианка всё так же стоит перед ним и с отстранённым видом водит, водит, водит, водит тонким клинком по коже. Сперва она исполосовала ему всю грудь, потом взялась за живот, а после перешла на руки. И боль, боль, боль волнами вслед за тонким лезвием. Александр лишь зря дёргался всем телом и кричал от боли. Кричал так, что сорвал голос, но и тогда он изошёл натужным хрипом.

Будто и этого мало, сперва запульсировали виски, следом

раскалённые гвозди пронзили мозг. Опять? Успела мелькнуть мысль. Но это уже перебор. Кажется? Или его сердце и в самом деле остановилось? Александр обмяк, сознание вновь, может даже навсегда, покинуло измученное невыносимой болью тело.

Как бы не так. И вновь мучительное то ли пробуждение, то ли просто приход в сознание. Александр поднял голову. Он всё так же прикован многочисленными скобами к стене в прозекторской. Марсианки нет, и слава богу. Александр невольно поморщился, тут и в самом деле о боге вспомнишь. Но!!! Воспоминая вспыхнули в голое словно разряд молнии, Александр склонил голову. Ведь его едва ли не в прямом смысле порезали на куски.

Ничего подобного. От удивления глаза едва не выскочили из орбит. Тонкое лезвие скользит по коже, боль расходится следом по всему телу словно волны за кормой корабля – такое хрен забудешь. Однако... Однако на груди, животе и руках нет ничего. В смысле, нет ни глубоких порезов, ни шрамов, ни хирургических швов. Хотя... Александр напряг глаза, едва заметные тонкие линии всё же изукрасили ему грудь, живот и руки сумасшедшим узором.

Что это было? Куда... Куда делись все эти многочисленные порезы? Лишь сейчас в памяти всплыл странный факт, что крови, вроде как, не было. Лезвие не только резало кожу, но и прижигало её словно раскалённая до красна. А потом? А что потом? А потом марсианка исцелила его, может да-

же спасла от сердечного приступа. Боль от пыток убивает не хуже пуль. Капитан Агапов многократно предупреждал, что при жёстком допросе самое главное не перестараться, иначе как раз сердце не выдержит истязаний и остановится. И, чёрт побери, опять ни голода, ни жажды.

Александр устал, просто устал. Устал удивляться. Марсианка отомстила ему. И всё. Александр бессильно обвис. Марсианка до сих пор ни о чём его так и не спросила. Глупо надеяться, что она до сих пор не знает русского языка. С такой техникой, Александр на миг приподнял голову, но тут же уронил её, она может выучить не только русский и немецкий, а вообще все языки на Земле. В любом случае впереди его не ждёт ничего хорошего.

Время, время, опять время, в который раз, потянулось мучительно медленно. В прозекторской ничего не меняется, ни освещение, ни равномерный гул, писк и шуршание многочисленных марсианских машин. И вновь, в который раз, сознание балансирует на грани между явью и забытьём.

– Да что б тебя! – от острой боли Александр разом пришёл в себя.

Марсианка, тварь, опять рядом. Опять её лицо прикрывает полукруглый прозрачный щиток. А в руке опять всё тот же клинок с мутным молочным лезвием.

– Да чтоб ты сдохла! Сука!!! – Александр сразу сорвался на крик.

Опять, опять и опять тонкое лезвие скользит по груди.

Опять, опять и опять за острым кончиком по всему телу расходится боль, словно волны за кормой корабля.

– Да что тебе надо?

Но марсианка так и не ответила. Да она издевается над ним. Холодно и даже чуток равнодушно. Неужели вот так просто она его и убьёт? Александр склонил голову и с трудом, в кратком миге между приступами боли, сфокусировал взгляд. Точно – тонкое лезвие рассекает кожу, однако крови нет и в помине.

Боль свернула время в точку. Александр потерял всякое представление о реальности. Но на этот раз спасительное забытьё и не думает приходить ему на помощь. Даже хуже – сердце, вроде как, даже замедлило бешенный стук в груди. И вновь боль, боль, боль, боль. Александр окончательно сорвал голос и даже перестал хрипеть. Да когда же он сдохнет, наконец?

И вдруг всё кончилось. Александр едва-едва, с превеликим трудом, перевёл дух. На удивление сознание быстро прояснилось. Вот, только, марсианка никуда не делась. Она по-прежнему стоит рядом, страшный нож с мутным лезвием зажат в правой руке, а пальцы левой прижаты к уху. Показалось? Или марсианка и в самом деле чем-то жутко озабочена?

Толчок, лёгкий толчок. В иных не столь бредовых обстоятельствах Александр непременно решил бы, что где-то рядом взорвалась авиационная бомба. Не слишком близко, но

и не слишком далеко. Взрывная волна под землёй всегда опережает взрывную волну в воздухе. Александр даже зажмурился и напрягся. Если бы не многочисленные скобы, то он непременно рухнул бы на пол и распластался бы ничком. Но нет, никакой взрывной волны. Зато толчок повторился. Кажется, будто пол и стена прожекторской легко, будто играючи, трягнули его.

Зато мучительница испугалась не на шутку, нож с тонким мутным лезвием едва не выскользнул из её руки. Марсианка машинально сунула его в карман своего тёмно-зелёного комбинезона и... От удивления Александр поднял голову прямо. И ушла. Даже не так – марсианка торопливо выскочила из прожекторской.

И вновь толчок, только на этот раз гораздо сильнее и, вроде как, ближе. Многочисленные банки с заспиртованными головами и прочими частями тела сдвинулись на полках и звонко чокнулись. И тут же ещё один толчок, и ещё, и ещё.

Удивительное дело! Свет в прожекторской погас. Впрочем, не прошло и пяти секунд, как он включился вновь. Только, Александр несколько раз усиленно моргнул, уже не так ярко, да и не весь и не везде. Будто этого мало, свет приобрёл зловещий красный оттенок. Следом разом перестали пищать многочисленные марсианские машины. Будто и этого мало, многочисленные цветные огоньки погасли. Лишь кое-где остались зловещие красные точки. Зато прекратились и толчки.

Бред наяву! Александр тряхнул головой, будто отгоняя наваждение. Всё, всё не эдак и всё не так. Начать хотя бы с того, что после такой изошрённой пытки ему потребовалась бы неделя, чтобы элементарно прийти в себя. Сейчас же он и без недельного отдыха чувствует себя слишком хорошо. И это при том, что из многочисленных порезов на коже мелкими красными бусинками всё же выступила кровь. Но это всё ладно. Александр готов присягнуть на уставе вооружённых сил СССР, что космический корабль марсиан только что пережил бомбардировку. Пусть прозекторская не пострадала, но основное питание вырубилось, а вместо него включилось аварийное. Сама марсианка убежала, то ли удрала с концами, то ли сейчас отбивает атаку на свой космический корабль. Только у кого же хватило сил напасть на неё?

Очень, очень, ну очень хочется верить, будто сейчас доблестная Красная армия штурмует космический корабль марсиан. Александр кисло и хрипло рассмеялся. Если бы! Для организации полноценной войсковой операции потребовалась бы как минимум неделя, а то и месяц. И это при условии, что командование, вплоть до высшего руководства СССР и товарища Сталина лично, с ходу поверило в существование космического корабля марсиан, и тут же решило сделать всё возможное и невозможное, чтобы обезвредить его и весь его экипаж. Тогда тем более непонятно, кто же это бомбил космический корабль?

Александр слабо пошевелился. Непонятная эйфория по-

степенно пошла на спад. Пока ещё слабо, но с каждой секундой всё больше и больше начинает болеть порезанная на груди кожа. Мышцы наливаются слабостью, а в голове постепенно скапливается туман.

Сильный взрыв встряхнул не только взрывной волной, но и эмоционально. Александр резко повернул голову. Что это было? В стене, где должна быть входная дверь, появилась неровная, будто рваная, дыра. За ней то ли коридор, то ли ещё какая комната или помещение, не разглядеть. Из пролома льётся всё тот же зловещий красноватый свет.

Александр как мог напряг глаза. Нет, не показалось – марево. Хорошо знакомое марево, когда свет будто проходит сквозь хрустальный шар, странно преломляясь и ещё более странно изгибаясь. Низенькое, высотой не больше метра от пола, марево торопливо прошло сквозь дыру в стене. Следом потянулось ещё одно. Если бы Александр не знал, на что смотреть и как, то ни за что бы не заметил.

Цокот металла о металл. Кажется, будто огромный стальной таракан торопливо перебирает лапами по металлическому полу. Или так оно и есть на самом деле? Первое марево приблизилось почти вплотную, второе остановилось за ним на некотором отдалении. Александр склонил голову, и кто же это такие?

Положение глупее некуда. Двое неизвестно кто стоят рядом под маревом и ничего не делают. Что находится под маскировкой, можно только гадать. Оба комплекцией больше

похожи на собаку, либо, Александр задумчиво нахмурился, перед ним под маревом и в самом деле два огромных таракана.

В прозекторской повисла напряжённая тишина. Кажется, будто большой корабль марсиан вымер. Или он и в самом деле вымер? Но именно благодаря ненормальной тишине Александр всё-таки услышал шаги. Через пролом в стене прошло ещё одно марево. На этот раз нечто гораздо более похожее на фигуру человека.

Нечто остановилось рядом. От удивления Александр едва не подавился собственным криком. На миг марево расцвело белыми беззвучными молниями и... И пропало, будто растворилось в воздухе. Зато нечто предстало перед Александром во всём своём безумном великолепии.

Человек? Рыцарь? Не зная, что думать, Александр лишь распахнул рот. Да, фигурой и пропорциями тела это определённо человек. Высокий, почти под два метра, человек. Только руки и ноги заметно толще. Но самое удивительное, что человек то ли одёт в чудную ярко-зелёную броню с многочисленными белыми прожилками, то ли это вовсе не человек, а нечто похожее на человека, только отлитое из чудного металла. Пальцев на руках пять. На талии что-то похожее на пояс с подсумками. Из-за плеча торчит ствол то ли винтовки, то ли пистолета-пулемёта. Но, главное, лицо скрыто под безликой маской всё того же ярко-зелёного цвета с многочисленными прожилками. Ни носа, ни рта, ни скул, лишь

две щёлки для глаз.

Ярко-зелёный рыцарь долгую минуту в упор смотрел на Александра. Кажется? Или его глаза и в самом деле светятся красными огоньками? И что дальше? А ничего. И без острых ножей с мутными белыми лезвиями Александр почувствовал себя хреново. Глаза заволкло красным туманом. Александр бессильно обмяк и повис в многочисленных скобках, то надёжно приковали его к чуть наклонённой назад стене прозекторской. Александр то ли уснул, то ли потерял сознание. Сил не осталось вовсе.

Глава 14. Товарищ из органов

Резкий противных запах будто током ударил в нос. Александр чихнул и распахнул глаза. Правая рука машинально оттолкнула от носа чью-то руку в белом рукаве с маленькой тёмно-коричневой бутылочкой возле самых ноздрей.

– Ты смотри-ка, очухался, – удивлённо прогудел незнакомый мужской голос.

– Я же говорю, у него нет видимых повреждений, – в такт мужскому голосу торопливо произнёс женский тоже незнакомый голос.

Александр не сразу сумел сфокусировать взгляд. Над ним склонились двое, мужчина в потёртом пиджачке с седыми волосами, бородой-лопатой, и женщина лет пятидесяти с морщинистым лицом в серо-белом халате как у доктора.

– Где я? И кто вы? – слабым голосом, едва ли не шёпотом, спросил Александр.

– О-о-о... чувствуется, товарищ из органов, – с уважением произнёс бородатый мужчина.

– Лев Сидорович, а как вы догадались? – спросила женщина.

– Тамара Игоревна, – мужчина подхватил левую кисть Александра, – такие нежные пальчики бывают только у сотрудников органов. Но вы, товарищ, не сочтите мои слова за оскорбление, – торопливо добавил мужчина. – Работа у вас

очень серьёзная и очень опасная. И то, что с вами произошло, яркое тому доказательство.

– Так кто вы? И где я? – Александр сердито выдернул свою кисть из рук мужчины.

– Разрешите представиться, Лев Сидорович Иваздин, председатель леспромхоза «Лысково», что находится в одноимённом рабочем посёлке Лысково. А это, – Лев Сидорович ткнул пальцем в женщину в серо-белом халате, – наша фельдшер уважаемая Тамара Игоревна Гвоздикова.

Александр в недоумении уставился на председателя и фельдшерицу. Лысково? Никогда о таком посёлке не слышал. Александр медленно приподнялся из горизонтального положения. Тамара Игоревна тут же услужливо помогла ему. Они и в самом деле находятся в медицинском кабинете, пусть простеньком, но самом настоящем. Стены и потолок небольшой комнаты старательно выкрашены чуть желтоватой белой краской. Белая занавеска скрывает от Александра большую часть медицинского кабинета, однако через проход у противоположной стены виден деревянный шкафчик со стеклянными дверцами. Обе полке густо заставлены баночками, скляночками и белыми пакетиками вроде как с бинтами и ватой.

Левой рукой Александр провёл по груди. Оказывается, он лежит на стальной армейской койке под шерстяным одеялом. Александр приподнял край одеяла. Ого, на нём белая исподняя рубаха и кальсоны. И всё это вместе,

Александр опустил край одеяла, называется фельдшерский пункт. Только где это самое Лысково находится?

– Где я? – Александр глянул на Льва Сидоровича, председателя леспромхоза.

– Так я же уже сказал, – произнёс Лев Сидорович. – Леспромхоз «Лысково», что находится в одноимённом рабочем посёлке Лысково.

– К чёрту подробности, – Александр сердито нахмурился, – где я?

– Э-э-э... – растерянно протянул Лев Сидорович.

– Кисловский район, Ойротская автономная область, – фельдшерица Тамара Игоревна очень вовремя пришла на помощь начальнику и тут же торопливо продолжила, – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, Союз Советских Социалистических Республик.

То ли от спешки, то ли от удивления фельдшерица выдала полный адрес рабочего посёлка.

– Алтай? – от удивления Александр едва не подпрыгнул на армейской койке.

– Ойротская автономная область, – ничего не понимая, повторил Лев Сидорович. – Хотя да, мы находимся рядом с Алтайским краем.

Замечание председателя леспромхоза Александр пропустил мимо ушей. Алтай, Алтайские горы. Это же на несколько тысяч километров восточней Карело-Финской ССР, на границе с Китаем и Монголией.

– Число, – Александр вновь глянул на Льва Сидоровича. – Какое сегодня число?

– Э-э-э... 26 июля 1945 года, – на этот раз председатель сам сообразил, о каком именно числе идёт речь.

– Как? Как такое возможно? – на этот раз тихо, едва ли не шёпотом, произнёс Александр.

Капитан Давыдов, начальник районной милиции, разрешил ему заниматься поисками марсиан, но только не в ущерб основным обязанностям участкового. Так что Александр строго следил за днями недели и числами. А потому точно запомнил, что в тот злосчастный поход к озеру Ингрида он отправился 4 июля 1945 года, в среду. Итого получается... Александр ничего не видящими глазами уставился в белую стену напротив, что прошло двадцать два дня. Да, на корабле марсиан он потерял счёт времени, но не до такой же степени? И, чёрт побери, что же с ним произошло?

– Как я здесь оказался? – Александр не сразу сфокусировал взгляд на председателе местного леспромхоза.

– Вас нашли в лесу недалеко от посёлка, – ответил Лев Сидорович.

– Как именно меня нашли и при каких обстоятельствах? – потребовал уточнить Александр.

– Ну точно товарищ из органов, – не удержалась от замечания фельдшерица.

Лев Сидорович злобно шикнул на Тамару Игоревну, но ответил:

– Вас нашёл Илья Кондратьевич Левашов, это наш самый заядлый охотник. По его словам, километрах в трёх-четырёх от посёлка в юго-западном направлении он заметил столб дыма. Возле исполинского костра из бревён он обнаружил вас без сознания.

– Что самое интересное, – Тамара Игоревна перебила председателя, – вы были полностью голый, но при этом плотно завёрнуты в транспарант.

– Какой ещё транспарант? – ничего не понимая, спросил Александр.

– Красный и длинный, – охотно уточнила Тамара Игоревна. – На нём ещё надпись была: «Всё для фронта, всё для победы».

– Тамара..., – зло прошипел председатель леспромхоза.

– Что Тамара? – энергично возразили фельдшерица. – Этот самый транспарант два дня как украли. Вы сами напрягли Остапа Николаевича. А он, в свою очередь, конкретно напряг весь посёлок, но так ничего и не нашёл. А тут такое дело...

– Стоп! – Александр выбросил перед собой раскрытую ладонь. – Если я вас правильно понял, то меня нашли в лесу возле огромного костра голым, но при этом завёрнутым в длинный транспарант, который был украден из посёлка за два дня до этого.

– Так точно, – по-военному ответил Лев Сидорович. – У нас по вашему случаю посёлок с утра как улей гудит. Зачем,

товарищ, вы украли наш транспарант?

– Стоп! – ещё раз повторил Александр. – Ничего я не крал, и вообще я не помню и не понимаю, как оказался в лесу, у костра, голый, но при этом завёрнутый в краденный транспарант.

– Так у вас амнезия, потеря памяти, – охотно объяснила фельдшерица.

– Дойдём и до этого, – отрезал Александр. – Что было дальше?

– Да ничего не было, – Лев Сидорович пожал плечами. – Почти не было. Илья Левашов тут же соорудил из подручных материалов волокуши и доволоч вас до посёлка.

– Я осмотрела вас, никаких физических повреждений на вашем теле нет, – вслед за начальником подхватила фельдшерица. – Вы провели без сознания весь день и всю ночь. Вот, – Тамара Игоревна показала пузырёк с нашатырным спиртом, – только сегодня утром вас удалось привести в сознание. А вы сами что-нибудь помните?

Простой, казалось бы, вопрос выбил из колеи. Александр задумчиво нахмурился. И в самом деле, что он помнит? Или даже так – что можно рассказать этим людям, а о чём говорить не стоит. Однако появление нового человека в фельдшерском пункте избавило Александра от необходимости отвечать. С шумом распахнулась дверь.

– Ну как? Наш похититель транспаранта пришёл в себя?
В проходе между стеной и белой загородкой появился

мужчина лет шестидесяти в синей милицейской форме с погонами старшины. Грузный, но всё ещё физически крепкий, хотя волосы, что выбиваются из-под фуражки, сплошь седые. Это должно быть местный участковый инспектор милиции. Коллега, иначе говоря.

– Э-э-э... Я так понимаю, Остап Николаевич? Участковый инспектор милиции? – Александр заговорил первым.

– Так точно, – участковый кивнул. – Остап Николаевич Лапшин, старшина милиции, здешний участковый. А вы кем будете?

– Товарищ тоже из органов, – вылезла вперёд фельдшерица.

– Тамара, – председатель леспромхоза вновь шикнул на фельдшерицу.

– Так точно, – Александр кивнул. – Разрешите представиться, Александр Никифорович Асеев, старший сержант милиции, участковый инспектор милиции Рабочего поселка №4, он же Четвёрочка, Кондопожский район, Карело-Финская ССР.

– Так это же..., – участковый махнул рукой, – не одна тысяча километров на восток будет. Как вы у нас оказались? И как вы украли транспарант?

– Да не крал я никакой транспарант, – сердито ответил Александр. – Как и каким образом я оказался в ваших краях – понятия не имею.

– У вас амнезий? Сиречь, потеря памяти?

– Никак нет, – Александр отрицательно мотнул головой. – Я проводил следственные мероприятия по делу исчезновения жителей деревни Дубуяна, что находится недалеко от Четвёрочки. Со мной произошёл ряд очень странных событий, о которых, уж извините, вам рассказывать не буду.

– Но! Но! Но! – начал было участковый, но Александр перебил его и продолжил.

– Прошу вас сообщить вашему начальству о моём появлении. А так же сообщить в Кондопогу начальнику районной милиции капитану Давыдову. Я так понимаю, меня уже сочли пропавшим без вести.

Старшина милиции грозно глянул на Александра, но ругаться или давить авторитетом не стал. Вместо этого участковый произнёс:

– Хорошо, я выполню вашу просьбу. Тем более я всё равно обязан это сделать. А что дальше?

– А это уже решать нашим начальникам, – ответил Александр.

И в самом деле, а что дальше? Александр мысленно пожал плечами. Он пропал на три недели, а потом объявился за тысячи километров от Дубуяны. Кто, как и каким образом перенёс его сюда? Да и зачем?

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовался участковый.

– Спасибо, хорошо, – ответил Александр.

Желудок, будто специально дождавшись этой фразы, тут же усиленно забурчал.

– Только, это, – несколько смущённо добавил Александр, – кушать очень хочется. Надеюсь, меня покормят?

– Конечно, конечно, – тут же засуетилась Тамара Игоревна. – Сейчас я принесу. Или сами дойдёте до столовой?

– Не знаю, – честно ответил Александр, – но сейчас выясним.

Шерстяное одеяло самым решительным образом сдвинуто в сторону. Александр скинул ноги на прохладный пол, и... И легко поднялся с кровати. Удивительно, но он и в самом деле чувствует себя превосходно. Даже... Да не может этого быть?

Александр несколько раз энергично наклонился вперёд, назад, каждый раз касаясь кончиками пальцев досок пола, а потом из стороны в сторону. Потом ещё несколько раз энергично, словно гимнаст, повернулся корпусом туда-сюда. Будто и этого мало, три раза подпрыгнул и хлопнул руками над головой.

– Что вы делаете? – фельдшерица первой не удержалась от вопроса.

– Поясница, – Александр принялся ощупывать собственную поясницу.

– Что поясница? – на этот раз спросил местный участковый.

– Поясница, – Александр повернулся лицом к старшине милиции. – Поясница не болит. На войне я получил серьёзное ранение. Ещё месяц назад подобные физкультурные

упражнения закончились бы для меня адскими болями в спине. Да! Кстати!

Александр рывком задрал исподнюю рубашку. Ничего. Вообще ничего. Память очень неприятно резанула более чем свежими воспоминаниями о том, как марсианка своим странным ножом с тонким лезвием резала ему кожу на груди и животе. Сейчас же, Александр, словно не веря собственным глазам, провёл ладонью по животу. Ничего. В натуре ничего, не осталось даже тонких белых полосок.

– Ладно, потом разберёмся, – старшине милиции явно надоели непонятные физические упражнения Александра. – Как вы себя чувствуете?

– Великолепно, – ответил Александр, – будто вчера родился.

– Отлично. Тогда сегодня же днём я отвезу вас в райцентр. Лев Сидорович, – участковый глянул на председателя леспромхоза, – найдётся, во что одеть товарища?

– Найдётся, – Лев Сидорович кивнул. – Моё исподнее ему отлично подошло. Думаю, рубашка и штаны тоже подойдут. Только ботинки, уж извините, старые отдам, которые протекают.

– Ничего страшного, – за участкового ответил Александр. – Вы, заодно, машину до райцентра дайте. Так быстрее будет.

– Можно и машину, – Лев Сидорович кивнул. – После обеда как раз Лёшку отправить хотел. Заодно и вас подбро-

сит.

– Хорошо. Тогда в два часа по полудню я зайду за вами, – подвёл итог участковый.

– А не боитесь, что я на самом деле беглый уголовник? – поинтересовался Александр.

– Нет, не боюсь, – старшина милиции тихо рассмеялся. – Это я попросил Тамару Игоревну осмотреть вас самым тщательным образом. У вас на коже ни одной блатной татуировки. А такого не бывает. Зато хватает заживших ран, как у фронтовика.

– Тоже верно, – нехотя согласился Александр.

– Ладно, я пошёл, – местный участковый скрылся за белой загородкой, напоследок за его спиной хлопнула дверь.

– Я тоже пойду, одежду вам принесу, – пообещал председатель.

– А я принесу вам поесть, – вступила в разговор фельдшерица. – Вы, товарищ, лучше прилягте, отдохните пока, отоспитесь.

– С удовольствием, – охотно согласился Александр.

Фельдшерица и председатель местного леспромхоза вышли из фельдшерского пункта. Александр прилёг обратно на армейскую койку и натянул шерстяное одеяло до самого подбородка.

Ну, дела! Александр уставился в побеленный потолок. Казалось бы, уже и с жизнью простился. А тут! Такое! В голове не укладывается. А вот о тёрках с марсианами местным

лучше не рассказывать. Не поймут, не поверят, в психушку ещё запихнут.

Глава 15. Вопросы без ответов

Массивная стальная дверь, будто делая большое одолжение, медленно отошла в сторону.

– Проходите..., – конвойный, здоровенный детина в форме НКВД и с погонами младшего сержанта на плечах, задумчиво смерил Александра взглядом и нехотя добавил, – товарищ.

Конвойный отступил в сторону. На лице бывалого тюремщика застыло плохо скрытое непонимание. Вроде как арестант в потрёпанном и заштопанном пиджаке, полинявшей крестьянской рубашке и несурзных штанах не в цвет и не в тон. Но в ботинки, всё же, заправлены шнурки, а лицо гладко выбрито. Главное же, и это Александр знает точно, в глазах непонятого то ли арестанта, то ли нет, не плещется страх.

Это, Александр переступил порог, самая обычная камера для допросов. Бетонные стены, единственное окно под потолком забрано решёткой, металлический столик и табуретка намертво вделаны в пол. Ещё один стул со спинкой можно передвигать туда-сюда, но он уже занят.

– Добрый день, Александр Никифорович, – произнёс офицер НКВД. – Прошу вас, присаживайтесь.

Александр не стал выёживаться или с порога качать права, а молча опустился на табурет. Судя по просвету и четырём небольшим звёздочкам, капитан. Судя по золочённому

полю, васьиковому просвету и канту, а так же по серебряным звёздочкам, офицер ГБ. В камере для допросов повисла неловкая тишина.

Старшина милиции Лапшин, участковый Лысково, сдержал слово. В тот же день весёлый водила Лёшка на «полуторке» с ветерком отвёз их в Кислое, достаточно большое село, чтобы его назначили административным центром Кисловского района. Майор Касатонов, глава районной милиции, сперва попытался спихнуть куда-нибудь непонятого товарища, однако, в конечном итоге, велел посадить Александра в «обезьянник».

В камере предварительного заключения Александр просидел больше суток. Майор Касатонов откровенно не знал, что ему делать с непонятым товарищем. Однако сонная обстановка поменялась самым решительным образом. У Александра сложилось впечатление, будто ленивому майору Касатову одно причинное место щедро смазали скипидаром. И вот тогда события завертелись со скоростью кинокадров на экране кинотеатра.

«Персональный автозак» с «торжественным сопровождением» в лице двух сержантов милиции доставил Александра в Ойрот-Тура, столицу Ойротской автономной области. Уже от туда его на самолёте отправили напрямик в Москву. Ещё один закрытый автозак, но на этот раз с лейтенантом и двумя сержантами сопровождения, доставил его в главное здание НКВД СССР на площади Дзержинского во внутреннюю

тюрьму.

В камере на двоих Александр оказался в гордом одиночестве. По-своему это роскошь, всё больше простора. Но атмосфера в камере всё равно оставалась гнетущей. Небольшое окошко под потолком с капитальной стальной решёткой закрыто жёлтым толстым стеклом, от чего в камере постоянно горела электрическая лампочка. Без неё, даже в разгар дня, была бы полная темнота. Двухъярусные нары, квадратный деревянный стол и две табуретки. Не крашенная древесина отполирована до тёмного блеска. И тишина, противная тишина. Казалось бы, площадь Дзержинского – центр Москвы. Однако снаружи не долетают ни гудки машин, ни визг тормозов, ни вообще какой-либо звук большого города.

Его оставили в покое на сутки. Конечно, Александр понимал, что просто так его не отпустят. Вполне закономерно, что придётся провести за решёткой какое-то время. Но чтобы дело дошло до Москвы? Такого Александр никак не предполагал. Максимум, на что он рассчитывал, так это на Петрозаводск.

Не меньше Александра озадаченным оказался тюремный персонал. Отвечать на какие-либо вопросы здоровые молодцы отказались напрочь. Но, с другой стороны, к нему отнеслись не как к обычному арестанту или хотя бы подозреваемому. И вот, наконец, Александр очень надеется, что ситуация разрешится.

– Разрешите представиться, – офицер НКВД заговорил

первым, – Антон Игнатьевич Кочкин, капитан госбезопасности. Именно мне поручено разобраться с вашим..., – следователь на миг замялся, – с вашим делом. Понимаю! – капитан ГБ поднял руку, Александр тут же захлопнул рот. – Вас очень интересует, что же такое произошло, раз вам оказано такое..., – капитан ГБ вновь замялся на миг, – такое внимание.

Вы сами сотрудник внутренних органов, а потому буду с вами откровенен: пока мы не выясним все обстоятельства вашего дела, никаких ответов на ваши вопросы вы не услышите. А этих самых вопросов, как я понимаю, у вас накопилось множество.

– Так точно, товарищ капитан госбезопасности, – Александр кивнул. – Если я правильно вас понял, то сначала допросы, допросы и ещё раз допросы. А уже после вы проясните мне ситуацию.

– Совершенно верно, – в свою очередь капитан госбезопасности кивнул.

– Только разрешите вас предупредить, товарищ капитан госбезопасности, – Александр в свою очередь поднял руку. – Мой рассказ может показаться вам, так сказать, необычным. Да чего уж там, – Александр махнул рукой, – откровенным бредом.

– Да, да, меня предупредили об этом. Так что рассказывайте смело всё так, как оно было на самом деле. Приукрашивать, перефразировать или смягчать формулировки не нуж-

но. И так, приступим. Ваши имя, фамилия, отчество, год и место рождения?

– Александр Никифорович Асеев. Родился 21 мая 1920 года в городе Кондопога, Карело-Финская ССР.

– Место жительства?

– Рабочий посёлок №4, он же Четвёрочка, – ответил Александр.

Как и полагается в начале любого допроса, следовательно уточнил личные данные. И лишь после перешёл к сути. Отпираться, пытаться обелить себя ни к чему. Александр рассказал всё, как оно было, ничего не утаивая не придумывая ничего сверху. Было опасение, что, когда речь пойдёт о марсианах, капитан госбезопасности Кочкин не поверит и откажется продолжить допрос. Но, похоже, его и в самом деле предупредили. Так что Антон Игнатьевич и глазом не моргнул, когда Александр в своём рассказе впервые упомянул марсиан, а так же их космический корабль.

– Вот так участковый инспектор посёлка Лысково старшина милиции Лапшин доставил меня в районное отделение милиции посёлка Кислое, – Александр закончил свой рассказ.

– Понятно, – следователь кивнул.

Капитан госбезопасности тщательно, не жалея листов, записал весьма длинные и обстоятельные показания Александра. Теперь следующий этап – уточняющие вопросы.

– Так вы украли транспарант или нет? – следователь на

миг оторвался от протокола.

– Нет, конечно же, – Александр как смог сдержал раздражение в собственном голосе. – Какой мне смысл красть транспарант в посёлке, потом уходить от него на три-четыре километра в тайгу, разводить костёр, чтобы меня нашёл местный охотник и с помпой приволок обратно в Лысково? В тайге, между прочим, холодно и гнус. Даже если завернуться в транспарант, всё равно мало не покажется.

От перспективы прогулки голышом по лесу Александр нервно передёрнул плечами. Не так давно у староверов даже существовала такая казнь – оставить голым на комарах. Говорят, очень мучительная казнь. Гораздо милосердней преступника просто повесть.

– Хорошо, – протянул следователь. – Вы несколько раз отметили, что теперь у вас не болит поясница. Почему это так важно для вас?

– Дело в том, товарищ капитан госбезопасности, что во время войны я получил серьёзное ранение. Уж извините, – Александр всплеснул руками, – точными медицинскими терминами не владею. У меня что-то там с позвоночником, то ли скол, то ли трещина. Почему меня и комиссовали вчистую. Так-то мне ещё нужно было дослужить срочную службу не меньше года, а то и все полтора. А тут, – Александр выразительно покрутился на табурете туда-сюда, – до сих пор никаких проблем. Ни разу болью так и не стрельнуло. Хотя до этого «стреляло» регулярно.

– Хотите сказать, что вы полностью выздоровели?

– Я очень надеюсь на это, но боюсь сглазить, – честно признался Александр. – Это ранение проклятое мне всю жизнь едва не перечеркнуло. Я ведь после войны хотел остаться в органах, может даже к вам перейти. А тут! – Александр выразительно рубанул ладонью перед собой. – Огромное спасибо капитану Давыдову, что поверил в меня и взял в родную Четвёрочку участковым.

– Что? Нашли своё призвание? – в голосе следователя ГБ всё же проскользнула ирония.

– Так точно, нашёл, – Александр с ходу и начисто отмёл всякую иронию. – У меня появилась надежда поправить собственное здоровье. Капитан Давыдов обещал мне помочь поступить на юридический в следующем году. Если, конечно, я проявлю себя должным образом на должности участкового инспектора милиции.

– Интересное дело, – следовать госбезопасности впервые за всё время допроса улыбнулся. – Если я правильно вас понял, то сперва вы хотели разобраться, что именно произошло с вашей семьёй. И уже в процессе дознания вы вышли на странный метеорит и все последующие события. Я прав?

– Так точно, – Александр кивнул. – Скажу больше: в процессе дознания я упорно гнал от себя всякую чертовщину и прочую мистику. Я упорно искал логичное и материальное объяснение.

– Но так и не нашли? – услужливо подсказал следователь

ГБ.

– Так и не нашёл, – Александр не стал отпираться. – Из тупика меня вывело знакомство с книгой Герберта Уэлса «Война миров». Именно она подсказала мне новое направление в расследовании. Научная фантастика, это, в первую очередь, всё же наука, и никакой мистики с прочей чертовщиной.

Больше часа капитан Кочкин задавал и задавал уточняющие вопросы. Про себя Александр лишь восхитился профессионализмом следователя ГБ. Казалось бы, он и не собирался ничего скрывать от следствия, однако капитан Кочкин всё равно нашёл множество неясных подробностей и мотивов, которые Александр и сам не осознавал.

– На этом пока всё, – следователь ГБ сгрёб исписанные листы в стопку и протянул их Александру. – Внимательно прочтите и распишитесь. Впрочем, не мне вам объяснять.

– Да, да, конечно, – Александр аккуратно взял протокол и принялся читать с самого первого листа.

Зависть – плохое чувство, но не завидовать капитану Кочкину всё равно не получается. Александр лишь грустно вздыхал про себя, когда подписывал очередной лист допроса. Вот как надо вести протокол! Всё чётко и по делу, никакой отсебятины, но при этом лишь факты, факты и ещё раз факты.

– Готово, – Александр протянул стопку листов следователю ГБ.

– Благодарю вас, – капитан Кочкин тут же убрал протокол в картонную папку. – Просьбы, жалобы, пожелания будут?

– Будут, – торопливо произнёс Александр и тут же немного смутился. – Я прекрасно понимаю, что, пока идёт следствие и проверка, моё место в камере. Потому не жалуясь и тем более не собираюсь протестовать. Но скучно, просто скучно сидеть в четырёх стенах. Мне даже поговорить не с кем. Если можно, книг для чтения. А ещё газет свежих, особенно свежих. Фашистов мы разгромили, на очереди японцы. В мире такие дела творятся, а я не в курсе. Обидно.

– Хорошо, я распоряжусь, – капитан ГБ улыбнулся в ответ. – Думаю, такую поблажку в отношении вас мы вполне можем допустить. Заодно вам будут дозволены прогулки раз в день.

– Буду вам очень признателен, – ответил Александр.

На столь благоприятной ноте допрос закончился. Конвойный, всё тот же здоровенный детина с погонами младшего сержанта, отвёл Александра обратно в камеру. Однако не прошло и часа, как капитан ГБ Кочкин сдержал своё обещание. Другой конвойный, не менее крепкий, чем младший сержант, но пока ещё рядовой, подкатил к камере большую тележку с книгами. Александр не только выбрал пять пухлых томиков для чтения, но и получил стопку свежих газет «Правда», «Известия» и «Труд».

Чтение, в том числе и газет, существенно помогло разнообразить монотонное существование в тюремной камере, од-

нако главным «развлечением» так и остались допросы. Буквально тем же вечером конвойный вновь привёл Александра в комнату для допросов. На этот раз капитана ГБ Кочкина в первую очередь интересовала биография Александра: где родился, где учился, где служил, где воевал и так далее. Александр сразу же понял, что ГБ решило проверить не только его странное исчезновение почти на месяц, а и всю жизнь целиком. Но и это ещё не всё.

Четвёртое утро во внутренней тюрьме главного здания НКВД на площади Дзержинского началось с того, что Александра увезли в какое-то медицинское учреждение. Военных медиков напрочь не интересовала как биография Александра, так и его странное исчезновение. Зато врачи в погонах весьма и весьма основательно проверили его физическое здоровье. Александр употел, пока приседал, прыгал на одном месте и совершал наклоны телом в разные стороны.

А потом были ещё допросы, и ещё, и ещё одно не менее тщательное медицинское обследование, но уже в другом месте и другими медиками. Под белыми халатами ничего не видно, однако Александр пришёл к выводу, что во второй раз его обследовали пусть и научные светила, но вполне гражданские врачи.

Самым трудным оказалось последнее самое длительное испытание неизвестностью. Две недели, долгих четырнадцать дней, казалось бы о нём забыли начисто. Александр быстро выучил несложный ритм тюремной жизни: подъём,

кормёжка, прогулка и чтение, чтение, чтение. Умом он прекрасно понимал, что настал самый важный финальный этап всей этой истории. Где-то в верхах думают, как быть и что с ним делать. Однако ожидание всё равно оставалось невыносимым. А потому Александр буквально подпрыгнул от возбуждения, когда в неурочное время в коридоре забухали сапоги, а конвойный отвёл его в хорошо знакомую камеру для допросов.

На этот раз возле вделанного намертво в пол металлического столика оказалось два деревянных стульчика. Капитан ГБ Антона Кочкина Александр узнал сразу. А вот видеть второго мужчину ранее никогда не доводилось.

– Садитесь, – капитан ГБ указал на вделанный в пол металлический табурет.

Александр послушно опустился на указанное место. На вид второму мужчине около пятидесяти лет. Тронутые сединой волосы зачёсаны назад. Лицо широкое, волевое. Одет незнакомец в дорогой даже по виду костюм тройку тёмно-серого цвета, ботинки на ногах блестят от наведённого лоска. На груди, на фоне белой рубашки, выделяется синий галстук. На первый взгляд ну прямо-таки картинный дипломат или гражданский чиновник очень высокого ранга. Однако всё равно кажется, Александр даже моргнул несколько раз, будто на плечах липового дипломата погоны с крупными генеральскими звёздочками.

– Разрешите представить, – капитан ГБ Кочкин показал

взглядом на второго мужчину, – Игнат Афанасьевич Штерн. Или просто товарищ Штерн.

Александр инстинктивно напрягся, за фамилией ни должности, ни звания так и не последовало. Ого, значит, Игнат Афанасьевич не просто высокопоставленный чиновник или офицер, а ещё и засекреченный по самые гланды. Во время войны Александру приходилось встречаться с такими товарищами. Скорей всего, и фамилия Штерн является вымышленной.

– Именно он, – между тем продолжил капитан ГБ Кочкин, – ответит на все ваши вопросы.

– Так вы возьмёте меня к себе? – от самого главного вопроса Александр так и не сумел удержаться.

– Я же сказал, что на все ваши вопросы, – без малейшего намёка на раздражение повторил следователь ГБ.

Чем дальше в лес, тем всё интересней. Александр проследил глазами, как капитан ГБ Кочкин вышел из камеры для допросов. Даже не понятно, радоваться такому развитию событий или нет? Впрочем, Александр глянул на товарища Штерна, к чему гадать? Как раз сейчас всё должно проясниться.

– Я так понимаю, – слегка грубоватым, но бархатистым, голосом заговорил товарищ Штерн, едва стальная дверь в камеру для допросов закрылась за следователем ГБ, – в первую очередь вас интересует, что именно произошло, пока вас не было?

– Так точно, – Александр кивнул. – Я так подозреваю, большой шухер?

– Определение грубое, но весьма точное, – товарищ Штерн мягко улыбнулся. – Начну с того, что вас довольно быстро хватились. В четверг вечером 5 июля вы так и не вернулись домой в Четвёрочку. Когда же вы не оказались на рабочем месте и в пятницу шестого, то товарищ Аркадий Круглов, председатель леспромхоза, тут же отправил донесение в Кондопогу капитану Давыдову, главе районной милиции. Уже капитан Давыдов организовал ваши поиски. Сами понимаете – пропал участковый инспектор милиции. Это ЧП, пусть и районного масштаба.

Благодаря вашей предварительной договорённости, капитан Давыдов сразу же направился в Дубуяну. В одном из сараев он сразу нашёл ваш базовый лагерь. Главное же, следы на земле и куча стреляных гильз позволили предположить, что вас похитили.

– Почему сразу похитили? – спросил Александр.

– Ни вашего тела, ни крови так и не обнаружили. Поисково-розыскная собака взять след так и не смогла. Хотя вашего начальника весьма озадачил тот факт, что похитители так и не позарились на ваше оружие: табельный ТТ и выданным им же ППС-43. Но самое удивительное капитан Давыдов нашёл в вашей планшетке. Ведь вы весьма предусмотрительно вели весьма подробные протоколы всех ваших действий и тщательный дневник всех ваших поисков. Похитители со-

вершили во истину роковую ошибку, когда похитили вас, но при этом оставили все ваши бумаги.

В отличие от вас, капитан Давыдов сразу понял, что это был за отряд эсэсовцев, который вёл поиски упавшего метеорита в 1944 году накануне освобождения Кондопоги Красной армией.

Товарищ Штерн распахнул кожаную папку на столе перед собой.

– Вы знаете, что это такое? – товарищ Штерн положил перед Александром бумажный лист.

– Э-э-э... – Александр в задумчивости уставился на чёрно-белый рисунок. – Это какая-то эмблема чего-то там. Что именно, я понятия не имею. Но эту эмблему я нашёл в документах, что мне удалось обнаружить на месте аварийной посадки космического корабля марсиан.

Александр сразу узнал чудный то ли герб, то ли эмблему в виде двойного овала с петлёй в центре, в которую воткнут прямой меч. Особенно запомнились то ли надписи, то ли узоры по краям овала.

– Верно, – товарищ Штерн кивнул. – Только капитан Давыдов сразу понял, что это эмблема «Ананербе», особого подразделения СС. Чтобы вам было понятней, они занимались некой научной деятельностью, весьма специфической научной деятельностью. Гитлер и прочие бонзы нацистской Германии верили в мистику, в теорию превосходства арийской расы над всеми прочими народами, в древних арийцев

и в прочую около религиозную ерунду.

– А, кажется, я понял, – произнёс Александр. – Это самое «Ананербе» подводило научный базис под всю эту мистику и откровенные поповские суеверия.

– Верно, – согласился товарищ Штерн. – Однако эсэсовцы из «Ананербе» занимались не только пустым словоблудием в чистеньких берлинских кабинетах. Они активно занимались научными исследованиями и организовывали различные экспедиции едва ли не во все стороны света. У них были свои лаборатории, свои подопытные, свои центры обучения и так далее. Так что в деятельности «Ананербе» всё же присутствовала вполне материальная составляющая и даже была реальная практическая отдача. Но мы отвлеклись.

Капитан Давыдов сразу понял, что это были за эсэсовцы. А потому лично отправился с вашими бумагами в Петрозаводск для доклада вышестоящему начальству. Благодаря смелым и решительным действиям капитана Давыдова, не прошло и недели, как в Дубуяне появилась многочисленная экспедиция от Наркомата внутренних дел и Академии наук СССР.

– Ни фига себе, – с восторгом ахнул Александр. – О подобном я даже мечтать не смел.

– Расписывать хронологию поисков смысла нет, перейду сразу к результатам, – из кожаной папки перед собой товарищ Штерн вытащил ещё один лист. – Мы нашли всю описанную вами подбитую технику как финнов, так и немцев,

место аварийной посадки космического корабля инопланетян и...

На самом интересном месте товарищ Штерн выразительно умолк и уставился на Александра немного насмешливым взглядом.

– Пожалуйста, не томите, – Александр и не думал играть в увлекательную игру кто кого перемолчит с самым загадочным видом.

– И озеро Ингрида, в глубинах которого, предположительно, был спрятан космический корабль инопланетян. Водолазы самым тщательным образом обследовали озеро, но ничего так и не нашли.

– Проклятье! – от досады Александр грязно ругнулся вслух. – Улетели. Гады.

– Может быть и улетели, хотя возможны и другие варианты, – загадочно произнёс товарищ Штерн. – В первую очередь мы взяли пробы воды из озера Ингрида. Тут очень кстати пригодились и те две пробы, что вы нашли на месте аварийной посадки космического корабля инопланетян в стальном ящике в одной из палаток. Вы не химик, так что все эти хитроумные названия вам всё равно ничего не скажут. Отмечу главное – вода в озере была конкретно отравлена. Тяжёлые металлы типа ртути ещё ладно. Над некоторыми химическими соединениями наши учёные выворачивают мозги и бьются лбами о стены до сих пор.

– Так вы нашли хоть что-нибудь из техники марсиан? –

спросил Александр.

– Увы, нет, – товарищ Штерн виновато развёл руками. – К тем образцам, что нашли вы, мы сумели добавить лишь несколько крошечных осколков с непонятным химическим составом и ещё более непонятными физическими свойствами. Не говоря уже о том, чтобы взять в плен хоть кого-нибудь из инопланетян.

– А вам удалось выяснить, каким это образом я оказался аж в Ойротской автономной области за тысячи километров от Карелии? – спросил Александр.

– Нет, – товарищ Штерн отрицательно мотнул головой.

– Ну а есть хоть какие-нибудь предположения, почему именно Ойротская автономная область? Почему именно там? Неужели не нашлось местечка поближе?

– Это ещё одни вопросы, на которые мы сами очень хотели бы найти ответы, – товарищ Штерн пожал плечами. – Но причина должна быть. В этом у нас никто не сомневается.

– Хреново дело, – заметил Александр и печально опустил голову, но тут же поднял её вновь. – Подождите, вы сказали, что возможны варианты. Какие именно?

– А вы не догадываетесь?

– Э-э-э... Нет, – ответил Александр.

– Ну как же? Вспомните собственные показания. Что произошло, когда вы в последний раз пришли в себя в лаборатории пришельцев, а потом вновь потеряли сознание?

– Я много думал об этом, и так и эдак раскидывал мозга-

ми, но всё сводится к тому, что меня... – Александр на миг замялся, – освободили марсиане. Другие марсиане, не те, что поймали меня.

– Верно, – товарищ Штерн довольно улыбнулся. – По косвенным уликам и немногочисленным следам нам удалось установить, что незадолго до нашего появления в окрестностях озера Ингрида произошёл бой с применением тех самых тепловых лучей. Некоторые заряды прошивали за раз до десяти деревьев, оставляя после себя узкие просеки и воронки в лесной почве, что больше похоже на извержения очень маленьких вулканов. И более ничего, никакой техники пришельцев.

Логично предположить, что победитель подчистил поле боя и подобрал практически всё. Нам достались буквально жалкие крохи с барского стола.

– А что же с этой «Ананербе»?

– Мы разбираемся с этой организацией. Но нужно понимать, что множество документов нацисты успели либо уничтожить, либо спрятать. Мы только-только осознаём размах деятельности этого подразделения СС. Охота на корабль инопланетян является лишь малой частью их весьма обширных и секретных дел.

– Если я правильно понял, то на поиски марсиан северней Дубуяны был отправлен большой отряд? – спросил Александр.

– Да, – товарищ Штерн кивнул, – я был в числе их ру-

ководителей. Предвижу ваши следующие вопросы. Да, численностью больше сотни человек, десятки грузовых машин, тракторов и прочей техники. С воздуха район поиска был обследован армейской разведывательной авиацией. Так в нашем распоряжении оказались снимки района поиска. К сожалению, других объектов для исследования, за исключением тех, что вы нашли, нам обнаружить не удалось.

Как грустно, Александр шмыгнул носом, хоть плач. Ему удалось найти главное. Во-первых, выяснить, что на самом деле произошло с его семьёй и кто на самом деле виноват в её гибели. А во-вторых, привлечь внимание к странному метеориту, который на проверку оказался космическим кораблём марсиан, что совершил аварийную посадку северней Дубуяны.

– Материальных следов и улик очень мало, – продолжил товарищ Штерн. – По большей части на основе только ваших показаний можно предположить, что пришельцы, хоть и совершили аварийную посадку по неизвестным причинам, в течение года занимались научными исследованиями. В первую очередь их интересовали мы, люди. Интересовали и как биологический вид, и как социум.

– И зачем им это было нужно? – вяло поинтересовался Александр.

– А это ещё один вопрос, на который нам очень хотелось бы знать ответ, – товарищ Штерн совсем не весело усмехнулся.

В камере для допросов повисла тишина. Александр отвёл глаза в сторону. Ну вот и всё. Всё, что только он мог сделать, он сделал. Впрочем, это ещё не всё.

– А что теперь будет со мной? – спросил Александр. – Обратно в Четвёрочку участковым? Или возможны варианты?

Вопрос далеко не праздный. Помимо собственной воли Александр оказался носителем больших и очень важных государственных секретов. Или ему просто никто не поверит? Александр не зря читал газеты самым внимательным образом. Ни в одной из них даже тенью, даже намёком, не мелькнуло хоть какое-нибудь упоминание о пришествии марсиан в Карело-Финской ССР. Вот и остаётся простор для самых разных вариантов.

– Начну с того, что вы физически здоровы, – вновь заговорил товарищ Штерн. – Конечно, мы подняли историю всех ваших ранений, в том числе допросили врачей, что лечили вас в военном госпитале. Однако оба очень тщательных медицинских осмотра от двух разных групп врачей в равной степени подтвердили, что вы полностью здоровы. На основании чего было принято решение снять с вас инвалидность.

– Так это..., – от радости сбилось дыхание, – я останусь в органах? Или, для начала, мне нужно будет дослужить срочную службу? Если не ошибаюсь, мне остался год. Но, если что, я согласен, я готов. Да хоть опять китайскую границу стеречь, или даже на войну с японцами. Я на всё согласен.

– Нет, дослуживать срочную вам не придётся, это точно.

Как и воевать с японцами, либо возвращаться в Четвёрочку на должность участкового инспектора милиции. К слову, эта должность уже официально вакантна. Но прежде скажите: вот вам, лично, не хочется более пристально расследовать деятельность инопланетян на Земле? В частности у нас в СССР?

– Э-э-э... – лишь растерянно выдавил из себя Александр.

Пограничник на китайской границе, участковый инспектор милиции в Рабочем посёлке №4, даже солдат Внутренних войск НКВД по охране тыла – это всё понятно и логично. Но расследование деятельности марсиан на Земле? О подобном Александр просто не думал. Если бы он сам не оказался на космическом корабле марсиан в качестве подопытного кролика, то непременно рассмеялся бы в лицо любому, кто предложил бы ему такую работу. Но теперь...

– А, разве, такое возможно? – Александр растерянно глянул на товарища Штерна. – А почему НКВД не может заниматься расследованием деятельности марсиан на Земле? Или хотя бы в СССР? Ведь это прямая задача Наркомата внутренних дел.

В свою очередь товарищ Штерн смущённо замолчал и отвёл глаза. Однако не прошло и минуты, как он махнул рукой и заговорил вновь:

– Ладно, чего уж там шило в пустом мешке прятать. Расскажу с самого начала. Всё началось с того, что ещё в 1917 году только-только созданная ЧК начала шерстить царские

архивы. Специальные отделы чекистов копались в бумагах полиции, жандармов, охранки и прочих ведомств Российской империи. Именно так был найден очень странный архив о разных непонятных делах и происшествиях.

Сперва сведения о пришельцах из космоса приняли за буржуазный бред и едва не отправили архив в печь. Однако информация о некоей весьма непонятой деятельности инопланетян продолжала поступать со всех концов СССР. С годами её не становилось меньше, наоборот – только больше. Так очень странный архив благополучно перекочевал сперва в ОГПУ, а позже в НКВД. Вслед за рассказами очевидцев и непосредственных участников начали накапливаться материальные доказательства.

– Осмелюсь предположить, что это были всё те же мелкие осколки, оплавленные камушки и круги на полях, – заметил Александр.

– Верно, – товарищ Штерн не стал приукрашивать действительность. – С принятием на вооружение радаров появились новые данные и факты, которые не всегда получалось списать на чисто природные явления. Да и лёгчики всё чаще и чаще докладывали о странных встречах во время полётов. А в последние годы к ним добавились сообщения от подводников.

– От подводников? – удивился Александр. – Это как?

– Всё более совершенные акустические приборы всё чаще и чаще начали ловить непонятные шумы в водах миро-

вого океана, – пояснил товарищ Штерн. – Если сперва это были голословные заявления акустиков, то после, с появлением звукозаписывающих устройств, они стали фактами. Да и непонятные объекты встречаются не только над сушей, но и над морем.

Подводя итог, Великая Отечественная война, а в масштабах всей планеты Вторая мировая война, привлекли внимание инопланетян. Военные не раз и не два замечали странные летающие аппараты над некоторыми особо важными и секретными объектами.

– К чему вы мне рассказываете всё это? – не выдержал Александр.

Рассказ товарища Штерна, кем бы он не был на самом деле, очень хочется назвать глупыми рассказнями, а то и откровенным бредом, но не получается. Тем более странно и подозрительно, зачем он делится с ним государственными секретами?

– К тому, товарищ Асеев, – товарищ Штерн доверительно склонился ближе, – что ваш случай стал последней каплей. Вы первый, кто непосредственно столкнулся с инопланетянами лицом к лицу. Даже больше, – товарищ Штерн мелко-мелко затрясся от смеха, – самый первый, кто умудрился покусать инопланетянина.

– Было дело, – Александр смутился так, что аж щёки запылали жаром.

– Буквально вчера было принято решение о создании

НИИ по изучению аномальных явлений под патронажем НКВД и товарища Берии лично.

– И вы официально предлагаете перейти на работу в этот институт? – спросил Александр.

– Верно.

Одно слово, всего одно слово повергло в шок. Александр вытянулся на жёсткой табуретке по стойке «смирно». Это... Это что же получается? Ему предлагают перейти на работу в органы, куда он сам давно, ещё с войны, мечтал попасть. И вот оно, то самое, предложение, но вместо радости душу захлестнули сомнения.

– Но я же не учёный, – тихо произнёс Александр. – Да, я закончил десятилетку и собирался поступать в ВУЗ, но не более того.

– Вам никто и не предлагает должность учёного. Поверьте, – мягко произнёс товарищ Штерн, – и без вас найдётся, кому корпеть над микроскопом и химическими колбами.

– Тогда какую именно должность вы собираетесь мне предложить?

– Следователя, – ответил товарищ Штерн.

– Как это следователя? – удивлённо переспросил Александр.

– А вы что думали, дорогой товарищ? – в свою очередь товарищ Штерн наигранно удивился. – На Земле вообще и в СССР в частности пришельцы из космоса занимаются некой непонятной деятельностью. Самое первое, что от нас требу-

ется, так это разоблачить эту деятельность, в чём бы она не заключалась.

– Иначе говоря, вы не верите, что марсиане желают нам добра? – на всякий случай уточнил Александр.

– Скажем так, – строгим тоном произнёс товарищ Штерн. – Любая секретность, любая тайна сами по себе подразумевают вред и зло. Будь иначе, то инопланетяне давно вышли бы на контакт с человечеством.

Скрывать не буду: – продолжил товарищ Штерн, – работа вам предстоит адская. Так-то, конечно, в вашем распоряжении будут все ресурсы НКВД и даже всего СССР, но в техническом и научном отношении инопланетяне превосходят нас даже не на голову, а на целый рост. Однако они всё равно не всемогущи и могут ошибаться.

Насчёт превосходства, это верно. Александр задумчиво отвёл глаза в сторону. Чего только стоит летающий тазик с едва ли не идеальной маскировкой и тепловые лучи, от которых совсем негорючие бронетранспортёры вспыхивают, словно бензин в ведре.

– Товарищ Асеев, я не понимаю, чего вы ломаетесь? – товарищ Штерн на свой манер расценил задумчивое молчание Александра. – Если вас интересует материальная сторона вашей новой должности, то условия, если уж называть вещи своими именами, просто идеальные. Для начала вы получите звание старшего сержанта государственной безопасности. И не в следующем году, а уже в этом вас ждёт учёба в военном

училище и офицерское звание по его окончанию. Я заберу вас в Москву. Вам сразу же выделяют отдельную однокомнатную квартиру. С теми секретами, что вы уже владеете, вам просто не позволят жить в коммуналке или в общежитии.

– Дело не в этом, – Александр сердито отмахнулся. – Я не могу понять главного – почему именно я? За что такие щедроты?

Если разобраться, то товарищ Штерн и в самом деле предлагает невиданные щедроты. Перебраться в Москву, да ещё сразу же получить отдельную однокомнатную квартиру, о подобном Александр не смел даже мечтать. Ведь в той же Четвёрочке он получил всего лишь отдельную комнату в общежитии. И это, по меркам рабочего посёлка, самый настоящий шик. Конечно, столь щедрые материальные блага товарищ Штерн предлагает не просто так, не за пролетарское происхождение. Разоблачать марсиан – это как дрессировать кобр, если не укусят, то сбегут.

– А вы, разве, сами не догадываетесь? – на лице товарища Штерна появилось такое хитрое выражение, как у лисы, что забралась-таки в курятник.

– Э-э-э..., – медленно протянул Александр, мысли в голове словно буря в пустыне. – Дело во мне лично..., – наконец-то неуверенно предположил Александр.

– Вот именно, – товарищ Штерн кивнул. – А если точнее? – Марсиане не стали меня убивать, – из песчаной бури в голове наконец-то родились достойные мысли, Александр

продолжил гораздо более уверенным тоном. – Даже больше, они зачем-то полностью исцелили меня.

– Поздравляю! – товарищ Штерн самодовольно улыбнулся. – Вы только что с блеском прошли первое испытание на сообразительность. Точнее, инопланетяне сперва спасли вас от горькой участи подопытной мыши, а потом уже полностью исцелили вас. Значит, в вас имеется нечто. Нечто такое, что нужно инопланетянам, либо, как вариант, привлекло их внимание. Вот поэтому у нас появились новые возможности выйти на них. В конце концов до сих пор непонятно, почему инопланетяне так упорно избегают контактов с человечеством. У нас полно оснований предполагать, что пришельцы со звёзд наблюдают за нами далеко не первую сотню лет.

Но сомнения всё равно терзают душу. Вот если бы товарищ Штерн предложил просто перейти в ГБ и пообещал выделить отдельную комнату в общежитии где-нибудь в Кондопоге, то это совсем другое дело – всё просто и понятно. Как говорят в подобных случаях, по Сеньке и шапка. Но отдельная однокомнатная квартира, да ещё в Москве?

– Товарищ Асеев, – товарищ Штерн хитро прищурился, словно мошенник на доверии, – как я вижу, вы всё равно сомневаетесь. Это очень хорошо, ибо материальная сторона вашей новой должности так и не смогла оказать на вас самого решительного воздействия. Тогда вы подумайте о другом: сможете ли вы спокойно жить зная, что где-то рядом с вами действуют инопланетяне? Сможете ли вы после такого про-

сто отойти в сторону и жить себе дальше? Не бойтесь, что ваша здоровая спина станет для вас постоянным и горьким напоминанием об упущенных возможностях? Не скрою, вас ждёт трудная, даже опасная, но весьма интересная и насыщенная жизнь.

– А-а-а что будет, – неуверенно начал Александр, – если я откажусь?

– Ничего не будет, – товарищ Штерн усмехнулся. – Да, конечно, соответствующие расписки о неразглашении мы с вас возьмём. Вы вернётесь в Четвёрочку на свою прежнюю должность участкового. А на расспросы односельчан правдиво сможете ответить, что вы дали подписку о неразглашении. Да и кто вам поверит про марсиан-то? Сегодня весь Кондопожский район знает, что немцы искали место падения метеорита, но так ничего и не нашли. И уже наша, советская, экспедиция тоже искала, то тоже ничего так и не нашла. И всё.

Действительно, всё, Александр молча кивнул.

– Да-а-а..., – Александр рубанул воздух перед собой ребром ладони, – где наша не пропадала! Вы правы, товарищ Штерн, я не смогу простить себе, если откажусь от возможности расследовать деятельность марсиан у нас в Союзе. Тем более у меня теперь к ним личные счёты.

– Гибель семьи? – уточнил товарищ Штерн.

– Да, гибель семьи, – Александр кивнул, – но не только. У меня сложилось стойкое убеждение, что та сиреневая суч-

ка смогла удрать. Она где-то в Союзе, что-то делает, опять что-то замышляет. Я найду её, обязательно найду, даже если для этого мне придётся прожить сто лет. Я согласен, товарищ Штерн. Когда приступать?

– Да прямо сейчас, – товарищ Штерн извлёк из кожаной папки стопку листов. – Начнём с подписки о неразглашении. Как-никак, а вы теперь носитель секретов уровня ОВГ – особой государственной важности.

– Никогда не слышал о таком уровне, – признался Александр.

– И не должны были слышать, – сурово произнёс товарищ Штерн. – Уровень ОВГ сам по себе является большим секретом. Почему, думаете, мы разговариваем с глазу на глаз?

Александр непроизвольно бросил взгляд на закрытую стальную дверь в камеру для допросов. Теперь понятно, почему товарищ Штерн попросил, даже приказал, капитану Кочкину покинуть камеру для допросов. У следователя госбезопасности нет уровня ОВГ. Но это ладно. Не об этом сейчас нужно думать, не об этом.

Александр придвинул к себе стопку листов. Впереди его ждёт трудная, даже опасная, но весьма интересная и насыщенная жизнь. Конечно, она может запросто оказаться весьма короткой. Но где наша не пропадала!